

Л. Т. ОСИПОВА

ЯВНОЕ
РАБСТВО
И
ТАЙНАЯ
СВОБОДА

ЗАМЕТКИ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. Т. ОСИПОВА

**ЯВНОЕ РАБСТВО
И
ТАЙНАЯ СВОБОДА**

Заметки о советской литературе

МЮНХЕН 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР (ЦОПЭ)

Кто пожалеет
об ужаленном заклинателе змей?
(Исус, сын Сирахов 12, 13).

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ОБЛИК Л. Т. ОСИПОВОЙ

Писательницей себя Лидия Тимофеевна не считала. Думаю, что она заблуждалась: всякий, кто прочтет ее замечательный дневник, не откажет ей в писательском таланте, притом очень своеобразном.

Писала она, как ей казалось, не по влечению, а из чувства долга. «Никто другой не напишет того, что нужно. Ничего не поделаешь; надо писать.»

К своему писательству относилась строго, никогда почти не бывала им довольна. Называла свои наброски корявками.

Бывало обратится ко мне: — Очень уж плоха моя корявка. Исправь, пожалуйста.

Я исправлял. Гримаска неудовольствия.

— Ради Бога, без литературных красот. Разве можно о сплошной коллективизации писать красиво? Нет, уж я сама постараюсь какнибудь. Писать нужно, как протокол. Ты думаешь легко написать хороший протокол?

Снова бралась за работу. Вздыхала.

— Плохой протокол.

Л. Т. очень хорошо видела ту сторону советской литературы, которую она называла «зверинцем», «кунсткамерой». Но она настаивала на том, что «кунсткамерой» советская литература не исчерпывается. Трагическую сторону явления, именуемого советской литературой, она ощущала очень остро.

В то же время она решительно отказывалась видеть в советской литературе болезнь национального духа. Советская литература по ее мнению, искусственный продукт, такое же создание советской власти, как Беломорканал или целина. Дух же народа в ней отражается вопреки требованию власти и даже вопреки желанию авторов: о какой бы то ни было оппозиции советских писателей власти не может быть и речи.

Никаких литературоведческих задач Лидия Тимофеевна перед собой не ставила и была убеждена, что с литературоведческими критериями подходить к советской литературе было бы совершенно бессмысленно, ибо это «и не литература вовсе». А если эти критерии и применимы, то результаты этого применения лишены всякого интереса и значения. Смысл изучения советской литературы не в этом, а в познании через нее советской действительности. Что советская литература по своему замыслу есть не что иное, как грандиозный опыт фальсификации, это было для Л. Т. совершенно ясно. Но кроме явной фальсификации она находила в горах советских романов целые залежи правды о советской жизни. Эта правда всегда остается контрабандой, но контрабанда эта неустранима и она отнюдь не является плодом доброй воли советских авторов. Обнаружить эту контрабанду, вскрыть предательскую роль советской литературы по отношению к породившему ее режиму, Л. Т. поставила своей задачей. Можно льстить себя надеждой, что иные из ее мыслей войдут со временем в обиход науки о советских литературе и литературоведении, которые когда нибудь будут созданы.

Лидии Тимофеевне одно время не чужда была мысль написать систематический курс советской литературы. Этому замыслу не суждено было осуществиться: помешала жестокая болезнь, которая позволяла Л. Т. работать только урывками, и недостаток нужных материалов. Но, думается мне, в самом характере и всем душевном складе Л. Т. имелись особенности неблагоприятные для систематической работы.

Слишком страстно относилась она к своим темам, которые чередовались у нее без всякого порядка. Каждое творение советского автора вызывало в ней остро-эмоциональную реакцию, причиняло ей боль, вызывало целую бурю в ее душе и страстный протест против советской лжи. В таком состоянии душевного пожара она и писала. Какой уж там систематический курс!

В конце концов с мыслью о систематическом курсе Л. Т. без особенного сожаления рассталась. Откликнуться на двадцать советских книжек, на двести, на две тысячи — это почти все равно. Все, что нужно, можно сказать о советской литературе в небольшой книжке и почти безразлично, какие образцы советской литературы сделать основой исследования.

Одним из убеждений Л. Т. было то, что советская литература никакой весны и оттепели не делает, что советский читатель неизмеримо выше своей литературы, почему она и не может никуда вести его. Попытка увидеть в каком-нибудь Дудинцеве начало новой эпохи, откровение для советского читателя, вызывала в ней недоумение, раздражение, протест. Не советский читатель идет за Дудинцевым и видит в его романе выражение своих чаяний, а эмигрантский рецензент, — таково было ее непоколебимое убеждение, и этот эмигрантский сюсюк вокруг Дудинцева доказывает, по ее мнению, только то, что много на свете людей решительно ничего не понимающих в советской литературе. И она приходила к заключению:

— Надо писать. Ничего не поделаешь. До слез жалко, что пишу так беспомощно. Кабы другой человек, с моим пониманием, да не с моим умением взялся бы за дело, — с каким удовлетворением я бы сказала: «Ныне отпускаеши...»

Сознание Л. Т. совсем не было беспомощным. Мысль ее ясна и остра. С таким сознанием она могла не слишком беспокоиться о недостатке мастерства. Содержание у нее всегда может постоять за себя. Да и вопрос о недостатке мастерства не так бесспорен, как это казалось Л. Т. Пусть об этом судят читатели.

При всей строгости к себе Л. Т. видела свои достоинства. « — Воды у меня нет. Что говорю — то крепко, и бьет в точку. И говорю то, что нужно, вот что главное.»

И в самом деле. В области советской литературы Л. Т. держала себя, как власть имущая, и по праву.

Лидия Тимофеевна открывает основные черты советской литературы. Это у нее ново и верно. Она это делает с убедительностью, зоркостью восприятия, умением отметить самое существенное.

Она говорит о советской литературе, как об инструменте советской пропаганды, который однако имеет свойство оборачиваться оружием против советской власти; о сознательном служении советских авторов злу и бессознательном добру; вскрывает природу обязательного советского хэппи-энда; отмечает важнейшую черту: предательство советской литературы по отношению к советской власти. Говорит о «благом подсознании» советского читателя и советского автора и тем дает один из ключей к явлению советской литературы; отвечает на вопрос

чем «берет» советская литература своего читателя: перенесением его из мира советской действительности в другой мир, при этом Лидия Тимофеевна дает очень пронизательную характеристику этого другого мира; указывает на перенесение вины с советской власти на русский народ; изображает роль таких тем в советской литературе, как например, «мещанский уют» или конфликт между поколениями.

Л. Т. останавливается на ряде типичных фигур советских романов и вскрывает их «функциональную нагрузку»; особенно рельефно она изобразила «колхозного деда», который «нынче густо пошел в советских романах». И еще обо многом успела сказать Л. Т. в своей небольшой книжке: о противоречии между добрыми характерами и злыми делами литературных героев; об эксплуатации советской литературой благородных человеческих инстинктов на потребу власти («целомудрие должно работать на коммунизм: это и есть соцреализм»); об «ахиллесовой пяте советской власти», о конструктивных и деструктивных идеях и т. д. и т. д.

Одна из важнейших мыслей Л. Т.: лучшие влечения души советского человека: тяга к чистой любви, крепкой семье, свободе, безопасности, доверию, собственности, не «священной и неприкосновенной», социалистической, а личной, к осуществлению индивидуального призвания, — все это с точки зрения советской власти — преступления, перечисленные под их настоящими именами или псевдонимами в ст. 58 УК. И все эти драгоценные влечения советский человек вынужден отеснять в подсознание из-за их крайней опасности. Это то самое **«благое подсознание» русского читателя**, которое знакомо и советскому автору, который, однако, выдает его за **сознание советского человека**. Дело в том, что все эти запретные влечения легализованы с искажающими оговорками в советской литературе, где они ведут свое блестящее, но фиктивное существование.

Нужно прочитать страницы, посвященные Л. Т. соцреализму. Их не перескажешь. Здесь вскрыта самая суть этого явления, которое трактуется обычно безжизненно формалистически.

Основным парадоксом советской литературы Л. Т. считает то, что в ней действуют свободные люди в атмосфере рабства, выдаваемого за свободу. Отсюда все ее фальши, уязвимые места, феномены предательства, нечаянного показа правды.

Книжка Л. Т. Осиповой — выжимка, экстракт большевистского воинствующего бесчеловечия.

Лидия Тимофеевна тосковала по нормальной человеческой жизни. Слово «нормальный» у нее часто встречается. Для Л. Т. русский человек — это человек, которого лишили нормы. Норму запретили и объявили ее преступлением. Но русский человек всем своим существом стремится к норме. К норме, а не к безднам и крайностям. Это — одна из основных мыслей Л. Т.

Из взглядов Л. Т. на советскую литературу естественно следовало, что она считала возможным наряду с художественными произведениями привлекать к рассмотрению мемуары советских деятелей, как процветающих, так и «выбравших свободу», но сохранивших в неприкосновенности свое большевистское мировоззрение, очерки и т. п.

Изложение у Л. Т. не свободно от шероховатостей и от противоречий или того, что может показаться читателю противоречиями. Я не почел себя в праве вносить какие бы то ни было исправления, боясь посягнуть на мысль (пусть и неясную) Лидии Тимофеевны.

Она, например, спрашивает: можно ли сквозь толщу фальсификации рассмотреть кое-какие черты действительной жизни в СССР? И отвечает: «Можно, и не так уж трудно. Но для этого нужно обладать искусством читать советскую литературу, а это искусство сложное и трудное».

Я думаю, что противоречие здесь кажущееся. Сложно искусство читать советские романы для пионера, каким была Л. Т., а с ключом, который она дает в руки читателю, дело становится много легче.

Кое-какие неувязки в очерках Лидии Тимофеевны бесспорно имеются. Но она писала для читателя-друга, который всегда сумеет додумать ее мысль до конца. Иные оценки у Л. Т. может быть, не вполне верны. Вот она говорит о стихах Георгия Суркова: «золотые строки». Суждение, может быть, несколько поспешное. Иной раз Л. Т. не могла не поддаться искушению увидеть то, что было для нее предметом страстного желания.

Об интересном советском очеркисте Овечкине Л. Т. высказывается очень отрывочно. Это потому, что Овечкину она собиралась посвятить особый очерк. Она не успела осуществить этого намерения.

***

Я не без колебания поместил в книжку маленькие рецензии Л. Т. Рецензии эти представляют собой первоначальные наброски, из которых должны были вырасти обстоятельные рецензии.

Мне кажется, что на этом материале становится более ясной самая манера работы у Л. Т.

Заглавие книге дано мною. Но я его не выдумал, а взял у Л. Т. из первых же строчек ее работы. Оно хорошо выражает смысл и содержание книги.

Эпиграф Л. Т. часто применяла говоря о советской литературе. Она его, вероятно, одобрила бы.

Н. Осипов

ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ТИПЫ И ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Два явления всеобъемлющего значения определяют жизнь в Советском Союзе: 1) явное рабство; 2) тайная свобода.

Ни того, ни другого советская литература изображать не смеет. Ее задача в ином: она пытается рабство выдать за свободу. И в этом ее основная фальшь.

Социальный заказ и соцреализм — основы основ советской литературы. Конкретное содержание социального заказа может меняться. Например, «Молодая Гвардия» Фадеева в первоначальной редакции и в переделке, зигзаги творчества В. Пановой; но сам социальный заказ остается.

От социального заказа гибнет художественная сторона советской литературы (но, как увидим ниже, не окончательно).

Зато совершенствуется и усложняется само искусство выполнения социального заказа. Современный советский писатель является одновременно рабом и мастером социального заказа.

По замыслу партии, советская литература никакого самостоятельного значения не имеет, она всегда лишь инструмент советской пропаганды. Это — пропаганда, облеченная в форму стихов, повестей, романов, очерков. Задача этого вида пропаганды, как и всякого другого — вколачивание в сознание советского человека мифов и фикций, нужных советской власти «на данном этапе». Советская критика с этой именно точки зрения и рассматривает литературные произведения. Главное, чтобы очередные лозунги были полностью отражены, и показан энтузиазм масс и их преданность делу Ленина-Сталина, а после войны еще и «животворный советский патриотизм».

В соответствии с этим, советскую литературу можно изучать, если угодно, по «эпохам». Только эпохи эти ничего общего не имеют с обычным пониманием этого термина в учебниках по истории литературы: «классицизм», «романтизм», «реализм», «символизм» и т. д.

«По эпохам» — это значит по наиболее значительным политическим и производственным кампаниям, каковы: коллективизация, пятилетки, судебные процессы середины 30-х годов, война, сталинский план преобразования природы. Прочитав один роман из «эпохи», можно получить представление об остальных.

Лозунги меняются. Новые то и дело находятся в кричащем противоречии со старыми. Писатель должен попевать за ними. Советская литература — это ряд псевдохудожественных иллюстраций к очередным лозунгам. Партия провозглашает лозунги; писатель втискивает судьбы своих героев в колодки этих лозунгов.

Советская литература утратила все признаки свободы. И всякую возможность развиваться свободно. Ее суть в выполнении функций совсем не литературного характера. Основных функций две:

1) пропаганда идей, чувств и настроений, инспирируемых сверху партией;

2) поощрение в дозволенной мере чувств и настроений, идущих от народа, снизу, поскольку власть не в состоянии с ними справиться и находит более для себя выгодным не запрещать их, а разрешать с тем, чтобы взять их под контроль и эксплуатировать в свою пользу. Отсюда лозунги патриотизма, укрепления семьи и т. п.

Советской власти литература в общепринятом смысле слова не нужна, а нужна ее фикция. Для превращения литературы в фикцию в Советском Союзе сделано много, и если цель эта до конца не достигнута — в этом нет вины советской власти.

Литература в СССР — пропаганда, то-есть она, строго говоря, не литература вовсе. Поэтому и нельзя изучать советскую литературу с литературоведческой точки зрения, как всякую другую. С этой точки зрения с советской литературой просто нечего делать. Ее можно рассматривать только с практических точек зрения.

Лгут и должны лгать писатели. Лгут и должны лгать критики. Закон писательского творчества в СССР: Лги!, но не по прихоти собственной фантазии, а в соответствии с требованиями социального заказа. В течение тридцати слишком лет писатели подчинялись этому заказу.

Конечно, такая самовивисекция не могла не наложить на их творчество и писательские личности особого отпечатка.

Но ложью дело не исчерпывается. Лганье влечет за собою последствие, не предусмотренное властью. Ложь (точнее одна

ее сторона, о ней подробнее ниже) отвечает потребности советского человека, как писателя, так и читателя. Советская литература — это (отчасти) вид эскапизма, бегство в ложь, спасение от ужасной действительности в вымысле, по большей части не прекрасном. Особенно ясно выражен этот эскапизм в популярных теперь романах Галины Николаевой «Жатва» и Антонины Коптяевой «Товарищ Анна», «Иван Иванович», «Дружба». Эти романы одновременно и следование социальному заказу и бегство от реальной жизни. Бегут писатели и помогают читателям найти временное убежище в фикциях, которые предлагается принимать за действительность

Советский писатель лишен права быть правдивым. Все, что он пишет в конечном итоге ложь, но лгут у нас по принуждению, а не по влечению сердца.

Основная задача советской литературы — фальсификация. Фальсифицируется все: история, русская и советская, настроения населения до- и послереволюционные чувства, надежды и верования советского человека.

Являясь одним из главных орудий пропаганды, советская литература в то же время может быть и весьма острым оружием против советской власти. Природа советской литературы двойственна. Она лжива по самому своему замыслу, и в ней есть элемент правды. Она сознательно служит злу и бессознательно иногда добру. Она является одновременно орудием советской власти и ее врагом. Советские авторы верно изображают советского человека и в то же время допускают в его изображении страшнейшую фальшь. Изображение советского человека особенно неверно в одном отношении: он изображается свободным, и авторы заставляют его вести себя так, как может вести себя только свободный человек и как он будет вести себя, лишь только ощутит себя свободным.

Советские авторы как никак — живые люди, а иногда к тому же и талантливые. Правда у них поэтому помимо их воли вылезает, и, при умении читать, можно найти чуть не в каждом советском романе не мало черточек, характеризующих положение населения в Советском Союзе. Советская литература — драгоценный источник для знакомства с Советским Союзом. О советском житье-бытье в ней содержится множество изумительных по свежести свидетельских показаний.

Благонадежность советских авторов, их готовность подчиниться всем требованиям власти — безгранична. Авторы никогда не пытаются обмануть бдительность цензуры и вступить в

противоречие с казенными лозунгами. Если же они тем не менее часто оказываются под огнем партийной критики, то причиной тому не наличие собственного мнения, а зигзаги генеральной линии. Автор верен лозунгу, но вдруг, когда его книга уже отпечатана, выброшен новый, и его нужно вдохновенно принять и нести читателю. Автору приходится расплачиваться, иногда жестоко, за отсутствие у него достаточно тонкого нюха. Или же автор оказался неприемлемым для партии по причинам не литературного характера. Тогда, будь он тысячу раз без лести предан и стопроцентно выдержан, он исчезает с литературного горизонта, если не с лица земли. Никакой беззаветной преданностью застраховать себя от подобного конца невозможно.

Бедные авторы стараются. Но скрыть правды до конца не могут. И все, что в произведениях советских авторов является правдой, а не расписыванием пропагандных лозунгов, говорит о нищете, рабстве, безнадежности, глубоком унижении человека.

Правда имеется в советской литературе, и ее, если взглядеться хорошенько, не мало. Но это не намеренная, не сознательная правда. Она — результат ошибок и промахов автора, его невольная вина перед властью.

Население знает свою литературу и постепенно привыкает к мысли, что иной быть не может. А власть не устает повторять, что советская литература — недосыгаемый образец, что собственно только в СССР существует литература, а в других странах она заменяется продуктом буржуазного вырождения и разложения. Литература в СССР поэтому является для многих только видом пропагандной нагрузки. Но советская литература не только нагрузка, и как раз в этом и заключается ее интересная особенность. Власть требует, чтобы литература приближалась к некоему идеологическому эталону, к чистому стандарту. Идеальное литературное произведение не должно содержать в себе ничего, кроме пропаганды, ни в коей мере не отражать действительной жизни, быть чистой нагрузкой. Это и есть соцреализм. Только произведение, удовлетворяющее этим требованиям, может снискать одобрение партии и критики.

Такие образцы редки. Прегрешений против соцреализма много в советской литературе.

«Творческие командировки», на которые партия не жалеет средств, даются якобы для соприкосновения писателей с жизнью, на самом же деле, чтобы автор «не плел лаптей» в передаче производственного и местного колорита и имел бы возможность найти правдоподобные приемы для беспощадного иска-

жения действительности в соответствии с требованиями диктатуры.

Этому заданию советская литература, к чести ее будь сказано, никогда полностью не удовлетворяла.

Советская литература всецело подчинена стандарту. Явление это невозможно наблюдать ни в одной стране, ни в какую историческую эпоху. Его принес с собою торжествующий тоталитаризм.

Стандартизация литературы и стрижка авторов под одну гребенку произошла не сразу. К настоящему времени процесс этот вполне закончен.

Начало процесса совпадает приблизительно с годами первой пятилетки. Несмотря на ясно осознанную потребность в стандартизации, первое время и цензура и авторы бродили в потемках и то и дело срывались в уклоны, а то и загибы. Ранние произведения очень еще несовершенно выполняли требования власти относительно стандартизации, требования далеко еще неясные и для самой власти. К этим ранним произведениям следует отнести «Бруски» Панферова, «Тихий Дон» Шолохова, «Энергию» Гладкова. Первоначальные литературные типы постепенно становились все более однородными.

В результате шаблонизации личное отношение автора к изображаемой им жизни оказалось вытравленным. Если же автор не в совершенстве усвоил приемы, диктуемые «партийным подходом к жизни», то у него помимо желаний проскальзывает правда, что дает опытному читателю возможность делать интересные выводы.

Поразителен страх авторов не дошаблонизировать свое детище. И все же живая жизнь пробивается сквозь мертвый шаблон. В произведениях, созданных «на живом материале», можно иной раз подглядеть кусочек подлинной жизни, удивительно мало похожий на ту, которая размалевывается в соответствии с требованиями партии. Особенно сильно это сказывается в очерках. Но шаблон, конечно, торжествует. Постепенно автор становится рабом фикции. Поражает обилие неизменных эпитетов. Сталин — непременно родной, жизнь — богатая, комиссар — чуткий. Парень говорит с любимой девушкой только об их общем долге восстановить, скажем, фабрику велосипедных шин на полгода раньше, чем это предусмотрено планом.

Пороки и добродетели героев рассматриваются только сквозь призму восстановительного или колхозного энтузиазма.

Иногда какой-нибудь новейший лозунг, выброшенный когда рукопись уже сдана в типографию, впихивается наскоро в роман, изготовленный точно по обязательному рецепту. Так случилось в повести Добровольского «Трое в серых шинелях». Повесть писалась на тему о применении сил демобилизованных студентов на восстановительных работах. Но тут как раз подоспел боевой клич против поджигателей войны. И вот Нина вбегает в комнату с газетой в руках и читает в волнении студентам, что полагается о происках поджигателей. Студенты выслушивают и реагируют на волнующее сообщение добросовестно и скучно, как на политзанятия. Дальше повесть развивается в старом плане, как ей положено. Нина могла вбежать с газетой на любой странице и ничего бы не изменилось ни в развитии повести, ни в переживаниях героев. Но лозунг был своевременно отреагирован, и автор оказался в авангарде...

*

Виды советской литературы, на которые ее можно разделить, не впадая в очень большую ошибку:

а) Литература исключительно лживая, построенная всецело на социальном заказе данного момента, и почти совершенно бесполезная для ознакомления с советской жизнью. (Олесь Гончар «Микита Братусь», «Большая дорога»).

б) Литература, в какой-то мере отражающая действительность. Это — вид самый ценный, так как из него можно почерпнуть множество бытовых подробностей.

Сюда относятся:

Б. Изюмский — «Алые погоны»,
В. Фоменко — «Человек в степи» (драгоценнейший документ),
Илья Котенко — «Колхозники»,
Бабаевский — «Кавалер золотой звезды».

в) Произведения, имеющие исключительной целью фальсификацию, подделку событий и настроений населения.

Б. Горбатов — «Донбасс»,
Пинежко — «Записки советского офицера»,
Мих. Бубеннов — «Белая береза»,
Ф. Наседкин — «Большая семья»,
Е. Мальцев — «От всего сердца»,
С. Нагорнов — «Георгий Седов».

г) Литература, дезинформирующая иностранную среду.

П. Игнатов — «Партизаны Кубани» (грубая фальшивка).

В послевоенной литературе вы непременно найдете обязательные темы труда, энтузиазма, жертвенности, чистой любви и укрепления семьи. Если герой или героиня по забывчивости загляделись на чужую жену или мужа, то положение быстро

Л. Т. Осипова
1949 г.

выправляется под влиянием райкома или обкома, играющих роль благодетельного Провидения.

В любом романе герои удивительно вкусно и сытно обедают, и автор непременно приводит пышные меню. Одеты все прекрасно, и автор подробно описывает костюмы действующих лиц. Эти жалкие приемы должны способствовать укреплению фикции о счастливой и зажиточной жизни и о наличии щедрой социальной помощи нуждающимся.

Непременно имеются строки, проникнутые ненавистью к «поджигателям войны», вставленные обычно ни к селу, ни к городу. Творится миф о ненависти советского народа к «капиталистическому окружению», особенно к Америке.

Если в романе идет речь о второй мировой войне, то никогда ни одним словом не упоминается о действительном поведении населения, особенно в первый период войны. Если пишут о боях, то они обязательно завершаются победой. Об отступлении — мельком, или же оно изображается, как гениальный стратегический план великого Сталина.

Фальсификация истории войны проводится столь бесцеремонно и назойливо, что невольно возникает мысль, что население не слишком скрывает свое мнение о гениальном вожде и мудром руководстве партии, почему приходится противопоставить ему усиленные дозы пропаганды.

Завершение процесса стандартизации, который сопровождался ликвидацией литературной и физической многих авторов, привело к тому, что совершенно определились типы литературных героев, для настоящего времени.

1) Главный герой или героиня. Без лести предан (-а) делу Ленина-Сталина и непременно социалистической родине. Работает 24 часа в сутки и огорчен, что их не 48. Иметь собственные мысли неспособен абсолютно. Говорит цитатами из «Правды» общепартийной и комсомольской. Чистая маска. Тип идеального энтузиаста. В природе по причине своей макетности не встречается.

2) Беспартийный колхозник (рабочий). Работает, как машина и без конца на протяжении всего произведения благодарит «родного Сталина» и родную партию за счастливую и зажиточную жизнь. В литературе — тип массовый. Никогда не встречается в жизни.

3) В романах послевоенного времени непременно имеется солдат или офицер, который бежит из госпиталя на фронт, не

дождавшись выписки. Обязательно бежит, потому что врачи его обязательно не выпускают.

В основе ситуации лежит тот факт, что во время войны врачам было предписано «не задерживать» раненых в госпиталях. И они кое-как подлеченные и неоправившиеся отправлялись на фронт в непозволительно слабом состоянии. Отсюда пропагандная необходимость в мифе о сердобольных врачах и нетерпеливых пациентах.

4) Без знаменитого «деда», колхозного или индустриального, трудно представить теперь произведение советской литературы. Прототипом деда является Щукарь из «Поднятой целины». Но Щукарь — фигура комическая и служил больше для оживления повествования. Теперь он эволюционировал от гротеска к апробированной опоре власти на местах. Дед-колхозник — знаток сельского хозяйства, которому он учит агрономов. Индустриальный дед — опытный рабочий-практик и учит производству инженеров.

Упорно проводится в советской литературе идея извечной тяги русского народа к коммунизму, который он давным-давно осуществил бы, да мешал проклятый царизм. Символом этой идеи служат индустриальные и колхозные деды и бабки, которые густо пошли в советской литературе.

Функциональная нагрузка дедов заключается в том, чтобы брать самую высокую ноту социалистического энтузиазма. Эти деды и бабки в противоположность карикатурным старикам 20-х годов, погрязшим в мелкобуржуазных предрассудках и в ужасе пятившимся перед молодой дерзостью и задором комсомольцев, теперь по части социалистической сознательности дадут много очков вперед молодому поколению. Они воспитывают молодежь в духе коммунизма и преданности делу Ленина-Сталина и по праву требуют к себе полнейшего уважения, которое молодежь им и оказывает. Деды и бабки затем и выводятся на страницы советских романов, чтобы показать, что они были верны идеалам коммунизма на протяжении всей своей восьмидесятилетней жизни. А следовательно верен этим идеалам и русский народ, выразителями чувств которого деды являются.

Морально-политическое единство советского народа торжествует по всей линии: не только все дружеские и не антагонистические классы, но и все возрасты ему покорны. Авторитет старших настойчиво проповедуется современной советской литературой. Какая разница между Костей Рябцевым в 20-х годах

и нынешними комсомольцами, которые перед авторитетом деда тише воды, ниже травы, скромнее красной девицы.

Дед, конечно, большевик (партийный или беспартийный) и энтузиаст своего колхоза, а в колхозе бригады, или завода, а в заводе цеха. У деда огромный жизненный опыт, которым он служит коммунизму. Дед — воплощенная совесть коллектива, ласковая и сердечная к героям труда и беспощадная к лодырям и прочим неполноценным членам коллектива. Дед — представитель всяческого прогресса и смелый критик бюрократизма и бездушия, всяческих ложных уклонов и всякой рутины. Критикует он с удивительной смелостью только то, что приказано критиковать партией. Он покорно следует за всеми зигзагами генеральной линии.

Дед, конечно, свет увидел только при советской власти в счастливой и зажиточной колхозной жизни (в том, что она счастливая и зажиточная, дед не сомневается). Но дед не сделался, а только осознал себя коммунистом при советской власти, стихийным же коммунистом он был и под царем. Вся штука в том, что дед носитель традиции национальной и коммунистической, ибо коммунизм у русских в крови; национальная традиция и есть коммунизм. Русский народ — извечный носитель коммунизма, для того-то дед и нужен, чтобы явить это воочию.

Фальсифицируя историю, советская литература пытается построить нужный большевикам мостик между прошлым и настоящим нашей страны. Мостик этот необходим для доказательства той мысли, что СССР и Россия одно и то же и что коммунизм всегда был излюбленной идеей русского народа.

Деда и призваны доказать с одной стороны, что русский народ только и мечтал, что о коллективизации, а с другой, что советская власть необычайно бережно относится к стариковским кадрам, что «старикам везде у нас почет».

Деда и бабки необходимы советской власти так же для того, чтобы использовать западный предрассудок, по которому все русские — большевики. В свете этого предрассудка миф о коммунистической преемственности поколений, кажется не столь уж нелепым. Особенно старательно вылеплены энтузиастические ленинско-сталинские деда в «Зародышке» Фоменко и «Жатве» Г. Николаевой.

Дед нужен еще и для внедрения мифа о сотрудничестве прошлого и настоящего. Деда своим энтузиазмом увлекают за собой молодежь и дают бесценные советы молодым специалистам.

Настойчивое появление деда в массе советских романов служит средством давления власти на население, которому стараются внушить, что престарелые трудящиеся не смеют помышлять об отдыхе и тем более о пособиях из Собеса. Они должны добровольно и с энтузиазмом работать для победы в третьей мировой войне.

5) Демобилизованный командир или партизан, «избираемый» населением в председатели колхоза или назначаемый на пост директора совхоза или иного предприятия подобного масштаба. Почему-то он во всех романах послевоенного времени впадает в колебания и слабость. Сомневается в успехе, не доверяет своим силам. Неизбежно направляется на путь истинный безупречным секретарем райкома или обкома и обязательно поддерживается местной женщиной, платонически в него влюбленной (он иногда влюблен, иногда нет) и непременно учебно-показательным дедом. Дед бывает и «идеологически-невыдержанным» — в дозволительной степени, конечно, — и это черта жизненная. Понятно почему все эти командиры и партизаны, по прибытии к месту своей новой деятельности, становятся в тупик перед трудностями: то им приходится восстанавливать до тла сожженное село «своими силами», т. е. без строительных материалов, то засеять поля без семян, то еще что-нибудь в том же роде. В качестве работников у командира имеются только деды, которые в жизни отнюдь не отличаются добродетелями дедов литературных, школьники, дети дошкольного возраста и пожилые и больные женщины, потому что остальные угнаны на строительство более ответственных объектов.

В жизни так именно и бывает, и трудности остаются естественно непреодоленными; зато в романах они блистательно преодолеваются.

II

СОВСЕМ ОСОБЫЙ ЧИТАТЕЛЬСКИЙ МИР

Хэппи-энд. Мещанский уют. Поиски правды.

Правдив и реален образ...

Советский читатель, как и западный, требует от своей литературы хэппи-энда. Западный по привычке и воле к комфорту, советский, потому что в его жизни хэппи-эндов нет и быть не может. Об этом усердно заботится советская власть.

Советская власть тоже требует хэппи-эндов, у нее для этого имеются свои основания. Она требует признания фикции счастливой жизни в Советском Союзе (сплошные хэппи-энды!); читатель хочет уйти от своей невыносимой жизни в художественный вымысел. Это совпадение интересов может оказаться опасным для дела народного освобождения. Это очень значительная проблема; ниже читатель найдет попытку осветить этот вопрос.

Если советскому читателю указать на противоречие между розовыми концепциями романистов и совсем не розовой советской действительностью, то, как в этом мы имели возможность неоднократно убедиться на опыте, это его раздражает. И чем убедительнее вы отстаиваете вашу мысль (о невозможности хэппи-эндов в советской жизни) тем больше растет его раздражение. Это чувство вполне законно и понятно: «вот, мол, явился умник. И сами знаем, что в жизни так не бывает. На то она и литература, чтобы на жизнь непохоже было. Иначе и читать не стоит».

И читают ради вымысла. Кстати, советские люди не любят читать таких писателей, как Горький и вообще писателей, скорбящих о социальных несправедливостях и страданиях меньшого брата. Агитпроп ЦК КПСС эти настроения учитывает. Отсюда отчасти и соцреализм.

Советский читатель любит советскую литературу и считает ее своей. Критика, как бы она ни была верна, вызывает у него сознательное или несознательное отталкивание. И это совершенно понятно.

Попробуйте восхититься какой-нибудь страницей советского романа за художественное изображение действительной жизни и суньтесь к советскому читателю с вашим восхищением. Сочувствия вы не встретите. Про себя на ваши восторги он реагирует так: «Вот чудак! Ничего не понимает. У нас же совсем не так». А попробуйте указать на нестерпимую фальшь хотя бы таких лирических романов, как творения Коптяевой, — опять обида, опять иногда явный, иногда невысказанный протест. В чем же дело?

Русские люди читают советскую литературу, во-первых, потому что у них нет другой. Будь у них другая, они, может быть с увлечением читали бы криминальные романы и плоские любовные истории. А может быть, и не читали бы; у них, как это мы увидим, есть свои требования к литературе.

Советский читатель, утомленный своей трагической судьбой, требует (подсознательно) идиллической и лирической фикции. «Невозмоготу» и «некуда податься» — мощные факторы литературного оптимизма в СССР.

Советский читатель ценит советскую литературу прежде всего за то, что она **переносит его из мира действительности в мир иной**. Но это не мир фантазии, не то, «чего не бывает на свете» и что можно встретить в любой литературе, кроме советской. **Это — мир нормальных человеческих отношений**, то есть то, в чем советскому читателю начисто отказано в действительной жизни. Это — мир дружбы, любви, доверия, свободы, великодушия, служения свободно избранной ценности. По всему этому он бесконечно стосковался, и это имеет над его сердцем неотразимую власть.

На потребности в живом и нормальном человеческом чувстве и старается играть советская литература. Душа русского человека, оскорбленная варварским неблагообразием советского быта, хочет бытового благообразия и тянется к «мещанскому уюту». Ну, что ж? Можно поднести читателю и уют. И вот старая жизнь заштатного городишки царского времени теперь показывается не как мир беспросветной нищеты и эксплуатации, а как мир уюта, с кисейными занавесками, салфеточками на столиках, канарейками (которым еще не так давно хотел свернуть шею Маяковский), с вышитыми полотенцами, вкусно пахнущим свежее-испеченным хлебом, подсолнухами и кручеными панычами в палисадниках («Донбасс», «Жатва», «Товарищ Анна» и пр.).

Русскому народу теперь разрешается мечтать о прежнем «мещанском» благополучии и уюте, который раньше находился под строжайшим запретом. А теперь, оказывается, не мешает начать его и возрождать. Русский народ сам разрушил свой старый уют. (Заметьте: народ, а не партия). Так и должно было быть. Останься народ при прежнем житье, у него не было бы никакой заслуги перед коммунизмом. Но русский народ, следуя своей исконной коммунистической вере, совершенно сознательно отказался от навязанной ему капитализмом и царизмом частной собственности, принес, конечно, жертвы и сменил капиталистический уют на социалистический. В советской литературе имеется множество вариаций на эту тему. То, что называлось прежде мещанством, теперь называется уютом. Но проповедывать уют в романах советская власть разрешила только после того, как она отняла у народа малейшую возможность к осуществлению его уютных идеалов. Советская власть разрешает советскому гражданину невозбранно пользоваться уютом... не в жизни, конечно, а в одобренных партией книжках.

Герой советской литературы не всегда выдумка, манекен, пропагандный штамп. Иногда его характер обрисован очень верно. Он героичен и благороден. Люди с такими характерами встречаются нередко в Советской России. Герою остается только действовать — вот тут-то и начинается фальшь. Две реальности: личность героя и атмосфера сталинской диктатуры. Наложите первую реальность на вторую, и вы увидите, что ничего из этого, кроме фальши, не получится.

Наложите план реальных благородных человеческих чувств на план реального же секретаря парткома. Фальшь. Секретарь райкома не может обладать никакими благородными или даже просто человеческими качествами, не изменяя своему назначению, иначе он поедет на Колыму. Советские писатели касаются большой темы, поставить которую они могут только ложно. Русскому народу свойственно стремление к правде. У нас рабочий, крестьянин, босьяк всегда «искал правду». Что эти поиски не всегда были искренни — это не меняет дела; поддельвались под идеал, но было подо что поддельваться.

Недаром у народа есть сказание об «Опоньском царстве». А подвыпивший русский человек часто очень способен драться за правду в переносном, а то и в прямом смысле слова. Не следует переоценивать этих пьяных, а иногда и трезвых излияний. Но кое на что они ведь намекают.

Благородством чувств в условиях тоталитарного режима человек щеголять не может, иначе режим не был бы тоталитарным. Благородством советский человек должен поступаться на каждом шагу. Благородное поведение в Советском Союзе может осуществляться только втайне от советской власти, только в порядке преступления против этой власти. Проявить себя полностью благородный советский человек мог бы только в условиях свободы. А в условиях советского рабства проявить себя полностью он мог бы, только вступив на страшный и опасный путь борьбы за освобождение родины. Все другие пути достойного действия для него — заказаны.

Герои советской литературы всегда поставлены в ложное положение. Они стремятся к правде. Но всякая попытка найти правду в условиях советской действительности есть преступление, предусмотренное ст. 58 УК, и означает гибель. Ибо предполагается, что вся правда заключена в творениях Маркса-Ленина-Сталина и в советском строе. Стало быть и искать нечего, а кто ищет, тот явный или замаскированный враг народа.

На страницах литературы поиски правды означают фальшь. Важно не это, а то, что скрыть стремление советского человека к правде советский автор или не хочет или не может.

Советские люди действительно таковы: в своем сознании, а чаще в тайниках своего сердца они влекутся к правде. И с этим стремлением советская литература вынуждена считаться. Она стремится обыграть его, преследуя при этом собственные цели, нужные партии и враждебные народу.

Сказать, что советская литература есть продукт социального заказа — значит сказать правду. Но не всю правду. Роль советской литературы значительно сложнее, чем простое отражение требований власти.

Кроме обильной и подчас нестерпимой фальши есть в советской литературе и отражение правды. Не все ее типы выдуманы, не все они пропагандные штампы, подобно педагогам в суворовских училищах, идеальным и энтузиастическим комсомольцам и партийцам, выполняющим гениальные сталинские военные планы. Но правда советской литературы всегда перемешана с ложью, и первая задача читателя — это уметь разделить их.

Совершенно реален и правдив тип героической комсомолки, которая рискуя жизнью, выполняет боевые задания в тылу у немцев. Но что она это делает только ради партии и лично тов.

Сталина — это ложь, и никто этой лжи поверить не может («Золото» Б. Полевого).

В литературе более позднего времени такие комсомолки совершают свои подвиги уже только во имя родины. Таковы, например, Наташа и Варя и другие в романе «Дружба» Коптяевой («Октябрь» 1954 г.).

Были и такие, как Наташа, были и такие как Настя и Аня (В. Ревунов «Меж крутых берегов»). Были, есть и будут. Но они все свои подвиги совершали во имя долга и Родины, а не во имя Сталина или Маленкова и не под их руководством. Они просто служили тому, что для них было высшей ценностью. А какая же высшая ценность Сталин или Маленков? Никакая — и это понимают даже и такие без лести преданные, как Коптяева, не говоря уже о Пановой, Симонове, Овечкине.

Тип героического комсомольца первой пятилетки давно исчез из жизни. Но он возродился во время войны 41-42 годов. И этот новый герой несравненно симпатичнее своего предшественника. Тот во имя нелепой и бесчеловечной идеи жертвовал не только своей жизнью, но и жизнью других людей, а сколько было таких, которые щедро расточали именно чужие жизни, а свои умели не подвергать особенному риску.

Герои войны старались и геройствовали за отечество, а не за абстракцию, героизм их оправдан, свободен от всякого паразитизма и в основе своей свят. И когда героические комсомольцы борются в партизанских отрядах с немецкими оккупантами и погибают, выполняя боевое задание, они невольно становятся близкими читательскому сердцу. Но социальный заказ предъявляет свои права: автор начинает гримировать живого юношу или девушку под стопроцентного сталинца и заставляет своих героев погибать не за отечество, а за священную и неприкосновенную социалистическую собственность (Б. Полевой «Золото»). И гибнут будто бы; но этому поверить невозможно.

Совершенно реальны чувства любви девушки к юноше. Может случиться и так, что она перестанет его любить. Но кто же поверит, что она его разлюбила за то, что он не поставил рекорда? И кто поверит, что она молниеносно перевлюбилась в другого, как только тот поставил какой-то рекорд? И чтобы было совершенно ясно, что любовь девушки принадлежит ударнику, а не личности, автор показывает, что второй избранный во всех отношениях стоит ниже, чем первый. Русская девушка будто бы так устроена, что любить она может только ударника

и отдается этой любви в той только мере, в какой она не грозит ущербом перевыполнению плана. Нет, в любовь по признаку перевыполнения плана поверить нельзя, и такая любовь — просто клевета на советскую молодежь.

Совершенно реальна дружба между одноклассниками, но что они во имя этой дружбы занимаются доносами друг на друга — это ложь, никто в такую дружбу поверить не может.

Реально доверие к любимому преподавателю, реален и сам преподаватель, который следит с любовью за духовным развитием своих учеников. Но когда это доверие выражается в том, что ученик должен писать совершенно откровенный дневник, а потом показывать его преподавателю — то о доверии говорить не приходится. (Б. Изюмский, «Алые погоны»).

Может быть и встречаются на свете беспокойные деды и бабки, которым хочется, скажем, получше работать в колхозе и провести разумнее сев, но если эти деды и бабки показаны как стопроцентные коммунисты, каковыми они были, пусть бессознательно, еще в царское время — этому поверить невозможно. («Зародышек» Фоменко, «Жатва» Галины Николаевой).

Можно поверить, что мальчик скитался некоторое время один по лесам в тылу у немцев. Спал в ямах, питался неизвестно чем. Но нельзя поверить, что он после долгих месяцев такой жизни остался все таким же доверчивым, милым и добрым, каким был раньше. Нельзя поверить, что все это время он босой, голодный, раздетый, больной, только о том и думал, как бы скорее вырасти, стать военным и убить побольше немцев, чтобы тем послужить Сталину. Мальчик с такими мечтами, может быть и существует в действительности, но он не вырастает из несчастного брошенного бродяжки. («Сын полка», Катаев).

Можно даже допустить, что встречаются такие энтузиасты колхозной зажиточной жизни, что для них интересы колхоза дороже собственных (мы лично таких не встречали). Но вот сцена о правдоподобии которой не может быть двух мнений. Колхозницы эвакуируют колхозное стадо; немецкие танки врываются в стадо и толпу женщин и детей, и давят на смерть внуков одной из колхозниц. Дети эти были единственное, что осталось от большой семьи у старухи. И вот женщины тут же на дороге, не подумав о том, чтобы убрать трупы ребятишек, устраивают митинг, и бабка митингует с ними. О детях не говорят — мертвые, — значит интереса не представляют, а обсуж-

дается вопрос о том, как лучше собрать и сохранить колхозное стадо. (Это единственная забота женщин). Подобная сознательность, может быть, и достойна сталинской премии, но в русской жизни такая бесчувственность невозможна. Но большевикам нужно изображать русских людей какими-то унтерменшами. («Золото» Б. Полевой).

Еще одна черта советской литературы, на первый взгляд совершенно непонятная.

Советская молодежь, конечно, очень реалистична по своей психологии, не так она воспитана, чтобы иметь об окружающем мире фантастические представления. Но вот эту ее неотъемлемую черту отрицает советская литература. В изображении советских писателей молодежь иногда удивительно похожа на институток доброго старого времени. Кажется, что эти показательные юноши и девушки прожили свою недолгую жизнь завернутыми в ватку. Они показаны растущими и созревающими в совершенной оторванности от жизни и беспомощными в быту. Зачем эта неумная выдумка? Она нужна, и она служит литературному эффекту. Молодой человек или девушка показаны какими-то неженками и барчатами. Но это только пока их не требует к священной жертве обожаемый вождь. Тут они набивают себе жестокие шишки, но сразу же падают на землю с облаков, проявляют чудеса героизма и выносливости и превращаются в закаленных бойцов. Такова партизанка Муся Волкова из «Золота», Виктор и Андрей в «Донбассе». Все эти герои являют чудо преображения, чтобы тем эффективнее прославить своей преданностью великого Сталина. И все они принимают свою рабскую судьбу с энтузиазмом, и все стараются доказать читателю, что эта их судьба — самая свободная и романтическая.

Очень назойливо пропагандируется советской литературой тема романтики. Что такое романтика советские авторы понимают. И доказав это свое понимание, они хладнокровно приколачивают вывеску: «романтика» под явлениями, которые ни с какой романтикой ничего общего не имеют. Прекраснодушный Виктор из «Донбасса» мечтал о карьере кинорежиссера, а вместо этого угодил из кисейного уюта прямо в шахтеры по комсомольской разверстке. В шахте он поначалу проявляет некоторую слабость, потом приходит в восторг от своей судьбы.

Попадаются иной раз в советской литературе и новые типы второстепенных героев, очень правдивые, живьем выхваченные

из советской гущи. Например, тип коммунистического Плюшкина. Это — скупец, который совершенно равнодушен к своему собственному имуществу и готов перегрызть горло всякому за малейшую крупицу государственной собственности. Это не та скрупулезная честность, свойственная многим русским общественным и земским деятелям и кооператорам, честность и гордость, что человек никогда «ниткой не попользовался». Нет, новейший скупец не только перегрызает чужое горло за государственную собственность, не только отдаст свою жизнь за нее, но безо всяких раздумий обокрадет и ограбит и частника и своего брата такого же советского хозяйственника в пользу того предприятия или учреждения в котором он работает.

III

ЗЛЫЕ ХАРАКТЕРЫ И ДОБРЫЕ ДЕЛА. ПЕРЕНЕСЕНИЕ ВИНЫ. ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Как партия ни старается заставить авторов создавать фиктивный образ «советского человека», ничего из этого не выходит. Положительный герой получается точной копией своих предшественников из русской, а не советской литературы. А все эти прекраснодушные секретари парткомов — это изобретение советской литературы. Задуманы они, как чистая ложь, как фикция. Но их прекрасные качества, иногда очень убедительно поданные — не ложь. Они только ложно им приписаны, они просто конфискованы в их пользу у людей, действующих в совершенно других условиях и другой атмосфере, чем атмосфера райкома. В советской литературе бросается в глаза одно ничем не прикрытое противоречие. Это — противоречие между добрыми характерами действующих лиц и их злыми делами. Характеры героев — правдивы и убедительны. Их злые большевистские дела убедительны не менее.

Основная ложь советской литературы в том, что ее персонажи изображаются свободными людьми и действуют в атмосфере свободы. В этой атмосфере они могут быть и добрыми и правдивыми и честными. Они могут свободно избирать себе дорогу в мир. Они могут свободно следовать своему призванию. Но советская действительность одно, а романы — другое, в советской действительности никакой атмосферы свободы нет, а есть атмосфера рабства. И советские люди не могут быть такими, какими они изображены в романах — это рьяные и по утверждению авторов, идейные агенты советской власти, сеющие вокруг себя зло. И в то же время, по утверждению тех же авторов, они остаются добрыми людьми. Все они, повидимому, страдают, раздвоением личности.

Загадка разрешается просто. Реальные герои перенесены в нереальный мир. Это — мир коммунизма, но без МГБ, без тер-

рора, без принуждения, без обязательных фикций. Хорошие люди ведут себя в этом мире благородно, и это фальшь, потому что такого мира нет. Потом автор спохватывается: его герои-коммунисты и должны все-таки творить дело Ленина-Сталина, и автор заставляет их делать пакости.

Опять фальшь: порядочные люди, а поступают, как негодяи, живут в прекрасном мире благородных человеческих чувств и вступают с этим миром в непримиримый конфликт. И чем больше удался автору его хороший человек, тем больше раздражения он вызывает. Хочется сказать герою: «Что ты делаешь? Ведь именно ты с твоими качествами, которыми наградил тебя автор, так поступать не смеешь и даже не можешь».

Вот, например, «Петрович», как его любовно называют колхозники, секретарь райкома, в романе Галины Николаевой «Жатва»: до чего он добр, мудр, нежен, чуток, с какой заботливостью относится он к нуждам своих подопечных. Колхозники и все население района его уважают и чуть не обожают. И вот этот Петрович с энтузиазмом проводит в жизнь постановление правительства об урезывании приусадебных участков, тем самым обрекая колхозников на голод. Кстати он лишает их жалкого подсобного заработка (какое-то дранье лыка в лесу). Хорошо это изобразила Г. Николаева: райкомщики — они такие, мы их знаем. Но когда Г. Николаева уверяет, что и после того мамаева погрома, который учинил над колхозниками милый Петрович, они продолжали сердечно любить его — нельзя верить этому вздору.

Если бы добрый Петрович существовал в действительности, он не мог бы оставаться на своем посту из-за неспособности произвести свой мамаев погром. Мало того: поехал бы куда-нибудь на Воркуту за воздержание от погрома.

Если же он тиранствует над колхозниками, да еще с удовлетворением, — он не «Петрович» и не порядочный человек, а типичный погонщик рабов. Коммунист на службе у партии не может повиноваться добрым человеческим чувствам. Автор заставляет его действовать по общечеловеческим, по беспартийным законам и оставаться партийным. В романе «Жатва» действует собственно не одно лицо, а два: милый «Петрович» и свирепый секретарь райкома. Автор хочет уверить, что характер Петровича ни в каком противоречии с его делами (а дела эти чудовищны!) не находится.

И во всех произведениях советской литературы мы видим вечное усилие показать генеральную линию партии, как проявление чистейшей человечности.

Очень развилось искусство создания живых или по крайней мере правдоподобных человеческих типов и эксплуатация их в целях, ничего общего с искусством не имеющих. Если раньше существовала тенденция изображать коммунистических уродов не только без прикрас, но и в совершенно оголенном виде и требовать от читателя восхищения безобразием, величая его лучезарною красотой, то теперь это безобразие становится все более и более контрабандным товаром. Современный рецепт изображения партийного или беспартийного большевика — героя — таков. Герои — люди, как люди, с настоящими человеческими чувствами, индивидуальным человеческим лицом. И затем на такого, иногда убедительно поданного героя, цепляются, как на вешалку, фальшивые чувства и фальшивые действия.

Если литературное произведение послевоенного периода говорит о колхозах, то оно старается уверить читателя в том, что крестьяне еще до революции были одержимы нестерпимым желанием жить в колхозах. Они сами, по своей воле, устроили себе всю эту каторгу, а рабочие и все остальное население им в этом помогало.

Рабочие, помогавшие крестьянам — это пресловутые «двадцатипятипятитысячники». Об их помощи с удивительным цинизмом рассказано в книжке Назарцева: «Колхозный трудодень» (Госполитиздат 1950).

«Огромный успех колхозного строительства был подготовлен также тем, что, как писал товарищ Сталин, это дело взяли в свои руки передовые рабочие нашей страны.

Рабочие бригады, десятками и сотнями рассеянные в основных районах нашей страны, явились лучшими пропагандистами среди крестьянских масс. На примере существующих колхозов (так автор называет с.-х. коммуны, нищенские организации вполне паразитарного типа, которые кое-где тогда влачили жалкое существование Л. О.) и совхозов они сумели убедить крестьян в преимуществах коллективного хозяйства перед индивидуальным мелким хозяйством» (стр. 5).

Передовые рабочие, на которых ссылается Сталин и автор это и есть «двадцатипятипятитысячники». Они загоняли крестьян в колхозы. Их методы убеждения известны: пистолет, винтовка, органы государственной безопасности и голод, который «лучшие

пропагандисты» устроили собственными руками, насильственно отбирая у крестьян последние крохи продовольствия по приказу партии. И даже среди этих отборнейших и проверенных партийцев раздавались протесты против того, что их заставляли делать, и протестующие были репрессированы. Утверждать, что крестьяне пошли в колхоз добровольно — это клевета на русский народ. Она держится потому, что на западе ей верят по недомыслию, невежеству и из снобизма, а в России не смеют против нее возражать.

Большевистская фальсификация действует во всю. Двадцать пять тысяч варваров выдаются за весь рабочий класс и за все русское общество. Деревенский партактив, за «передовое крестьянство». **Происходит перенесение вины советской власти на русский народ.** Его делают ответственным за сплошную коллективизацию. Тем самым у народа отнимают даже его трагедию. Коллективизация преподносится, не как величайшее национальное бедствие, а как сплошной праздник, омрачаемый только изредка убийствами «лучших пропагандистов», в чем повинны, разумеется, «кулаки».

Трагедию войны с Гитлером, героические усилия народа победить врага, которого он сначала ждал, как освободителя, преподносят, как преданность социалистической родине и Сталину. Если рассказывается о партизанском движении во время войны с немцами, то оказывается, что оно было запланировано Сталиным с первого дня войны. Если говорится о победе советских войск, то она была запланирована тем же гением, и пол-России отдали врагу не зря, а по гениальному плану. На сдачу в плен (сдавались миллионы!) вы встретите случайные намеки, и то — сдавались будто бы единицы и были эти единицы «предателями и изменниками», а вся армия билась на смерть. О помощи союзников умалчивается, как будто ее и вовсе не было.

Все жертвы, все страдания, вся трагедия военных лет конфискуется в пользу партии и Сталина. Примеры можно приводить без конца. Нет ни одной стороны жизни в России, которую партия не ограбила бы, не снизила, не поставила бы себе на службу.

Грабеж народного достоинства и клевета на народ тесно переплетаются. Грабят и клеветуют все, кому не лень. Западные «друзья» уверяют, что русский народ доволен своей рабской судьбой, сидением в концлагерях, и массовыми расстрелами. Душа его с младенчества приспособлена к рабскому повиновению, что достигается пеленанием.

Л. Т. Осипова
1954 г.

Грабят и клеветают и на родине все, кому приказано это делать, в том числе и литература. Утешительно то, что на родине это происходит по приказу, и клеветники и грабители клеветают сами на себя и грабят самих себя. А вот на Западе это делается совершенно добровольно.

Лучшие чувства русского человека превращаются в трагическую карикатуру, потому что их заставляют служить подлой и враждебной ему цели. Чувство чести подменяется чувством полной абсолютной готовности пойти на всяческие злодеяния во имя интересов власти. Чувство любви к родине — чувством беззаветной преданности делу Ленина-Сталина. Чувство родительской любви — чувством ответственности перед партией за новые кадры. Инженер, беспартийный отправил в эвакуацию на восток жену, сына и мальчика соседа. В пути сын инженера гибнет от тифа. Инженер об этом узнает, и когда приезжает к жене, то с «огромной тревогой» спрашивает о чужом мальчике. Жена и печалится и радуется этому, потому, что они все же могут воспитать коммуниста. («Сталь и шлак» Володимира Попова, 1949).

Советская литература лжива насквозь и в то же время она не может скрыть правды о жизни в Советском Союзе. На каждом шагу она совершает невольное предательство по отношению к советской власти. Особенно сильно это чувствуется в очерках. Там всегда вылезает наружу шило правды о житье-бытье в стране всеобщего счастья.

В очерке Владимира Фоменко «Зародышек» этой правды хоть отбавляй. Лжи не меньше, а даже больше. Но нас интересует правда.

Вот один пример: «возчики — ребята школьного возраста — распрягали на кормежку занудившихся от зноя быков. Пыжась, едва удерживая вдвоем, они опускали на землю снятые с бычьих шей тяжелые ярма».

Чем не счастливое детство? Каких же лет эти мальчики, которые «без учета времени» служат погонщиками волов при молотье? Никаким энтузиазмом не покрыть вопиющего факта эксплуатации детей на непосильных работах.

Кто знаком с полевыми работами, тот знает, что значит быть возчиком от зари до зари в жару и пыль. Тот знает, как тяжелы воловьи ярма. А если знать, что работать приходится, питаюсь только тем, что дают за трудодень, — то и вовсе станет выразительным это «счастливое детство». Школьники, вместо

того, чтобы отдыхать и набираться сил за лето — должны работать наравне со взрослыми.

Дальше в очерке рассказывается об одном из колхозников-дедов. Он шестьдесят пять лет выращивал хлеб, по сообщению автора. Значит ему далеко за семьдесят. За неимением настоящего агротехника, колхоз назначил этого деду заменить агротехника. И вот Фоменко рассказывает, что старик Носов бегаёт из одной бригады в другую по целым дням. А расстояние от бригады до бригады двенадцать километров. И вот сосчитать только — сколько же километров должен пробежать дед за день от участка к участку.

А зимой этот старик должен в любую погоду бегать пешком в районный центр, носить в лабораторию на проверку пробы очищенных семян. И вот картина, — рассказ колхозного начальства:

«Как-то уже в сумерках подхожу к дому. Погода чертова. Мороз отпустил, ветрено, дождь со снегом сечет. Верите — сапог не выгацишь, на каждом по пуду грязи. Смотрю, навстречу дедушка Носов тащится. Мокрый снег бьет ему навстречу... под кожухом у него спереди что-то тяжелое понапихано, так что вздулся кожух. Дед подсунул посошок под мышку и руками кожух снизу поддерживает. Подходим друг к дружке, спрашиваю. «Что у тебя, дедушка, под шубой?»

Он отворачивается от дождя, с бороды, с носа капли стекают. «Оклунки, — говорит, с семенами. Носил в Целину, в лабораторию, выправлял на них удостоверение... надо было, чтоб к бумагам печатку поставили». Спрашиваю: «поставили?» — «Нет» — улыбается, не поставили. Сказали еще надо подработать, кой за что выругали. Ну, пойду...»

И дерг ногами, а ноги в грязь засосались. У нас же грязь чуть не по колено и цепучая, как смола, а старик из сил выбился: столько километров прошел, попутной подводы не попало. И посошком ему не упереться — руки заняты, держит под кожухом оклунки»... стр. 27.

В книжке очерков В. Фоменко «Человек в степи» много невольного предательства. Особенно характерно следующее.

Тетка Федосья (очерк того же названия), знаменитая телятница бушует на складе, не желает брать тряпья для вытирания телячьих сосок, а требует непременно новых полотенец. И тут же оказывается, что эта самая тетка бегаёт за пять километров на хутор, чтобы набрать абрикосовых косточек и сварить из них мыло для стирки тех же самых полотенец. Мыла-то ей государство никак не может выдать, а «гигиену с нее требуют».

Здесь все перлы. С одной стороны надо показать, как государство заботится о тетке Федосье и ее телятах, а с другой... мыла нет.

И еще в очерке «Шевелева» другая женщина работает скотницей при племенных быках. Работает потому, что хочет быть полезной советской родине, помочь победить в войне и пр. и пр. и тут же: «Мужчины не хотят и боятся идти на эту работу, а ей никакой другой работы в совхозе не хотели давать, потому что она уже в летах». А у нее дети, а муж — калека.

Но к сожалению таких, как Фоменко, становится все меньше и меньше. Автор нынче пошел грамотный. Партия спохватилась, и теперь появляются и такие очерки, как, например, «Дон-Кубань-Терек», В. Котельникова. Нет ни малейшего сомнения, что эти очерки писались с натуры, которую автор наблюдал из окна вагона, а может быть просто по журналам «СССР на стройке» и «Огонек». Ни одной живой черточки.

Дело очеркиста куда ответственнее, чем сочинительство романов. В очерках гораздо труднее спрятать правду. Несмотря на все прилизывания и причисывания, она постоянно вылезает наружу, как шило из мешка. В какие блистательные облачения энтузиазма не укутывайте девушек-табунниц (ковбоев), тема говорит сама за себя. И хотя жеребцов и стараются выставить чем-то вроде питомцев киндер-гартена, которые истекают нежностью к своим воспитательницам, все же девушка (да еще «тоненькая», как Таня Решетникова) и жеребец остаются крайне выразительной комбинацией. И правды не скрыть под уверениями автора, что девушка легко справляется с работой, от которой бегут здоровые и сильные мужчины. Справляется, потому, что, видите ли, у нас есть «психологический подход» к жеребцам.

Советская литература — это самый настоящий предатель советского строя. Нужно только уметь ее читать. Нельзя написать произведение так, чтобы не показать хотя бы маленького кусочка настоящей жизни. Например, в романе «Сталь и шлак» рассказывается о том, что многие остались у немцев. Правды автор говорить не хочет и пускается в самое наглое вранье. Эти оставшиеся, по автору, были или сознательные будущие партизаны, или люди, вынужденные остаться (болезнь собственная или близких), или, наконец, всяческий антиморальный элемент, который продался немцам то ли за обещание вернуть потерянные имения (Вальский), то ли за «легкую жизнь» (Ирина). Ни

один честный человек по своей воле у немцев не остался. Остались шкурники, бандиты и предатели за папиросный окурочок и рюмку шнапса.

Таков стандарт. А вот невольная измена ему благонадежного автора.

«И между прочим сказал: «принудили нас эти грабители урожай с половины собирать, один мешок себе, другой им» — «Ну те, которые потемнее, продолжал Тихоньч, — и думают: не такой уж немец страшный, коли половину урожая отдает». («Сталь и шлак» стр. 54).

Вот и вылезла правда. Немцы, оказывается тем лучше большевиков, что забирают только половину урожая.

Очень ярким предателем является В. Овечкин, который проявил такую осторожность на втором съезде писателей. Он отметил «отрыв части писателей от жизни». И вот как ни осторожен Овечкин, в своих во многих отношениях замечательных очерках, он невольно и, вероятно, незаметно для самого себя «не отрывается от жизни». И это неотрывание является настоящим предательством по отношению к советскому строю.

«Человек в степи» Фоменко и статьи Овечкина дают так много правды о советском строе, что иногда кажется непонятным, как такие произведения могли увидеть свет. Проморгали блюстители порядка, а вернее они так привыкли к тому, что у них зовется «счастливой и зажиточной жизнью», что перестали замечать все ее ужасы.

Из романа Павленко «Счастье» и совсем уже идиллической выдумки Холендро «Горы в цвету» можно даже и без большого напряжения и без большого опыта в советской действительности составить совершенно ясное представление о положении переселенцев с Дона и Кубани в опустошенный войной и варварским выселением татар Крым. Можно вычитать правду и о подлинном характере партизанского движения. И советской власти нужно или совершенно запретить всякую литературу, или принять и ее предательскую роль.

Советский писатель все же художник. Как художник он не может жить только ложью. Он бессознательно тоскует по правде. Вот почему нет-нет, да и вылезают в самом, что ни на есть благонамеренном романе ее предательские рожки...

ОТСУТСТВИЕ БЕСПАРТИЙНЫХ ГЕРОЕВ. ДРАМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ. БЛАГОЕ ПОДСОЗНАНИЕ. АХИЛЛЕСОВА ПЯТА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

В советской литературе очень выпирает мотив всяческого героизма: военного, производственного, исследовательского, бытового. И в то же время бросается в глаза почти полное отсутствие героев беспартийных. Если в начале какого-нибудь произведения герой — беспартийный, то все его благородное, а иногда и героическое поведение направлено только к одной цели — заслужить честь быть принятым в партию. Если же он не приходит к этому блестящему концу, то показывается и недостойным его. Он годится только на то, чтобы вместе с другими, подобными ему, служить фоном, на котором тем ярче выступают партийные добродетели. А герой сливается с народной массой, призванной послушно и благоговейно подчиняться партии. Партиец и серячок, да за ним вся мудрость коллектива, а беспартийный герой пусть и блестящ, (и это иногда бывает), да блеск его фальшивый: это блеск буржуазного индивидуализма.

Но ведь на деле-то коммунист не может быть героем. Человек, который принужден лгать даже во сне, а таково положение члена партии — лгать в самом важном для человека, в своем мировоззрении и идеалах, — такой человек не может не развратиться, не стать циником, аморальным, опустошенным. А кто видел цинических и аморальных героев? Советский партиец, конечно, может преодолеть эти свои качества, но только при непременном условии — отхода от партии, освобождения от нее. И такие примеры бывают. Но пока партиец остается в своей отравленной атмосфере — он не герой и героем быть не может по самой природе героизма. Однако, в иных из партийцев живет тайное влечение к героизму подлинному, общечеловеческому, а не выращенному в сталинских оранжереях. Отсюда возникают тяжелые драмы, только драмы эти остаются в жизни, и не про-

никают на страницы советских романов. Впрочем, иногда можно встретить и в советской литературе кое-какие намеки на эти драмы.

Партийные действуют в романах точно, как действуют беспартийные в жизни. Авторы бесцеремонно обкрадывают беспартийных в пользу партийных.

В жизни партийное руководство всегда неизмеримо ниже руководимого населения во всех отношениях: в партию идут умственные или моральные отбросы населения, за исключением насильно забираемых больших людей. Но те — фиктивные и безвластные партийцы, которые никем не руководят. В романах партия показывается цветом нации. В романах все партийцы снабжены патентом на полноту благородных чувств. Особенно прекрасны секретари парткомов. После каждого нового сталинского декрета они становятся все мудрее, добрее, великодушнее. Декрет от 14 июля 1947 года об урезывании приусадебных участков превратил многих из них из людей средних способностей в мудрецов.

Простым смертным места в советской литературе нет за одним — единственным исключением — это знаменитые деды, вышедшие из шолоховского Щукаря, о которых речь шла выше.

В современных романах все чаще и чаще мелькают сознательные и добродетельные коммунистические отцы и сбивающиеся на путь буржуазного разложения дети — комсомольцы. Тип этих отцов и детей становится таким же стандартом, как и колхозно-индустриальные деды и бабки. (Люся в романе «Широкое течение» Александра Андреева, Степан в романе «Страна родная» В. Саянова и пр.).

Советская литература заговорила и заговорила очень громко о проблеме отцов и детей. Только эта проблема у советских авторов вывернута наизнанку. Испокон веков так повелось во всем мире, что конфликт возникает между детьми, которые тянутся к новому и консервативными отцами. В Советском Союзе будто-бы наоборот. Дети уходят от безупречных и идейных отцов в танцульки и бытовое разложения. А добродетельные большевики-отцы, партийные и беспартийные, с успехом наставляют детей на верный путь с помощью стахановщины, соцсоревнования и прочих испытанных средств из арсенала советской педагогики. Так вскрывается факт очень большой важности. Власть обеспокоена освобождением молодежи из под ее влияния.

Литературная ложь стремится прикрыть неприятную для власти правду (но вместо этого срывает покров с тайны). Романы уверяют, что уход от коммунизма возможен только в бытовое разложение. Но судя по тому, что тема бегства молодежи от того, что очень условно может быть названо мирозерцанием отцов, прочно взята на вооружение писателями на 53 год, дело танцульками не исчерпывается. Протест молодежи против коммунизма далеко не всегда остается танцучечным: часто он носит идейный характер. И, повидимому, отцам приходится одерживать победы над блудными детьми только на страницах благонамеренных романов.

Очень большую роль в советской литературе играет фигура умолчания.

Есть целый ряд весьма важных в жизни советского народа явлений, о которых в современных романах за редчайшими исключениями нельзя найти ни строчки. Например: концлагеря, проституция, уход населения с немцами (да, с немцами!) и т. п. Здесь даже нет подмены действительности фикциями, как это полагается при описании быта и энтузиазма. Молчок и только.

Существует особое явление в душевной жизни русского народа, которые мы вместе с авторами «Очерков большевизмоведения» назовем «благим подсознанием».

«Подсознание советского человека устроено иначе, чем подсознание западного. И у советского человека есть, разумеется деструктивные силы души, то-есть низкие эвдемонические влечения и животные инстинкты, оттесняемые в подсознание стыдом. Все это у советского человека по причинам, на которых останавливаться не будем, выражено несравненно слабее, чем у западного. Но подсознание советского человека несет в себе двойной груз. По условиям советской жизни в подсознание вытеснен и образовал в нем мощный пласт комплекс безусловно положительных влечений, вытесненный в подсознание не стыдом, а страхом... В подсознание оттесняются не только постыдные... мысли и чувства, но в еще большей степени чувства опасные. Страх есть доминирующий фактор советской жизни. Советский человек всегда преступник, по мнению власти, и мнение это имеет свои основания. Отнюдь не постыдные, а нравственно полноценные влечения советского человека оказываются преступными и требуют беспощадного подавления: его религиозные, нравственные и этические понятия, его стремление к искренности, его тяга к собственности, его потребность в любви, в дружбе, в элементарном доверии, его потребность в неущербленной семейной жизни. Вся эта огромная область мыслей, чувств, влечений деформируется страхом и, если не цели-

ком, то в значительной степени вытесняется в область подсознания».

Подсознание советского человека не целиком, конечно, но в какой-то очень значительной степени, есть **благое подсознание**. В этом оно противоположно подсознанию европейца. Поэтому понятно, что в тот день, когда оно будет развязано, не демоны разрушения будут выпущены на свободу, а чистые гении созидания.

Это ничего, что в настоящее время требуется, чтобы герои советских романов были покрашены только розовой краской, а злодеи совершенно почти изгнаны из советской литературы. Советские авторы, конечно, рабы социального заказа, но не только рабы. Против их сознательной воли, но в соответствии с их тайным, может быть тайным для них самих, влечением их души, они раскрывают благое подсознание советского человека. Возьмем, например, повесть Трифонова «Студенты». Автор — человек молодой, человек, несомненно, сначала русский, а потом уже советский. И несмотря на все соцзаказы и соцреализмы ему удалось показать настоящих студентов, людей Божией, а не сталинской милостью. И уже никак не вина автора, что все эти милые и симпатичные мальчики и девочки с их полноценно-человеческими, а не партийными чувствами и мыслями, начинают иногда действовать, как стадо баранов, прыгающих друг за дружкой, куда прыгнул вожак.

Таких примеров можно привести сколько угодно, например, врач Горева в Вене в романе Павленко «Счастье». Ничего не поделаешь: от социального заказа бедному советскому писателю податься некуда.

Все чаще советские авторы упоминают о душе; душа уже не глупая поповская выдумка, а реальный факт и при том факт большой важности. И, конечно, душа должна быть конфискована в пользу коммунизма. Понятие души начинают культивировать. Вот наудачу несколько примеров.

1. *Вл. Игншев*. «Шахтеры».

«Что такое душа? Дунь нету, одно брюхо осталось. Шахтерская душа, она брат, всем телом управляет, она вроде кливажа в пласту: нащупал, понял, гони... и честь тому мастеру, который в душевный кливаж проникает». Стр. 195.

2. *Вит. Закруткин* «Кавказские записки».

«Все они покинули насиженные гнезда и ушли кочевать, чтобы спасти свою жизнь и уберечь душу». Стр. 39.

3. В. Панова. «Кружилиха».

Мартьянов: «Душа-то у меня, Трофимыч, еще хуже чем тело: самая ординарная душонка. А я ценю души, знаешь какие? Понимаешь Сема? Души высокие, души большого огня!» Стр. 46.

Внимательный читатель советских романов не может не отметить проявлений в психологии действующих лиц того, что мы называли благим подсознанием. Это неизбежная реакция на всеохватывающую и наглуемую советскую ложь. Иные из читателей приходят к самосознанию и для них становится ясно, что они тоже носители этого благого подсознания. И тогда они видят: эти студенты и колхозники, эти рабочие и офицеры — все это честные, добрые, прекрасные люди. Автор не лжет: такие люди есть в советской стране, не может быть, чтобы русский народ не выделял таких из своей среды. Им нехватает только свободы, чтобы сойти со страниц романов и открыто проявить себя в жизни.

Советский писатель знает о благом подсознании русского человека. Но он пытается выдать его за сознание советского. Знает же о нем потому, что сам он, автор, прежде всего русский человек, а потом уж советский писатель. Ему так же хочется, — хотя он в этом боится признаться самому себе, — свободной и нормальной жизни, которая может быть построена только в свободной России. Жизни с его собственными, а не государственными горестями и радостями и с творчеством, не подчиненным социальному заказу. Собственная радость и собственное горе — это и есть то, что строго-настрого запрещено иметь советскому человеку. Вот это запрещенное и удается иногда изобразить советскому автору и подчас изобразить прекрасно. И тогда оживает его роман, и в нем появляются живые нормальные люди.

Пусть автор сознательно сторонник советской власти, в своем благом подсознании он ее враг. На этом-то и основан контакт между советским автором и его читателем, и контакт этот несомненно существует. Потому-то советский автор и умеет подчас так хорошо раскрыть психологию русского человека. Раскрывая благое подсознание русского человека, он совершает величайшее предательство по отношению к советской власти и в этом его заслуга перед русским народом. Советский писатель не может выступить прямо на защиту русского народа. По крайней мере, он стремится показать в лице некоторых своих героев русских людей такими, какими иные из них есть на самом деле,

то-есть не испорченными гнетом, под которым они жили десятилетия.

Читатель отмечает про себя проявления благого подсознания, которые то и дело находит он на страницах советских романов. Это понятно: читатель ведь и есть живой субъект благого подсознания, его носитель. Он открывает при этом самого себя, свою тайную и лучшую сторону. Проявления благого подсознания, допущенные автором по недостатку самокритики, — это художественная правда, а правда действует на современного советского человека неотразимо.

Советской власти чужды и враждебны и быт, и романтика, и дружба, и любовь, и семья, и подлинный патриотизм, и служение свободно избранному делу. Все это или запрещается или жестоко деформируется властью. И в то же время все эти ценности в литературе по требованию той же власти утверждаются. **Это противоречие — есть ахиллесова пята власти.** Вопиющий разрыв между жизнью и искусством прикрывается фикцией, утверждающей, что гонимые ценности не гонимы, а процветают в жизни так же, как в литературе.

Утверждая фиктивные ценности литература выполняет социальный заказ. Она требует от советского читателя признания советского быта идиллией и притворного восторга перед фикцией. Читатель должен мир книги отождествлять с миром советской действительности. Советская литература бесспорно влияет на читательские души, но достигает совсем не той цели, какую она себе поставила. Она вызывает в душах влечение к подлинным ценностям и тем работает против советской власти.

Потребность в подлинных ценностях в человеческих сердцах настолько велика, что она оказывается сильнее всех запретов тоталитарной власти. И власти остается одно: утверждать эти ценности, но утверждать их чисто фиктивно и в то же время использовать их в интересах власти.

Влечение к подлинным ценностям, тайное и непреодолимое, советская литература, сама того не желая, делает сознательным. Это опасно для советской власти. Но в условиях тоталитарного режима даже эта опасность может пойти на потребу советской власти. Влечение к ценностям подлинным и потому достижимым не иначе, как в порядке преступления, приводит иногда к тому, что несчастный человек способен иной раз принести величайшие жертвы во имя подлинных ценностей на алтарь фиктивных. Ибо в советских условиях любовь к отечеству, напри-

мер, имеет свойство оборачиваться любовью к партии и лично к тов. Сталину. Советская литература и ставит своею целью подмену подлинных ценностей ложными, чтобы тем вернее направить золотой поток человеческих чувств по ложному адресу. Иногда это ей удается.

Советская власть не может терпеть в жизни нормальных человеческих чувств и отношений, ибо это — чувства свободного человека, а советская власть держится на рабстве. Но человеку требуется все человеческое, и советская власть, отказав ему в этом в жизни, позволяет ему наслаждаться недоступным счастьем в романах. Она даже требует от романистов всяческого прославления запрещенных для жизненного употребления чувств. Она требует от авторов утверждения фикции, будто все эти чувства не только разрешены в книгах, но и существуют в действительности. В советских романах теперь пишут — и это рассчитанный прием — о таких вещах, которые правда совершенно невозможны в советской действительности, но которые показаны как действительно и непреложно существующие в текущей молоком и медом советской земле. **Это и есть социалистический реализм.**

Советская литература отражает острую потребность советского человека в свободе, семье, безопасности, любви и непременно самой возвышенной. Недаром советская литература — самая целомудренная в мире. Но, разумеется, целомудрие дорого советской власти не само по себе. Оно не цель, а средство. Целомудрие, поставленное на службу коммунизму, — **это и есть соцреализм.**

Но соцреализм оказывает на читательские души воздействие, совершенно не предвиденное властью; советская литература вызывает в душах тягу к подлинным, то-есть запретным в СССР ценностям, и эта тяга, с точки зрения власти, есть преступление. Тем самым советская литература работает против советской власти. Читатель хочет не только умиления перед дружбой в романах, он хочет реальной дружбы. Он хочет любви не к очередной пятилетке, а к милой девушке, которую он встретил в жизни, а не в соцсоревновании, описанном в романе.

Влечение к подлинным ценностям, советская литература делает сознательным. Так, советская литература, вовсе того не желая, толкает советского читателя на преступление против власти. Возникает реальная опасность для власти.

Например, в «Неопубликованном рассказе» Павленко призыв к служению фиктивным ценностям дан настолько сильно, что читатель может принять фикцию за реальность. Повидимому, в душе самого писателя прорвалась жажда служения подлинной ценности то-есть прорвалось наружу его благое подсознание. Но адрес для благородных чувств дан ложный.

Как же держит себя читатель? Верит ли он с неправдоподобной наивностью в рассказы советской литературы? Отвергает ли он сознательно и начисто соцреализм? Ни то, ни другое. Отношение читателя к советской литературе, как мы увидим, сложно и противоречиво.

V

ДЕСТРУКТИВНЫЕ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ИДЕИ. НАША ОШИБКА.

Советская литература — было время — проповедывала только разрушительные идеи, опиралась на деструктивные силы души. Но теперь она вынуждена поступать иначе. Она обращается к конструктивным инстинктам человеческой души, говорит об объективных ценностях и тем совершает величайшее предательство по отношению к советской власти. Ибо всякая объективная ценность для советской власти — яд. А советская литература вынуждена говорить о любви, о дружбе, о крепкой семье. И это разрушает большевистский строй. Ибо строй этот — есть строй деструктивный, и для него положительные образцы и идеи могут быть только разрушительными. В теперешних произведениях советской литературы уже нет призывов к ненависти ко всему, что лежит за пределами партии и комсомола. Теперь указываются конкретные объекты ненависти вроде «поджигателей войны», призывают бороться только с «реальным врагом». Все меньше и меньше имеется в романах отрицательных типов вроде различных вредителей, саботажников и прочих «врагов народа». Если же какой и заведется, то его очень быстро... не ликвидируют, — нет, — а перевоспитывают всем добродетельным коллективом и под руководством мудрого секретаря парткома или комсорга. Ни малейшего намека на недреманное око. Органов госбезопасности как будто бы никогда и не существовало. Повидимому они ликвидированы за ненадобностью. Между властью и населением царит полная гармония. Незыблемо морально-политическое единство партии и беспартийных. Все проходит в идиллических тонах полного взаимного понимания и уважения. Литература конструирует сознание советского человека вместо того, чтобы разрушать его.

Советская власть прекрасно поняла во время войны, что нельзя создать ничего конструктивного на деструктивной психо-

логии. И она начала пропагандировать конструктивные идеи ранее находившиеся под запретом. Она, разумеется, не уверовала в них, но со свойственным ей цинизмом решила их использовать. Она позволила им торжествовать в литературе, отнюдь не в жизни. Но приказано считать, что они торжествуют так же в жизни. Таково неизменное требование большевистского фикционализма. **Отражение его в литературе и есть соцреализм,**

Может быть советская литература учла не только опыт войны, но и опыт дореволюционной русской литературы.

Дореволюционная русская литература была полна деструктивных идей, и этим она разрушала старый строй. Ибо этот строй, несмотря на все его недостатки, был в основе своей конструктивным. Конструктивный строй можно разрушить с помощью деструктивных идей.

В русской дореволюционной литературе показывали не земских врачей, которыми Россия могла бы по справедливости гордиться, а Ионыча, а русский суд в «Воскресении» дан в плане карикатуры.

Дореволюционная русская литература, **деконструируя** сознание читателя, способствовала свержению царского строя. Советская литература, **конструируя** сознание читателя, помогает разложению советского строя. Происходит это потому, что прививая критические и пессимистические настроения, русская литература существовала в строе положительном и в полной и настоящей действительности. Царский «деспотический» строй имел в себе такие достоинства, такие положительные стороны, которые абсолютно невозможны при советском строе. Поэтому нигилистически-пессимистические настроения были необходимы для его разложения. Наоборот, конструктивное сознание абсолютно не может сосуществовать с советским строем. И чем больше советская литература будет прививать читателю конструктивное сознание и положительные идеалы — тем опаснее будут такие настроения для советской власти.

Дореволюционная литература переносила сознание читателя из мира неплохой, хотя и не идеальной действительности, в мир случайных изъянов и заставляла его жить в этом мире уродливостей.

Советская литература переносит сознание читателя из мира самой ужасной действительности в мир фантастического и даже не случайного благополучия, — ибо при советском режиме случайности благополучия невозможны.

В первом случае читатель приглашался к исправлению случайностей, во втором к постоянной подмене реальности фантастикой. Прививая тяготение к благополучию в сознании, советская литература не имеет никакой возможности исправить реальность. Но тяга к лучшему остается. Остается стремление к идеалам, которые ничего фантастического в себе не заключают. Они ведь не Бог вещь какие недоступные: немножко свободы и немножко личной судьбы. Это, конечно, по началу, а потом все остальное приложится. Только бы начать дышать, хоть не полной грудью, но все же дышать, все же высвободиться из под пресса.

В царское время люди могли быть счастливы в реальной жизни, но быть счастливыми в литературе им строго воспрещалось — было неприлично. Теперь в действительности люди могут быть только несчастными, зато в литературе они должны быть обязательно счастливыми!

Советская литература — явление настолько своеобразное, что совершенно бесполезно было бы заниматься ею в «литературоведческом» плане. При ее изучении нужны иные критерии. Мы их, по мере сил и применяли, но для полного понимания советской литературы и наш подход к ней оказался недостаточным.

Мы установили, что советская литература — это вид пропаганды, что она — раба социального заказа, что она посредством старых испытанных приемов реализма (лучше сказать натурализма) насаждает миф о счастливой и зажиточной жизни в самой свободной стране земного шара. **Это есть соцреализм.**

Мы установили дальше, что советская литература по замыслу своему сплошная ложь, что правда в ней проскальзывает по недосмотру авторов, и что правда эта для познания советской действительности драгоценна. При надлежащем использовании советская литература может быть весьма ценным источником сведений о советской действительности. Советская литература — орудие коммунистической власти, и она же является — по крайней мере может являться — острейшим оружием против советской власти. Ее персонажи живут и действуют в обстановке несуществующей, в обстановке, которая абсолютно невозможна в советской действительности. Советская литература в сущности не литература даже, а фикция. Еще одна фикция в длинной цепи других.

Все это так, все это совершенно верно, но это не дает ответа на вопрос о тайне влияния советской литературы на советского читателя.

И вот тут мы допустили крупную ошибку. Если бы советская литература была только фикцией, то советский читатель просто не читал бы советских романов, как он не читает гениальных творений великого Сталина. Но народ читает советскую литературу и — нечего греха таить — любит ее. И это требует, чтобы мы подошли к изучению советской литературы с новой точки зрения.

Позволю себе привести такую иллюстрацию. Молодой человек из Советского Союза, теперь сержант американской армии. Сидел, вяло разговаривал о том, о сем. Мимоходом упомянул о том, что прочел «весь» «Новый Журнал». Никакого энтузиазма, ни даже интереса. И как только мы упомянули о советском «Новом Мире», загорелся, глаза засияли «Нельзя ли почитать? Знаете, ведь все это здесь не наше». А человек уже кажется должен был бы отвыкнуть от советской литературы. Чем же берет советская литература? Неужели ложью?

В эмиграции, а также в оккупационных войсках существует своеобразное «ностальгическое» отношение к советской литературе. Читатель испытывает в основе своей праведную, но очень опасную тоску. Тоска по родине часто обостряется при чтении и эмоциональном восприятии советской литературы. Эта ностальгия влечет за собой соблазн, если не примирения с советским строем, то какого-то его полуоправдания. Советский человек рассуждает примерно так: «Домой бы... Ведь вот существуют же у нас и при «нашем» строе такие замечательные парни и девушки, как вот в этом романе». Ребята, спору нет, действительно хорошие. Такому, страдающему ностальгией человеку нужно указать на неопровержимый факт. Все эти прекрасные юноши и девушки, старики и старухи, как это ни удивительно, существуют в рабской империи Сталина, и ими, слава Богу, еще богата Россия. Но они не могут жить и действовать в обстановке романа. Они ведь, если приглядеться к ним хорошенько, все антисталинцы. А отнимите у полюбившегося вам героя его антисталинские черты, и он сразу перестанет быть замечательным. Спасибо автору, что он показал нам эти благородные души. Конечно, он показал их в ложном свете. Но это уж не его вина. Разве мог он поступить иначе?

Советский художник правдив в том смысле, во-первых, что у него есть воля к художественной правде, хотя он и мучается в тисках социального заказа. Правдив он в основном в изображении душевной стихии советских людей. Конечно, герои романа не могут явно действовать в жизни так, как они действуют на страницах романа. Иначе они угодили бы в МГБ прежде чем писатель успел бы набросать схему романа. Но они непременно окажутся такими, какими задумал их писатель, но не в Советской, а в будущей свободной России.

Автор, вопреки природе героев и вопреки влечению собственного сердца, заставляет их быть сталинцами. А в то же время он показывает их другую, антисталинскую сторону. Читатели, которым близки и дороги иные герои советской литературы, стоят горой за эту литературу, а за их симпатиями скрывается, в сущности, желание освобождения родины, потому что читатели эти в глубине своего существа тоже антисталинцы.

В Советском Союзе таких читателей несомненное большинство. Мы не должны капитулировать перед их настроениями, не должны им поддакивать, да они и не потерпят поддакивания. Одной стороной своей души они приемлют советскую литературу за ее правду, а другой отвергают за ее ложь. Нужно уметь видеть объективно ценное в советской литературе и вырывать его из композиции. Самый вымысел в советской литературе имеет свою ценность. Было бы бесчеловечно лишить советского читателя его вымышленной действительности. Герои романа вымышленной действительностью наслаждаются, читатели по ней бесконечно тоскуют.

Подведем итоги. Почему читатель любит советскую литературу? Потому что герои ее близки и потому, что герои эти иногда в самом деле, по крайней мере, одной половиной своей души прекрасны. Почему читателя шокирует и отталкивает указание на несомненную фальшь советских романов? Потому что отбрасывая эту фальшь, он боится потерять и то верное и дорогое ему, что содержится в романах. И нужно читателю говорить: учись отделять верное от фальши.

Сделать это тем легче, что вырывать-то придется совсем без мяса и крови, ибо правда и ложь в советских романах не срослись органически, а склеены механически. Мы должны сами научиться смотреть на советскую литературу глазами советского читателя, а не заслоняться от него нашими замечательными

«открытиями». А встречаются в советских произведениях прямо золотые строки.

В воспоминаньях мы тужить не будем
Зачем туманить ясность дней?
Свой добрый век мы прожили, как люди
И для людей.

Строки эти принадлежат Георгию Суворову, погибшему во время войны. Здесь уже ясны мотивы свободы. Так что же? Мы должны фыркать на эти строки только потому, что они написаны «там»? Мы разумеется не можем дать свободу советскому писателю, снять с него путы социального заказа. Но мы можем поставить перед читателем вопрос, как читать этого несчастного советского писателя, чтобы найти крупинки золота в грубой породе казенной лжи. И еще нужно говорить советскому читателю, что идеалы и характеры героев действительно хороши. Плоха только та цель, которой заставил служить их автор.

Если до войны человек в советской литературе выглядел, как наглядное пособие по марксизму-ленинизму, то в литературе военного и послевоенного периода все чаще и чаще встречаются нормальные люди с совершенно естественными человеческими чувствами, слабостями и достоинствами. Вся беда только в том, что все эти нормальные люди перенесены авторами в ненормальную обстановку советского бытия. А в этой обстановке, в этом мифическом бытии эти люди не могут действовать нормально и переживают то, что заставляют их переживать авторы.

Наша задача раскрыть советскому читателю эту несовместимость.

И не только это, но и показать ему, что он, читатель, тоже не может, как и герои романов, которые он читает, жить и чувствовать нормально в ненормальной обстановке. Но если он, читатель, вместе со своими героями напряжет все свои нормальные, простые человеческие силы и чувства и направит их на совершенно нормальную потребность в свободной жизни, он тогда только сможет жить нормальной жизнью и выявлять все свои нормальные чувства.

Действовать свободно человек может только в стихии свободы, а эту свободу надо заслужить и заработать всеми силами, а не ждать пока кто-то принесет ее тебе.

Очень важно отмечать те случаи, где раскрывается «благое подсознание» героев. Такие указания могут быть только радостными для читателя, потому что он ведь сам является носителем этого самого благого подсознания. Отзывы нашей критики о

советской литературе, сильные своим анализом, свободные от ошибок и предвзятостей — это арена, где может осуществиться наша встреча с советским читателем. Это — возможность переключки с ним.

Если наши соображения правильны, то тогда и вся советская литература становится на свое определенное место, исключая Лацисов и Гончаров. Если принять за основное положение о советской литературе ее «фантастичность», то тогда нужно отказаться от прежней нашей установки, что советской литературы, как литературы нет, а есть только литературно изложенный социальный заказ. Может быть с этой точки зрения, можно и поставить вопрос об изучении советской литературы. Может быть те, кто негодует на нас за такое оскорбительное для советской литературы утверждение, подсознательно чувствует нашу неправоту и наше неумение додуматься до правильной квалификации советской литературы. Может быть она и несет свою литературную функцию в душе читателя в этом плане?

У Марка Твена есть реалистический разбор произведений Фенимора Купера, где он обвиняет последнего в однообразии приемов, в неверности с реалистической точки зрения, освещения событий. Но разве читатели Фенимора Купера ждали от него реализма? Купер отвечал каким то требованиям их души, давал им ощущение и переживание романтики. Не так ли и с советской литературой?

Нельзя все же закрывать глаза и на обязательное присутствие социального заказа. Но **только** ли социальный заказ имеется в советской литературе? Ведь советские авторы в тоже самое время являются и советскими людьми и, я уверена, они ближе к советским людям, чем мы со всеми нашими, построенными по правилам железной логики критики, теориями.

VI

ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ. СОЦРЕАЛИЗМ.

Шолохов «Тихий Дон».

Главная особенность советской литературы заключается в том, что она не литература. Она — не что иное, как форма пропаганды, и при том пропаганды в специфически советском смысле слова. Это до такой степени правильно, что советскую литературу нужно изучать не по периодам ее развития — таких периодов у нее с 1934 года нет, как нет и развития, а по периодам жизни советской, точнее говоря, по основным политическим кампаниям. Каждая кампания находит отражение в литературе, именно этого отражения требует власть, и, собственно говоря, больше ничего она не требует. Только для этого отражения советская литература и существует. Сказанное выше не означает, что в советской так называемой «литературе» вовсе нет литературных элементов. Нет, они есть, правда, в очень умеренной дозе. Но интерес, который представляет собой советская литература, заключается не в них, а в том, что советская литература есть источник познания советской жизни.

Таким источником советская литература является, но не непосредственно. Непосредственно советская литература отражает только содержание советской пропаганды и официальное партийное представление о советской жизни, которое имеет с действительностью очень мало общего. И задачей, которая поставлена властью перед советской литературой, является не правдивое изображение советской жизни, а ее фальсификация, при чем характер и цели фальсификации точно определяются меняющимися партийными установками.

Можно ли, несмотря на это, по советской литературе составить хоть сколько-нибудь приблизительное представление о советской жизни? Можно ли сквозь толщу фальсификации рассмотреть кое-какие черты действительной жизни в СССР? На этот вопрос нужно ответить: можно, и не так уж трудно. Но

для этого нужно обладать искусством читать советскую литературу, а это искусство сложное и трудное. Найти ключ к советской литературе, научиться пользоваться ею для изучения советской действительности, — такова одна из основных задач, которые ставит перед собой эта книжка.

Советская литература возникла не вдруг. Она не могла появиться сразу, потому что большевики не сразу осознали, чего они хотят от литературы. Кроме того, изменяется и сам большевизм: между большевизмом Ленина и Луначарского с одной стороны и Сталина с другой, между большевизмом подполья, гражданской войны и НЭП-а с одной стороны и большевизмом коллективизации, индустриализации и личной диктатуры Сталина с другой — разница огромная, неизмеримая.

Историю советской литературы можно разделить на три периода:

1. Период «Пролеткульта» и попутчиков.
Это период относительной свободы.
2. Период попыток власти, только частично увенчавшийся успехом, прибрать к своим рукам литературу.
3. Период торжествующего социального заказа.

Было время — советская власть пыталась создать собственную литературу, как она создавала свои собственные машины и авиацию. Это оказалось невозможным. Попытки превратить рабочих «от станка» и крестьян «от сохи» в профессиональных писателей путем всяческих литературных группировок провалились быстро и окончательно.

Пролетарские писатели стояли на очень низком культурном уровне. По большей части беспомощные творчески и мало одаренные, они не поддавались выучке и были не в состоянии конкурировать с квалифицированными и талантливыми попутчиками. Либерализация советской жизни в первые годы НЭП-а, этот характернейший, хотя отнюдь не односторонний процесс, захватил литературу, литературоведение и критику. Художественное слово оказалось в руках беспартийных, часть которых (отнюдь не все) принимали революцию за добро, но понимали и описывали ее совсем не по большевистски. Некоторых писателей даже попутчиками можно было назвать очень условно. Намечился процесс освобождения литературы от большевистского влияния. Перед властью возникла задача остановить его и подчинить литературу всецело большевистскому командованию.

Перед ЦК ВКП(б) и XIII партсъездом, тогда еще не безвластным, намечались две возможности:

1. Опершись на слабую прослойку пролетарских писателей полностью подавить посредством административных мер и террора творчество попутчиков.

2. Окружить попутчиков «вниманием и заботой», одновременно жестоко подавляя в их среде нежелательные тенденции и постепенно подчиняя их партийному руководству.

Пошли по второму пути. Годы 1925-28 были весьма плодотворными для советской литературы. Именно в эти годы вышли «Барсуки» и «Вор» Леонова, «Города и годы» и «Братья» Федина, «Зависть» Олеси и другие литературные работы, стоявшие на высоком уровне.

«Напостовцы» вынуждены были отступить на задний план. Но и окруженные «вниманием и заботой» попутчики стали волей-неволей склоняться перед партийными требованиями и жертвовать своей творческой свободой. Процесс этот шел медленно и неравномерно. Большинство попутчиков оказались мало податливым материалом. Все наиболее живое и талантливое в литературе не укладывалось в обязательные большевистские рамки.

Официальное исповедание писательской веры в СССР так сформулировано диктатором литературы Жлановым:

«Советская литература, самая идейная, самая передовая литература мира — одно из важнейших орудий *морально-политического воспитания масс*. Она призвана к тому, чтобы воспитывать народ в духе беззаветной преданности советскому строю и социалистической Родине».

Ленинизм признает за советской литературой огромное преобразующее значение.

«Советская литература, отражающая в художественных образах новую, социалистическую действительность, несущая народу коммунистическое мировоззрение, социалистическая по содержанию и национальная по форме, понятна народу и любима им».

«Партийность советской литературы не только не ограничивает действительной свободы искусства, но, напротив, только она обеспечивает подлинную свободу художника. Лишь тот художник свободен в своем творчестве, который глубоко осознал законы исторического развития общества, всей душой предан своему народу, коммунистической партии, социалистическому обществу».

Собственно, с точки зрения коммуниста, беспартийность — фикция. На самом деле, чистейшая фикция это всеобщая коммунистическая настроенность: большинство партийных на деле только по партбилету коммунисты.

Большевистская критика твердит:

«Забвение принципов большевистской партийности литературы неизбежно приводит к проникновению в литературу опасных и вредных тенденций. Это особенно явственно сказалось в деятельности ленинградских журналов «Звезда» и «Ленинград», на страницах которых печатались безыдейные и аполитичные «произведения» Зощенко и Ахматовой, искажающие советскую действительность».

«И в настоящее время, после постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, публикуются еще произведения идейно-порочные и антихудожественные, такие как рассказ А. А. Платонова «Семья Ивановых», дающий искаженное представление о советской семье, как повесть Е. Шереметьевой «Вступление в жизнь», идеализирующая мораль эксплуататорских классов».

Окончательное порабощение литературы нашло свое выражение на Первом съезде писателей в 1934 году. Сталин пренебрег верноподданическими чувствами напостовцев. Он сделал ставку не на пролетарских, а на квалифицированных писателей, но с тем, чтобы они склонились перед социальным заказом и соцреализмом. На съезде партия выступила, как хозяин литературы, который знает, чего он хочет. За кулисами съезда стоял Сталин. Точку зрения Сталина на съезде очень полно выразил Жданов. Впрочем, и сам Сталин говорил с писателями на специально для того организованном приеме.

Жданов указал на значение победы великого учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. «Не было бы этой победы, не было бы и нашего съезда.»

Успех советской литературы обусловлен успехами социалистического строительства. Советская литература передовая, идейная, революционная.

Советская литература процветает, буржуазная — разлагается, и это разложение с неизбежностью вытекает из упадка и загнивания капиталистического строя. Буржуазная литература продала свое перо капиталу и ее героями являются воры, сыщики, проститутки и хулиганы. Герои советской литературы — рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, партийцы, хозяйственники, инженеры, комсомольцы, пионеры. Советская литература оптимистична, ибо она является литературой восходящего класса.

Советская литература тенденциозна и не боится обвинений в тенденциозности, ибо в эпоху классовой борьбы не может быть литературы не классовой, не тенденциозной и аполитичной.

Дальше следовали: утверждения социалистического реализма, составной частью которого является революционная романтика; призыв к повышению искусства художественной техники; комплименты Горькому; требования активности от писателей, которые должны заняться переделкой сознания людей в духе социализма и стоять в качестве крепких борцов за бесклассовое общество на передовых позициях революционной борьбы.

Речь Жданова совершенно отчетливо выражала основное требование партии: **выбросить за борт решительно все, кроме пропаганды.** Это была речь хозяина. Спорить с ней было бессмысленно, оставалось только подчиниться ей, и при том « с энтузиазмом». Это и было сделано.

Сталин не сказал, конечно, ничего нового по сравнению с выступлениями Горького и Жданова. Тот же социалистический реализм и те же инженеры человеческих душ. Значение встречи со Сталиным заключалось в ином. Во-первых, то, что говорилось на съезде, освящалось его авторитетом и приобретало характер непререкаемой истины. Во-вторых, писатели были обласканы, им было показано, что они нужны и даже уважаемы, т. е. им было обеспечено относительно привилегированное положение в бесклассовом обществе. В-третьих, им было дано почувствовать, что прав общечеловеческих, гражданских и права на писательскую свободу они лишены бесповоротно, и именно этот порядок они и должны защищать в своих произведениях. И, в-четвертых, им дали почувствовать всю величину лежащей на них ответственности. Эта ответственность была очень реальна. В ближайшие годы исчезло бесследно множество сталинских гостей.

Шолохов «Тихий Дон».

Ограниченность Шолохова его донским мирком несомненна. Но знает он свой мир превосходно, и такое сочное, свежее, красочное бытописание, как у Шолохова, не часто можно встретить в русской литературе.

Но главное значение романа не в бытописательстве, а в характерах героев Шолохова. Многие им взяты у Толстого, но это не подражательность, и герои Шолохова по настоящему похожи только на себя. Их отношения между собой и их чувства даны Шолоховым так художественно правдиво, что нельзя не поставить «Тихий Дон» очень высоко. События гражданской войны не только не должны были бы мешать Шолохову в рас-

крытии психологии его героев, наоборот, помогать этому, если бы не партийный билет автора. Этот партийный билет иногда очень портит. Когда казак-колхозник Майданников не может вступить в партию потому, что сделать это ему не позволяет совесть, а совесть не позволяет потому, что он знает, он еще не преодолел в себе до конца эгоизм собственника, то это не может ощущаться иначе, как величайшая фальшь.

Центральные фигуры «Тихого Дона» — Григорий Мелехов и Аксинья. Это настоящие люди. Их прекрасные чувства, их любовь, их жадность к хорошей человеческой жизни восхищают читателя. Но приходит большевизм и делает жизнь невозможной. И оба погибают — Григорий и Аксинья. Конечно, не это хотел показать Шолохов. Он хотел показать великую правду большевизма. Это ему не удалось ни в какой степени, ибо задача эта невыполнима.

Можно было показать в ореоле могучих и оправданных чувств героев гражданской войны. Ибо они сражались «за землю и волю», за лучшую долю, а отнюдь, не за большевизм. Они ошиблись знаменем. Они были неправы, и Григорий был неправ, когда автор свел их в жестокой схватке, и в то же время правы были обе стороны. И потому страницы этой борьбы у Шолохова трагичны и прекрасны.

Но пришла победа большевизма, пришла сплошная коллективизация. И тут начинается у Шолохова нестерпимая фальшь. Конечно, его фигуры коммунистов — жизненные, убедительные фигуры. Но до чего они, вопреки авторскому намерению, отвратительны. Культурно и психологически эти тупые фанатики неизмеримо ниже того населения, которое они безобразно насилуют. Эти фанатики борьбы с белыми «господами» превратились в фанатиков борьбы с собственным народом. И их неизбежное превращение в исполнителей воли «хозяина», в роботов, в которых не осталось уже ничего человеческого, чувствуется совершенно отчетливо.

К людям белого движения Шолохов относится так же трусливо, как и всякий советский автор. Он не смеет изобразить их, не смеет отпустить для этого своего художественного таланту. Они у него — маски, а не живые люди.

Григорий Мелехов свое отвоевал. Он побежден. Он ничего другого не хочет, как жить личной жизнью, с Аксиньей это была бы богатая жизнь.

Но этого нельзя. Партия строит свое рабовладельческое общество, и такие люди, как Мелехов, которые для этого общества совсем не подходят, должны погибнуть.

Приходит коллективизация. Кондрат Майданников добровольно вступает в колхоз, и эта свобода воли есть осознанная историческая необходимость. А пером Шолохова, будто бы водит марксистско-ленинская общественная наука, и оттого его «Тихий Дон» так правдив и хорош. Но правда у Шолохова только там, где марксизм перестает водить его рукой. И даже на Майданниковых Шолохов налгал: добровольно в колхозы они вступают только в его романе, а какова была эта добровольность в действительности, мы знаем очень хорошо.

«Тихий Дон» — большое произведение. Но в этом произведении большой талант борется с партбилетом, и слишком часто побеждает партбилет. Рядом с большой правдой — ложь и бесчеловечье большевизма. Прекрасные по замыслу картины превращаются сплошь и рядом в уродство.

«Поднятая целина» — продолжение «Тихого Дона». В ней очень чувствуется деградация скованного социальным заказом творчества.

Отчетливо намечан шаблон романа «об эпохе коллективизации». Из деда Щукаря вышли все позднейшие деды, без которых теперь не может обойтись ни один выдержанный колхозный роман.

На творчестве Шолохова легко проследить процесс удушения автора социальным заказом. «Тихий Дон» имеет несомненные достоинства. Роман свеж; язык, несмотря на обилие локального (донского) элемента, сочен и выразителен. Действующие лица правдивы и жизненны, живут и дышат. В «Поднятой целине» налицо все признаки шаблона. Тут и типичный «вредитель», и «белобандит», и образцово показательный двадцатипятилетний из рабочих, несокрушимый, идеальный коммунист. И юмор в этом романе уже не свежий, а апробированный в лаборатории ЦК ВКП(б).

VII

Ф. Гладков «Энергия».

Афиногенов «Страх».

М. Кольцов.

Не все шло по началу гладко. Многие авторы долго не могли уяснить себе принцип социального заказа и соцреализма, хотя иные и старались чрезвычайно. Первые произведения этого периода носят весьма сумбурный и идеологически невыдержанный характер. Ярким примером этого является роман Ф. Гладкова «Энергия».

Роман издан в Москве в 1933 году. Один из первых производственных романов. Его темы: проблема перековки и пафос строительства. Автор с великим тщанием пытается уловить все партийные установки, что ему, по новости дела, не всегда до конца удается. Изображается строительство какой-то электростанции. Какой — неизвестно, избытком конкретности роман не отличается. Строительный пафос точно соответствует установкам начала тридцатых годов. Позже в пафос внесены были существенные поправки.

Гладков должен был отчетливо изобразить, как под влиянием строительства люди перековываются в подлинных пролетариев из кулаков, в подлинных коммунистов из интеллигенции. Это ему удалось плохо. Он просто регистрирует, как по мере углубления котлована люди перестают быть тем, чем они были до начала рытья чудесного котлована. Автор предлагает верить, что с ростом электростанции растет и человек. К концу строительства должен получиться продукт перековки.

Все герои романа мечутся между чудом облагораживающего влияния на человеческую психику строящейся плотины и эстетски-вычурными экивоками литературного декаданса, типичного для второсортной предреволюционной литературы. И язык и психика героев еще «из далекого прошлого», а тематика современная в соответствии с последними установками генеральной линии. Один из героев в одно и то же время строит

плотину, как рабочий, и продолжает свои занятия музыкой по классу рояля и композиции. И ничего, удается. Целый день он своими музыкальными пальцами таскает тяжести на плотине, а вечером теми же пальцами разыгрывает Шопена и Грига и творит новые шедевры.

И все позиции героев еще неопределенны. И автор не очень старается привести их «к месту». Никакого логического обоснования «перековкам», кроме волшебной строящейся плотины нет. Да оно тогда еще и не требовалось. Уже значительно позже, когда критики стали подкованнее, потребовалось логически обосновать превращение кулаков в энтузиастов социалистического строительства и коллективизации.

Есть в романе, конечно, парторг. Всегда нестерпимо идеальный, нестерпимо банальный и нестерпимо скучный. Все другие персонажи меняются в зависимости от партийных установок. Как и все другие производственные романы того времени — это не литературное произведение, не роман, а политическое руководство на данный период.

Оригинален в романе только язык. Неряшливый, вычурный и неприятный. Герои не просто говорят, как все люди, но или изрекают афоризмы, или просто невнятно оригинальничают. У автора сказывается погоня за литературным, ничем не оправданным «богатством языка».

Вот несколько примеров:

1. Простецкая «народная» речь: «Работка, товарищ Ватагин, по темпам — труба на полный ноль. Как прикажете рассуждать? Народ фигурирует вприсядку и ползет лягушкой в свое болото...» (стр. 33).

2. Речь интеллигентная: «Я — человек весьма реалистический. Моя роль охранителя трудовой безопасности сделала из меня трезвого муравья. Я имею дело только с фактами, а посему привержен к острой наблюдательности. Ты озабочен. Твой дух угнетен, ибо над левой бровью у тебя шевелится морщинка, которой не бывает при душевной ясности и равновесии» (стр. 50).

... «Да-с, Мироша. Очень люблю я мелочи жизни. Я творю из них сказки для собственного удовольствия. Так, например, я сегодня толкался среди бетонников и убедился в их трогательной осведомленности насчет качества бетона на бычках. Консистенция такова, что кое-какие бычки придется взрывать...» (стр. 53).

3. Язык автора: «... Викентий Михайлович вставал по утрам рано, в шесть часов. Еще не открывая глаз, он уже чувствовал всем телом кубическую огранку своей комнаты и воздушную прозрачность гулкого света.»

В романе имеется весь синодик того времени:

а) Благородный (и аква дистиллята) парторг строительства Мирон Ватагин. Всегда и везде герой. И даже и ест в соответствии с заповедями Маркса. Неизбежно руководит во всех обстоятельствах — пожар, просос воды в котловане, семейный уют у Осокина и т.д. Целомудренно влюблен в комсомолку Феню, отца которой он расстрелял зря во время революции. Пьяный отец тащил на руках куда-то Феню, еще ребенка, а благородный комиссар части, Ватагин, решил, что это пьяный хулиган тащит девочку, чтобы изнасиловать, и пристрелил его.

б) Дитя нового воспитания — Феня, комсомолка из детдома, которая работает прорабом на строительстве и несмотря на свои молодые годы и столь же молодое знание техники дела, дает сто очков вперед всем спецам. Феня, узнав, что Ватагин убил ее отца, остается к этому совершенно равнодушна и не понимает, почему это волнует Ватагина (проблема старого и нового поколения). Роман этой пары остается невыясненным.

в) Комсомолец — Кольча. Пример для подражания всем остальным комсомольцам и некомсомольцам. Весьма банальная фигура.

г) Инженер Балеев, начальник всего строительства. Честный беспартийный, который, как маятник, колеблется между техническим советом, то-есть между своими беспартийными и столь же честными коллегами-инженерами, и новаторами из партли и комсомола вроде Кольчи, и не знает к кому примкнуть. Фигура тоже весьма банальная.

д) Перековывающиеся замшелые кулаки из раскулаченных деревень — Никита и Матвей.

е) Единственная не банальная и не регламентированная фигура, повидимому, списанная автором в самом деле с живой жизни — старик Микешин. Крестьянин, ни за что не хотевший выселиться из своей избы, хотя она подлежала затоплению вместе со всей деревней. Он оставался в избе до тех пор, пока рабочие не снесли ее совсем, оставив, как после пожара, только трубу да печь. Ушел на кладбище, на могилу своей жены, и там повесился на ближайшем дереве.

ж) Идеальный коммунист, Байкалов, оставшийся еще от революции 18-ого года. Большой туберкулезом в последней стадии, он не уходит с работы и не едет лечиться, чтобы не оторваться от строительства. Умирает от горлового кровотечения во время аврала на стройке.

з) Беспризорники. Представительницей их является Зина, выбившаяся из беспризорничества и находящаяся на стройке на неясном амплуа. Она нужна автору для того, чтобы встретить группу беспризорников, которые неизвестно по каким причинам вдруг тоже запылали «пафосом строительства». В романе нет ни намека на них, ни до перековки, ни после. Просто вдруг пришли на строительство и заявили, что хотят работать.

и) Вредители. Инженер Хабло, бывший белогвардеец, расстреливал собственноручно коммунистов в годы революции, был провокатором в подпольной коммунистической организации, потом, благодаря благодушной доверчивости коммунистической партии, пролез в нее и стал шпионом и вредителем. К нему приезжали подозрительные иностранцы и пр.

к) Беспартийные инженеры-вредители вроде Бубликова, и честные вроде Кряжича. Фигуры, написанные по шаблону.

л) И, наконец, некий Емельян — без фамилии и, как будто бы и без амплуа. Выясняется только в конце, когда он с охраной идет обыскивать квартиру Хабло. Этот чин ГПУ подан, как всегда, в виде всезнающего, чуткого к чужой душе, всепонимающего добродушного защитника народных интересов.

Имеются в романе и проблемы, но автор не потрудился их разрешить даже в пределах романа.

Проблема семьи: семья Мирона Ватагина — неблагополучна. Сын в беспризорниках уже четыре года, и он все мерещится отцу на стройке — мелькнет, а как только он погонится за мелькнувшей фигурой, так она исчезает. И неизвестно — был сын Кирилл честным строителем или погиб в беспризорниках.

Женорг Бочка — ищущая не мужа, а ребенка и потому сошедшая с Мироном, а потом, по необъясненным причинам, приведшая к нему его жену Ольгу, которая приехала как гостья на строительство из Москвы и не имела намерения идти к мужу.

Проблема перековки колхозников в рабочих — тоже остается нерешенной. То ли берут верх перековывающиеся, то ли летуны.

Проблема кадров на строительстве: сезонные и неквалифицированные рабочие бегут со стройки катастрофически из-за отсутствия жилья, питания, воды, спецодежи, инструментов и пр. И никаких, даже в идеальном плане, мер не принимается для устранения этих безобразий, кроме весьма неопределенных бормотаний на заседаниях партъячеек. Выход из положения найден в том, что всех квалифицированных рабочих, комсо-

мольцев и даже школьников, автор заставляет в порядке энтузиазма идти работать на стройке в ночное время.

Проблема выбора профессии: У Балеева племянник — талантливый пианист. Работает на стройке в качестве рабочего, а по вечерам сочиняет симфонии труда и играет Шопена.

Роман — один из первых в истории советской литературы производственных романов. Поэтому он так расплывчат и в нем нет достаточно четких установок политического руководства. Дальнейшие романы на эти темы получили уже совершенно отчетливые черты, и в них уже невозможна эта расплывчатость и неясность.

Афиногенов «Страх».

Пьеса Афиногенова «Страх» произвела когда-то большой шум среди населения Советского Союза. Это, вероятно, единственный случай, когда произведение советского писателя в самом деле затронуло население. В Советском Союзе настолько привыкли к тому, что со сцены абсолютно невозможно услышать что-либо правдивое, что монолог проф. Бородина о страхе, который автор напрасно старался подать иронически, производил огромное впечатление.

Действие происходит в одном научно-исследовательском институте в эпоху завоевания науки выдвигенцами. Старых научных работников или арестовывали, или просто увольняли, или оставляли в тех же учреждениях, но на положении технических работников. А на кафедру и в аспирантуру сажались молодые рабочие, кончившие рабфаки. Конечно, среди настоящих ученых много было горечи, и много справедливых слов сказано по поводу этих рабфаковцев. И в пьесе эти справедливые и горькие слова приводятся, но все они вкладываются в уста «вредителям и шпионам» или же таким «честным», но беспомощным шляпам, как Бородин.

Все действующие лица сделаны автором по шаблону партийного заказа. Необычайно благородные выдвигенцы, вредительская и шпионская старая интеллигенция, учебно-показательная пионерка, партийный прохвост, скрывший свое происхождение от военного прокурора и т. п. Эта пьеса отвечала партийному заказу тем, что «разъясняла», почему в стране происходит повальное избиение старой интеллигенции. Почему арестовываются светила науки.

Не потому мол, что эти ученые не хотят иметь ничего общего с политикой, а потому, что все эти ссылаемые, расстреливаемые и унижаемые люди — враги народа.

В монологе профессора Бородина о страхе показаны подлинные переживания советского интеллигента. То, что он всегда чувствовал, находясь в самой свободной стране мира.

«... Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник — обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отрекаться от матерей, подделывать социальное происхождение, пролезать на высокие посты... Да, да... На высоком месте так страшна опасность разоблачения. Страх ходит за человеком...» И т. д.

И дальше:

«Кролик, который увидал удава, не в состоянии двинуться с места — его мускулы оцепенели, он покорно ждет, пока удавные кольца сожмут и раздавят его. Мы не кролики. Можно ли после этого работать творчески? Разумеется, нет»...

И кончается монолог словами:

«Уничтожьте страх, уничтожьте все, что рождает страх, — и вы увидите, какой богатой творческой жизнью зацветет страна!»

Но автор вложил монолог в уста трусливого ученого, «изучающего море в стакане с морской водой и инфузориями и делающего выводы из своих наблюдений по волнению этих инфузорий».

Профессор Бородин — оторвавшийся от жизни кабинетный гриб. Он окружил себя шпионами и вредителями, воображал, что это его друзья и ученики, и презирал благородных выдвиженцев. А эти выдвиженцы были его самыми преданными учениками и друзьями, которые, разоблачив коварство шпионов и их вредительство по отношению к тому же профессору, помогли последнему стать на правдивый путь настоящей пролетарской науки.

В ответ на монолог о страхе следует другой. Старая и заслуженная партия отвечает профессору, что мол в нашей стране боятся только враги народа, а честным строителям социализма: бояться некого и нечего.

Как же было не бегать на эту пьесу всем «врагам народа»! Как же можно было не затаить дыхания, когда со сцены проносились такие слова, о которых и во сне-то не смели поду-

мать! И все старания автора ослабить впечатление от этого монолога были тщетными. Зритель просто не воспринимал «вредительства» персонажей, а жадно слушал страстный монолог с страхом, в котором он чувствовал правду.

Пьеса не удалась автору. Она была задумана, как советская агитка, и оказалась агитацией против советской власти.

Афиногенов был в свое время репрессирован. Может быть ему в числе других обвинений припомнили и монолог о страхе.

Пьеса Афиногенова, сама по себе очень мало замечательная, интересна тем, что в ней ярко выступает одна из интереснейших особенностей советской литературы: она иногда показывает правду советской жизни — иногда по оплошности, иногда для того, чтобы попытаться эту правду опровергнуть. В этом последнем случае она всегда терпит полнейшую неудачу. И тогда благонамереннейший роман или пьеса превращается в агитацию против советского строя. Так случилось с усердным не по разуму и перестаравшимся Афиногеновым. Монолог Бородин потрясал. И не были интересны совершенно казенные возражения старухи-партийки.

Старуха — чистейший вымысел, но в произведении свободного автора эта раба фикционализма могла бы оказаться интересной. Раскрыть психологию, которая прячется за мертвыми штампами было бы не безынтересной задачей.

М. Кольцов.

Михаил Кольцов родился в 1898 году, член партии с 1918 года, с 1920 года — фельетонист и очеркист «Правды», а затем — редактор журналов «Огонек» и «Крокодил». Один из талантливейших газетчиков в СССР. Похвала — небольшая: на фоне общей писательской бездарности и серости в Советской России выделиться легко.

Кольцов — усерднейший исполнитель партийного заказа. Он известен беспардонно льстивыми зарисовками партийных съездов и литературными портретами партийных вождей (в частности Дзержинского и Клары Цеткин).

Во множестве фельетонов Кольцов занят описанием великих достижений социалистической родины и маленьких недостатков, в которых виноваты головотяпы и люди, которых партия не успела еще перевоспитать, и которые поэтому еще находятся во власти «пережитков капитализма в сознании».

Несмотря на жестокое искажение действительности, сделанное опытной и уверенной фальсификаторской рукой, в фельетонах Кольцова отражается и правда, беспощадная правда о советской власти. Вот «Путешествие в Дюшамбе». Человека где-то в глуши Нижегородской губернии арестовали потому, что он оказался однофамильцем какого-то растратчика в Дюшамбе, отправили его туда, маяли его восемь месяцев по этапам, а в Дюшамбе сразу освободили: не тот Самойлов. Но денег на обратную дорогу не дали: добираться домой, как знаешь.

И нельзя поверить, что во всем виновата лукояновская милиция. При сколько-нибудь другом государственном порядке никакая милиция не посмела бы так издеваться над человеком.

Или вот фельетончик: «К вопросу о тупоумии». Уполномоченный районного потребительского общества в Ионове-Ежовке получает телеграмму: «усилить заготовку 13530 воробьев — «13530» — это исходящий номер. Воробьев — это ответственный кооператор Еланского потребительского общества. Но в Ионове-Ежовке решили, что требуется приступить к заготовке воробьев. И стали заготавливать в живом и битом виде. Волнение охватило район. Товарищ Енакиева приняла на себя руководство воробьиной заготовкой в масштабе района. Двести заготовленных воробьев съели кошки. Поднялся вопрос о вредительстве и т. д. и т. п.

Кольцов старается все свести к курьезу и все валит на тупоумие деревенских кооператоров. Но дело в том, что население воспринимает советскую власть как чудовищную нелепость и всякое, даже самое идиотское распоряжение, исходящее от этой власти, кажется ему естественным. А так как оно к тому же не подлежит критике, то и возникает проблема тары для воробьиных тушек. И Кольцов дает рецепт борьбы с народным тупоумием: посадить воробьиных заготовителей в тюрьму.

Есть у Кольцова казенные утопии, которые он проповедует с деланной наивностью. В фельетоне «Пустите в чайную» он описывает безобразие советских пивных, тоску советского человека по благообразию и уюту, и рекомендует возродить царские чайные, «где, спасаясь от жилищной тесноты, можно было бы спокойно и приятно посидеть несколько часов, выпить чайку, почитать газетки, отдышаться». «Кругом уют, чистые белые скатерти, ароматный чаек, блеск фаянсовой посуды...»

Конечно, вздор. Вот Кольцов не может представить себе чайную без «газеток», а обывателю хочется спрятаться от этих

самых газеток. А будут «газетки» — непременно появится какая-нибудь комсомольская легкая кавалерия, иначе говоря, чайная превратится в «забытый уголок культурного фонда», где «орудует классовый враг», и т. д. И посетители непременно разбегутся. Кроме того, с финансовой точки зрения, чайная не представляет для большевиков ни малейшего интереса. Чайные не возродились после фарисейского вздоха Кольцова.

В фельетоне «Только одна страница» в самых мажорных и оптимистических тонах описывается одно из страшных событий, которыми так богата советская жизнь. Но подано оно, как праздник.

«Пятьсот тысяч кубических метров бетона заложено в Днепровскую плотину. Неслыханная по размерам цифра. Невиданный по скорости результат».

Этот результат был получен каторжной работой. «Бурное торжество победителей» на человеческих костях. Эти кости — другой результат, но о нем Кольцов не упоминает.

И вот: «Одинадцатого декабря ночью закрутил свирепый снежный буран... и в ту же ночь Днепр, разъяренный ветрами, обезумев от холода и тесноты, ползком подобрался к перемычке нижнего бьефа, прососал ее и молча ринулся в котловину».

Беда произошла от неслыханного по скорости результата, который тешил всероссийское комчванство. В страшную бурю люди были брошены на работу по спасению плотины.

«Три ночи и три дня не спали рабочие, инженеры, техники... Кидали без устали в воду тяжелые мешки с песком. Закладывали камышевой фашиной. Откачивали воду. Разбирали эстакаду. Воздвигали оборонительные барикады... вели наступление, отодвигая своими зябкими человеческими плечами неистощимый напор мощной реки».

О человеческих жертвах Кольцов, разумеется, не упоминает. Не говорит он и об ужасе нечеловеческих условий труда на сооружении Днепрогэса. Для него расточительство человеческих жизней — только повод для партийного хвастовства.

Но сквозь его парадные фразы для всякого, кто способен на основании кольцовского же материала представить себе что творилось на Днепрогэсе, русская действительность, безжалостно покрашенная казенным оптимизмом, выступает во всей ее неприглядной правде.

Кольцов написал еще книжку очерков «19 городов» о разложении буржуазной культуры и «Хочу летать» — о советской авиации. Кольцову же принадлежит «Испанский дневник». Книга посвящена испанской гражданской войне и способна

даже ко всему привыкшего советского читателя поразить своей беззастенчивой, не знающей меры фальсификацией.

Кольцов очень старался угодить Сталину. Несмотря на это он был арестован, а затем его исключили из партии и отправили в концлагерь, где он умер в 1942 году. Судьба многих слишком старающихся. Посмертно Кольцов был реабилитирован. О нем снова заговорили и даже выпустили в 1957 году собрание его сочинений. Вступительная статья принадлежала Заславскому, который в свое время готов был принять участие в шельмовании Кольцова. Теперь он расхваливает Кольцова свыше меры. Но в своей объемистой статье он ни слова не говорит об исчезновении Кольцова с литературного горизонта, как-будто никаких неприятностей с Кольцовым не случилось. Подобные статьи могут находить себе место только в советской литературе.

VIII

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Фронтовая лирика.

Бабаевский. «Кавалер Золотой Звезды».

Павленко. «Счастье».

В. Панова «Кружилиха», «Завод», «Ясный берег».

Война началась поражением советской армии. В оккупированных областях советские руководители первыми бежали в тыл, оставляя население на произвол судьбы. Растерянность партии была полнейшая. На фронте воцарился хаос.

Растерянность партии выразилась и в том, что большевистская агитация перестала говорить о Сталине, партии и социализме. Говорили о России, о родине, о чувстве патриотизма. Никто не смел заикаться о том, что партия — организатор защиты страны.

Идеологический нажим резко ослабел. И потому в художественных произведениях военного времени несравненно больше правды, чем в произведениях довоенных и послевоенных. В частности, хаос и развал фронта, отсутствие партийного руководства и инициатива русских людей были правдиво отражены в романах и повестях. Партия молчала и не призывала авторов к порядку. Только после войны умаление роли партии стало рассматриваться, как преступление.

Фадеев, бывший председатель Союза Советских Писателей и член ЦК ВКП(б), написал роман «Молодая Гвардия», посвященный героической борьбе молодежи с немцами на оккупированной территории.

Теперь официальная критика отмечает недостатки романа.

«Прежде всего в романе не показана выдающаяся организующая роль большевистской партии в борьбе против врага на временно оккупированной территории, из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола, это руководящая, воспитательная роль партии».

Оставленные для подпольной работы большевики на деле оказались неспособными организовать и возглавить борьбу, вели себя неумело, не обнаружили достаточно ума и проникательности.

Конечно, «выпало самое главное», потому, что его не было. Его нельзя найти ни у одного автора военной эпохи. Нелепо предполагать, что это оказалось результатом какого-то писательского заговора против советской власти. Просто растерявшаяся партия не помешала сказать правду, и правда вышла на свет Божий.

Фадеев «признал справедливость сделанных ему критикой упреков и приступил к переработке романа, чтобы устранить его недостатки». Конечно, в послевоенных романах оказалось все на месте: никакого хаоса, никакой растерянности и всюду блистательное руководство партии.

Фронтвая лирика.

Это самое правдивое, что было создано в военную эпоху. Лирика военных лет представляет собой небывалое явление. Ее мотив — не бранные подвиги, не ненависть к врагу, а любовь к родному очагу, к семье, к оставленной в далеком городе девушке. О правительстве, партии и лично товарище Сталине лирика военных лет просто не упоминает. Впечатление от военной лирики: человеку позволено говорить о самом заветном, и вот хлынули потоки запретных чувств. Хочется сказать: военная лирика русских поэтов оказалась нежней, чем любовная лирика других народов. Партийные тенденции игнорируются этой лирикой самым решительным образом. Никогда ни раньше, ни позже не относились к ним с таким презрением.

Огромную популярность приобрела в армии «Землянка» Суркова, которая все еще остается излюбленной песней.

Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

· · · · ·
Пой, гармоника, вьюге на зло,
Заплутавшее счастье зови —
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Вот что пела армия, а не «если завтра война, если завтра в поход».

Вот от чего тепло бойцу: от любви милой девушки, а не от забот родного Сталина. Не «гром победы раздавайся», а «тихая и нежная любовь» — вот самая оригинальная черта русской военной — подумайте только: военной! — лирики. На мгновение народ отпустили на свободу, дали ему возможность сказать свое самое искреннее слово. И слово это оказалось: л ю б о в ь .

Б. Бабаевский. «Кавалер Золотой Звезды».

В романе выводится тип железного коммуниста, у которого за плечами военные подвиги, а теперь он пришел руководить колхозной жизнью района. Он и линия партии — одно. Государство стоит на страже интересов «государственного кармана» и к интересам колхозников неумолимо враждебно. В романе выясняется интересное обстоятельство: во время войны колхозники жили лучше, чем в мирное время. Причина тому очень простая: власть вынуждена была пойти на уступки и сквозь пальцы смотрела на расширение приусадебных участков. Среди колхозной администрации с этим новым порядком не только мирились, его одобряли. Между властью и населением возникли более человечные отношения. И вот теперь железные герои хотят все повернуть назад к прежней каторге и нищете; возникает неизбежный конфликт.

Один из председателей колхозов жалуется: «Взяли землю у колхозников и гордятся. А что в том плохого, что колхозники имеют свои посевы?! Пускай себе обрабатывают, все государству польза. Скажем, стихийное бедствие, неурожай, а я за своих колхозников спокоен, без хлеба они не будут».

Эти настроения властью квалифицируются, как «нытье», которое просто стыдно слушать. Так в современной художественной литературе раскрывается конфликт между населением и партией. Разумеется, генеральная линия партии торжествует, и «нытики» посрамляются.

П. Павленко. «Счастье».

О счастье говорит только заглавие. Сама же книга написана о самом горьком несчастье, как отдельных личностей, так и целого народа.

Несчастливы здесь все — и Воропаев, главный герой книги, и колхозники, которых после «освобождения» оккупированных территорий, на каких они оставались, стали переселять в Крым. Несчастливы и раненые дети, которых заставляют усердно быть

счастливыми. Несчастны, конечно, и те татары, которых выселили из Крыма и о которых автор не говорит, но которые незримо присутствуют на протяжении всего романа. Несчастлива и Лена, несчастны и девушки, вернувшиеся из немецкого плена. Несчастны все, и кажется, что несчастен и сам автор, которому приходится вопреки здравому смыслу делать из всех несчастий «счастье». Автор не уверен в том, что ему удастся выкроить счастье из лохмотьев несчастных судеб его героев, и эта неуверенность передается и читателю.

Основным стержнем романа является судьба полковника Воропаева, конечно боевого, конечно коммуниста. Воропаев был четыре раза ранен, ему ампутировали ногу в результате тяжелого ранения. К тому же он еще болен туберкулезом. К тому же ногу ампутировала ему на фронте любимая девушка-врач. К тому же у него больной (чуть ли не туберкулезом) семилетний сын.

Когда его демобилизовали, то в Москве с него взяли слово, «честное», что он поедет в Крым на поправку. Поправка должна была заключаться в том, что он «получит себе отдельную дачку с садом и будет жить на покое». Если бы такое предложение ему сделали американцы в первый год после окончания войны, то наивность этого предложения была бы оправдана незнанием положения в Крыму. Но так как это ему посоветовали в демобилизационной комиссии в Москве, где, конечно, не могли не знать, что никаких дачек в Крыму не осталось, что там даже секретарь парткома и его штат живет в полуразрушенных домах, что там «едят горячее только один раз в день все те же члены горкома», то предложение поехать на отдых больному полковнику можно рассматривать только или как издевательство, или как замаскированный приказ ехать на тяжелую тыловую работу. И работать там до самой смерти. Последнее предположение подтверждается и высказываниями врача на месте. У этого врача есть теория, что туберкулез, да еще в третьей стадии, да еще открытый, лечить покоем вредно.

«...Ваша болезнь не считается ни романтической, ни сложной. Она проста. Лечить ее может простой грамотный врач. Ваша болезнь требует простого лекарства — воздуха... Дышать, двигаться... Есть на открытом воздухе... В сырые дни преодолевать сырость активностью. Отнюдь не лежать. Если не в состоянии передвигаться — кроватная гимнастика. И, наконец, занятость. Туберкулез преодолевается занятостью. Мечтать не обязательно, это ослабляет, но иметь дело нужно. Наконец дисциплина. Все напрокор тому, чего хочет болезнь. Хочется бес-

смысленно валяться в постели — поступайте наоборот. Хочется кашлять — удержитесь. Кружится голова — переборите усилием воли. Поставьте болезнь вверх ногами. Самое сильное средство против туберкулеза, которое еще ни разу не подводило ни врача, ни больного — это воля. Туберкулез проверочная, имейте в виду.»

Прибавить к этому, кажется, нечего. И вот этого-то врача Воропаев на собрании колхозников пробирал за то, что он выдает колхозникам слишком много бюллетеней. Он, по мнению Воропаева, спасал лодырей от работы. Можно себе представить, каковы были эти лодыри, если такой врач выдавал им освобождение от работы.

Но вернемся к началу романа. Воропаев сходит на берег вместе с колхозниками. Колхозники с Кубани, с Дона и с Терека. Они едут, видите ли, добровольно восстанавливать крымские места. Почему домовитые и зажиточные колхозники решили восстанавливать незнакомые им земли, заниматься неизвестными им культурами, жить в чужом климате — вместо того, чтобы начать восстановление собственных колхозов, разводить привычные им культуры и жить на насиженных местах — автор не рассказывает. Не может же он сказать, что их переселили в Крым в наказание за то, что они не отступали. А вот куда бы они отступили с Кубани и Терека, тоже не говорится.

Но только колхозники, ступив на новую землю, чувствуют себя не совсем-то счастливыми, и многие бабы «плачут». С чего бы они плакали, если бы сами по своей воле поехали «на легкую жизнь».

Непонятны и высказывания некоего «деда»: «Яке ж тут лихо! — несмело оглядывая горы и море, говорил пожилой казак, обращаясь к молодой женщине, очевидно, невестке. — Лихо баби на печи, що пичь высоко... А тут, бачь, декабрь на двори, а показувае вроде на май». Женщину это не утешило. Она, шумно вздохнув, потянула носом, готовясь заплакать...»

Значит, чувствовали, что едут «на лихо». Значит, не все были уверены, что на новом месте будет рай. Почему же ехали? Автор как-то «заминает» этот вопрос. И вообще, в книге много мест, в которых у автора не сходятся концы с концами. Еще не наловчился. Нельзя и сравнивать, например, с книгой Закруткина «Кавказские записки». У того все концы блестяще сходятся. Не сходятся, а прямо-таки свариваются, и не заметишь, где шов.

Первую ночь своего приезда Воропаев проводит на берегу, где колхозникам раздают участки для жилья. Спит прямо на голой земле. Перед сном он «слушал, улыбаясь и подхватывая языком слезы, катившиеся ему в рот», гомон и возню колхозников на новом месте. Колхозники тоже проводили свою первую ночь на голой земле под открытым небом. Но Воропаев, по автору, счастлив всем этим голым, неприкрытым никакими фиговыми листками, несчастьем народа. Но в чем герой видел это «счастье», автор не говорит.

«... Какое великолепное сладостное событие происходило где-то рядом, под темным покровом ночи, среди взлетающих фонарных огней, в дыму костров, среди неустроенности этого уставшего лагеря» — думает Воропаев».

Рассмотрим это «сладостное» событие не с точки зрения тех фикций, которые хочет нам навязать автор — навязать, правда, довольно-таки неудачно.

Людей, уже один раз разоренных войной, людей, проживших почти два года под игом жестокого и безжалостного врага, людей, которых не только не обогрела родина, после того, как их освободили от чужого ига, а, наоборот, эта родина вменила им в преступление все их страдания, все их несчастья, — вот этих людей оторвали уже и от родной земли, от родной хаты и повели в какой-то чуждый им край. В край, в котором они должны забыть все, чему прежде учились, и начать учиться снова. А ответственность не только за их семьи, но и за государственное задание к ним предъявляется отнюдь не как к ученикам, а как к уже готовым мастерам. И вот больной и раненый командир, герой, награжденный многими боевыми знаками отличия, лежит, бездомный, на земле, среди такого же бездомного как и он люда, и плачет слезами умиления и радости, потому что некая малая часть людей получает не пристанища, а только голые места, на которых они должны будут, напрягая все свои силы, голыми руками, буквально из ничего создавать себе новые очаги. И создавать их они должны «в свободное от работы время».

Как можно поверить автору, что Воропаев плакал «счастливыми слезами».

По пробуждении героя не ждало ничего нового или утешительного. Просто он проснулся и не решился позавтракать своими консервами, привезенными из Москвы. «Неудобно было есть на глазах у голодных людей». Несколько странное наблюдение для человека, только вчера вечером умилявшегося тем,

что происходило на его глазах. Настолько то реализма у него было все-же!

Накинув свой рюкзак с драгоценными консервами, он пошел «голосовать» на шоссе. И «счастье» его не подвело — по шоссе как раз в это время ехала одна из четырех полутонк, шофер был в хорошем настроении и подвез Воропаева в знаменитый винодельческий совхоз.

Не станем останавливаться на подробностях. Воропаев оказывается руководителем несчастных людей.

Павленко не мог скрыть (а, может быть, не захотел), конфликта между партией и законными нуждами населения. У Павленко очень отчетливо видно, как часть партийцев чувствует, что нельзя жить в войне со своим народом. Другая — совсем не чувствует.

У одной грубый окрик: «Неверием заражены?! Трудностей боитесь! Нытье!» и требование «выполнить и перевыполнить», к сроку. У других — чувство действительности и нежелание расплачиваться за выполнение плана человеческими жизнями.

Условия работы ужасны. Секретарь райкома говорит Воропаеву:

«Там у тебя адъютанты, автомобили, телефон. Приказал — сделали. А у нас здесь в тылу, в побитых местах, чистое горе. Вот я тебя командую за двадцать пять километров, а машины у меня нет, и телефона нет, и почта только два раза в неделю пешком ходит».

Люди, протестующие против новой волны партийного бесчеловечия — живые и искренние люди, показаны у Павленко очень убедительно. Вот скромный лейтенант Боярышников, на которого налетел Воропаев с наглым вопросом, на каком фронте он воевал. Больной Боярышников, который нигде не воевал, спокойно отвечает: «Этот номер со мной, знаете, не пройдет, я на таких демагогов опытный».

Но победа остается, разумеется, за демагогами. Воропасев уже лютует в колхозе, уже создает штурмовые группы. Ни с какими врачебными бюллетенями он не хочет считаться. «Кто помер, тому только бюллетень, остальные с нами в атаку!»

Из романа совершенно ясной становится вся нищета, все трагическое убожество голодной жизни, которую вели ялтинские поселенцы после освобождения Крыма от немцев. И голод, и житье в разрушенных домах, и каторжный труд — все понятно: война. Но то, что советская власть приказывает все это считать счастьем — этого люди за рубежом понять не могут.

Советская власть приказывает злое горе считать счастьем не потому, что она хочет облегчить переживания своего народа, а потому что она хочет заранее показать народу, что ничего лучшего его уже не ждет. Ничего лучшего после войны она ему не дает и дать не намерена, а потому народ и должен свою долю воспринимать, как счастье. И больше того: русский народ должен верить, что работа на эту самую власть и есть настоящее подлинное счастье, а все остальное: личная жизнь, благополучие, отдых — все это несчастье.

Вера Панова. «Кружилиха», (Советский писатель, 1948 г.).

Роман положил начало последующим произведениям послевоенной литературы на тему «фальсификация быта военного времени». Недаром же он подвергся такому пристальному обсуждению в Союзе Писателей и не даром автору было сделано «много указаний».

Как и все произведения советской литературы «Кружилиха» подчинена доминирующему мотиву — труду. Предполагается, что все проблемы уже решены и остается только одна еще недостаточно усвоенная советским «обывателем» проблема, проблема труда. Сталина и партию все обожают, коммунизм уже восторжествовал и только «масса» еще недостаточно усвоила себе, что все эти чувства могут быть доказаны только «трудом на пользу советского государства».

Один из первых романов в советской литературе с показом «советского обывателя», а не исключительно героев.

Эта работа Пановой тоньше, чем работы ее товарищей по литературному цеху на ту же тему... Она рисует людей, как будто бы такими, как они есть в быту, не придавая им никаких надуманных добродетелей и незаметно, но постоянно показывая, как простые «мещане» и обыватели переделываются под влиянием нового социалистически-коммунистического государства.

Основным фактором перестройки обывательской души является труд на пользу государства. «За хорошую работу прощается все», — говорит старый рабочий, показательный партиец Веденеев. Этот тип является тем мостиком «между прошлым и настоящим» без которого теперь не обходится ни одно произведение советской литературы. Говорит он это тоже старику, но тот «отброс» социалистического настоящего. Он бывший кулак, пьяница, который теперь кается в своих прегрешениях

против советской власти и все добивается, простятся ли ему все его прошлые грехи. Увлеченный общим трудовым энтузиазмом Мартьянов (имя кающегося грешника) пришел на завод и включился в благородное соревнование и выдает по полторы-две нормы плана. И поэтому ему «прощается все».

Главные герои романа — директор Листопад и секретарь профсоюза Уздечкин.

Листопад — живой, энергичный, любящий жизнь и великий эгоист. Но эгоизм его вытекает не из его личных желаний и целей, а все из того же источника — труда на пользу государства. Так сказать «жертвенный эгоизм». Это скорее не эгоизм, а душевная самозащита от всего, что может помешать человеку достичь — тысячепроцентной работоспособности. Особенно ярко это показано на его отношении к жене, как к живой, так и после ее смерти. Живую ее он воспринимал, как некую вне-рабочую и приятную нагрузку, что видно из ее посмертного дневника. От воспоминаний о мертвой он отмахивается и старается избежать разговоров на эту тему с окружающими. Меньше чем через полгода он уже собирается жениться на другой женщине.

Уздечкин показан дряблым, заслонившимся от жизни, непонимающим ее, бюрократическим идеалом коммуниста. Теперь на них моды нет и потому, все, что делает Уздечкин некстати и даже во вред рабочим, которых он должен и защищать и в тоже время поощрять на трудовые подвиги. Но он не умеет делать ни того и ни другого. Правда, даны некоторые «психологические обоснования» такому его характеру: потерял жену во время войны, имеет никудышнюю тещу и должен сам ухаживать за своими двумя малолетними дочками. Стирать на них, штопать им платяшки, пришивать пуговицы и проч. Почему-то не показана «чуткая соседка», которая догадалась бы освободить Уздечкина от этих нагрузок.

Роман «Кружилиха» можно без преувеличения назвать «бытовым» романом, если отбросить необходимое подсахаривание некоторых персонажей и моментов.

Много вылезает правды военного времени: например, во время войны, оказывается, можно было, продав паек жира и рыбы, купить на эти деньги колбасы, сладостей и белого хлеба. Объяснение может быть только одно — жир и рыба были ленд-лизские консервы, которые ценились на черном рынке выше,

чем продукты отечественного производства, даже такие, как мясо и белый хлеб.

Сквозь казенную лирику военного быта коммунистов в романе проскальзывает много подлинного. Особенно неосторожно обращается Панова со своими второстепенными персонажами. Они — спекулянты, как Ахмед Мирзоев — шофер Листопада; они легкомысленны и непостоянны, как Марийка, которая разводится и выходит замуж чуть ли не каждые полгода; они сиренообразны в чистом виде, как Нонна Сергеевна. Но все они ударники и коммунисты и им все прощается.

Нужно еще упомянуть о Лидочке. Это тип, который Панова старается сделать особенно привлекательным. Это молодая и полная задора и темперамента девушка, изящная, очаровательная, капризная, артистичная. По всем своим данным она — героиня салона и будуара. Но она, кроме того, первоклассная ударница. Она — бракеровщица, и ее прелестные пальчики делают чудеса, их чувствительность позволяет делать изумительные рекорды.

Такого соединения цеха с будуаром в советской жизни, конечно, нет и быть не может. Но идея Пановой ясна: трудитесь, да не какнибудь, а чтоб угодить взыскательному начальству, а там делайте, что хотите, греховодники. Партия — она добрая, простит, но соцсоревнование прежде всего.

«Кружилиха» — первенец социального заказа послевоенного времени, — интересна тем, что она положила начало пути, по которому и должны следовать все прочие авторы.

Вера Панова. «Завод».

Роман является продолжением «Кружилихи». Пановой учтены все указания критики, которые были даны во время обсуждения «Кружилихи» на литературной конференции по поводу романа. Например, Уздечкин уже не является таким голым бюрократом, как в первом варианте, а показан в виде «заблудившегося идеалиста от коммунистической партии». В конце романа происходит примирение его с директором Листопадом.

Подправлены и переделаны некоторые установки. Гораздо ярче выпячено здесь обвинение против профессионального союза во всех бытовых безобразиях на заводе. Партия и правительство идут на встречу нуждам рабочих деньгами, рабочей силой и материалами, профбюрократы, вроде Уздечкина, не понимая настоящей ценности человека и витая где-то в отвлече-

ченных идеалах коммунистической утопии, все дело портят. Так, например, у Листопада с Уздечкиным происходит ссора из-за того, что последний хочет истратить 60.000 рублей на ремонт «Дворца культуры» в то время, как поселок для молодежи из трудовых резервов находится в невозможном для жилья состоянии.

Характерен спор Листопада с Уздечкиным по поводу распределения земли под индивидуальные огороды рабочих: Листопад настаивает на том, чтобы индивидуальные огороды имели только многосемейные рабочие, у которых имеются помощники. Он очень озабочен тем, чтобы в дни отдыха рабочие отдыхали, а не копались на огородах. Мол, де мы сами, завод, обработаем большую огородную площадь тракторами и плугами и наградим всех рабочих картофелем на зиму. (Тогда почему многосемейные не могут так же получить этот картофель?). А Уздечкин настаивает на том, чтобы все рабочие получили землю.

В «Заводе» остается в силе один из главных мотивов «Кружилихи»: — «за хорошую работу прощается все».

Вера Панова. «Ясный берег».

Приторная идиллия послевоенной жизни в совхозе «Ясный берег». Автор выдает пропагандные установки за советскую действительность, цинично неправдоподобны мотивы идиллии, лирики, любви к природе, которыми начинен роман. Сентиментальная привязанность крестьян к «своему» колхозу. Бабка, например, 70 лет, немедленно после овладения грамотой начавшая изучать астрономию. Кое-где все же проглядывают рожки действительности. Например, «преступление» директора совхоза Коростелева, продавшего породистую телку партизанскому колхозу. За «партизанщину» в хозяйственной жизни Коростелев едва не вылетел из партии. Вся колхозная общественность и даже его родная мать, заслуженная бригадирша, осудили Коростелева. Под дружеским влиянием секретаря партии Коростелев признал свои ошибки и получил только строгий выговор. Сцилла и Харибда: не продашь — не помогаешь восстановлению страны. Продашь — могут и похвалить, а могут и... Общий тон книги, развязно-оптимистический, оскорбителен для советского читателя, к какой категории он ни относился бы, а, в особенности, для партийцев, которые на своей шкуре знают всю «дружественность» комитетов партии и их секретарей.

IX

А. Коптяева. «Иван Иванович», «Товарищ Анна».

Е. Мальцев «От всего сердца».

В. Фоменко «Человек в степи».

Анна Коптяева. «Иван Иванович» и «Товарищ Анна».

Оба эти романа похожи один на другой и собственно говоря, одного из них она могла бы свободно и не писать. Но она, вероятно, напишет еще и не один подобный же роман. Не даром же она за свой роман «Иван Иванович» получила в 1949 году Сталинскую премию третьей степени.

Оба романа написаны на тему **личного конфликта**. На тему извечного треугольника: один и две, или одна и два. Оба романа и разрабатывают эти темы.

Любовь к социалистическому отечеству, к великому вождю, судорожный труд на пользу отечеству — являются лишь фоном, на котором разворачиваются любовные драмы.

Романы в литературном отношении не представляют ничего замечательного, но их, вероятно, читают «там» запоем. Они отличаются лирической безмятежностью. Напоминают такую чистенькую, уютную с салфеточками и цветочками квартиру в мещанском домике средней руки. Все уютненько, чистенько, идиллично, и нестерпимо скучно. Но зато ни соцсоревнований, ни стахановщины, ни драматических коллизий «идеологического» порядка, которые все разрешаются на очередном партсобрании.

В первом романе семья сохраняется, пройдя через «испытания» треугольника. Во втором — семья разрушается, не выдержав этих испытаний. Но все построено по рецепту такого молочно-кисельного нейтралитета в страстях всех трех треугольника, что разрушение семьи читателю представляется в виде хэппи энда. Конечно, все происходит под мудрым оком секретарей райкомов и даже облкома.

Интересны эти книги только тем, что по ним можно разглядеть новый партзаказ: советским людям теперь рекомендуется и разрешается иметь свои личные драмы.

И еще оба романа этой писательницы замечательны ее умением совершенно не видеть действительности. А благодаря этому и все ее самые фальшивые и скользкие места проходят почти незамеченными.

Теперь немного подробнее о «Товарище Анне».

Для советского читателя роман является, вероятно, одним из самых привлекательных, потому что в нем внешне делается упор на личный конфликт героев. К тому же конфликт любовный, что уже совсем большая редкость в советской литературе. И даже можно больше сказать — роман написан о женщинах, хотя в нем, конечно, есть и герои, но они являются только необходимым фоном для женских «переживаний». И в нем героини добросовестно «переживают». Есть и мужчина, который тоже переживает, но и он переживает как-то по женски.

Действие романа развивается на золотом руднике на Алдане. Главная героиня романа Анна Сергеевна Лаврентьева (товарищ Анна) директор прииска.

Начинается действие в драматический момент на руднике, когда на нем приели все запасы продовольствия, а пароход не приходит из-за мелководья. Все переживания голодных людей даны в деликатном и завуалированном тоне, но правдиво. Не верится только тому, что у директора кружится от голода голова, как и у всех остальных рабочих. Но это для «социализма», конечно.

Анна красивая, нежная и в тоже время статная и здоровая женщина, прекрасная мать и хозяйка. Свою дочку, Маринку, она воспитывает так, как дай Бог воспитывать самому настоящему и опытному педагогу. В качестве директора рудника она тоже блещет всеми добродетелями: деловита, вмеру строга, но весьма заботлива по отношению к рабочим, прекрасный администратор. Да иначе и быть не могло бы — не даром же она директор одного из самых больших золотодобывающих предприятий на Алдане.

На внешнем облике романа чрезвычайно отчетливо лежит печать женских рук. Очень много внимания уделяется описанию одежды героев. Говорят они тоже по женски, и чувствуют тоже по женски. Автор пропускал всех своих героев и

героинь через собственную психику и через собственные переживания, ставил себя на их место и потом уже давал разрешение героям на поступки, чувства и мысли. Получается однообразно.

Быт приисков, таежную жизнь автор, повидимому, видел собственными глазами, хотя и не очень глубоко. Но все же, поскольку возможно судить, автор не только побывал на Алдане в творческой командировке, но или она работала там, или просто жила длительное время.

Есть прекрасные описания алданской природы, которую автор любит. Самое неудачное место в романе — разговоры народа и героев с народом. Можно безошибочно сказать, что автор никогда не соприкасался лично ни со старателями, ни с крестьянами, ни с рабочими. Все они весьма схематичны и построены по сусальному образцу последней моды. «Народушко».

— Сегодня придет пароход с баржами, выдадим крупы и масла, уверенно пообещала Анна...

— Хорошо бы, вскричал Савушкин, холодные глазки его вспыхнули... Говорят большущий пароход идет?

— Большой! Подтвердила Анна...

— Баржи тоже большие? — увлекаясь спрашивал Савушкин.

— Конечно — поддаваясь и этому желанию сказала Анна...

Так могут разговаривать учитель со школьниками первых классов, а не директор предприятия со своими рабочими, да еще «старателями» на золотых приисках. И все диалоги и монологи все в том же роде и того же стиля. Да и сами герои, инженеры и врачи, говорят таким же детским и беспомощным языком.

В то время, как взрослые люди у автора лепечут по младенчески, пятилетняя Маринка, дочка Анны, разговаривает необыкновенно рассудительно и по взрослому. Здесь автор не умеет найти верного тона.

Вторая героиня романа доктор Валентина тоже прекрасна, деловита, но в противовес Анне она дана, как демоническая женщина. Такие врачи, как Валентина имеются в Советском Союзе. В этом сомневаться не приходится ни на одну минуту, как бы по детски беспомощно она там ни была дана автором. Все, что в Валентине относится к ее врачебной деятельности, все это правдиво и все это так и есть во многих случаях. Но когда автор заставляет Валентину спасать в тайге эвенка, не потому, что это ее душевная и самая насущная потребность, а потому, что от нее этого требует не живая жизнь, не живое страдание человека, и она... (На этом рукопись обрывается).

Елизар Мальцев «От всего сердца». («Советский Писатель», 1949 г., стр. 438).

Из кожи вон... Так следовало бы озаглавить роман Е. Мальцева «От всего сердца» такой при чтении романа рисуется работа автора. И, действительно, автор постарался: заказ выполнен с честью, Сталинская премия получена (на обратной стр. титульного листа значится: «Решением Совета Министров Союза ССР Мальцеву (Пупко) Елизарию Юрьевичу за роман «От всего сердца» присуждена Сталинская премия второй степени за 1948 год). Боже мой! Если вся советская литература будет такой, то что же останется на книжных полках после восстановления на родине настоящей духовной культуры? Типичный роман — поденка, который живет один сезон — и в Лету бух!

Роман этот относится к тому роду литературы, которая не только будет казаться бессмысленной до дикости после падения большевизма, но быстро становится неактуальной уже на следующем этапе построения коммунизма при очередном зигзаге генеральной линии. Да он уже сегодня устарел: все в нем есть, а вот вопроса укрупнения колхозов нет.

Есть, даже в условиях советского приказного искусства, книги, которые, несмотря на свою тенденциозность, будут ценны и после большевизма. Взять хотя бы книгу «В окопах Сталинграда»: если отрезать от текста некоторые подвески социального заказа, книга вполне сможет пойти «через хребты веков и через головы поэтов и правительств», как правдивый человеческий документ. В книге же Е. Мальцева даже и отрезать нечего, а следует вести долгие раскопки в довольно приличном, с литературно-стилистической точки зрения, нагромождении событий, персонажей и образов, чтобы найти крупинцы правды, или какой-либо отдельный и случайный штрих, напоминающий живого человека. В этой книге нет правды. Это сплошная ложь, ложь наглая, или говоря вежливо, это перенесение ряда советских фикций в литературу. И трудно даже представить себе, на кого эта ложь рассчитана.

«От всего сердца» — роман колхозный. Основной стержень его — это так называемое «чувство нового», то-есть показ нового человека, высоты его духовной жизни, его отношения к труду, семье, коллективу, государству и миру, отношение человека эпохи построения коммунизма. А вокруг этого стержня множество параллельных ему тем: героика колхозного труда,

беззаветный патриотизм, высокая культура и сознательность (по-советски, конечно) советского человека, его преданность партии и Сталину; колхозный быт и материальное благосостояние колхозников показаны в романе как некий идеал будущей (а будущее это уже сегодня) советской деревни, заманчивый идеал для колхозника: домики под железной крышей на каменном фундаменте, цветники перед окнами, письменные столы, книжные шкафы и пианино в комнатах, водопроводы и ванны; зажиточность же колхозников такая, что они радостно отказываются от приусадебных участков и с неменьшей радостью сдают скот личного пользования на колхозные фермы. Правда, это не в алтайском колхозе «Рассвет», в котором разворачивается действие романа, а в одном из соревнующихся с ним колхозов (каких много, судя по роману), но и колхоз «Рассвет» уже близок к осуществлению этого идеала. В романе есть и агитация за внедрение в полеводство методов Лысенки и борьба новаторов с косностью сторонников старого; есть в романе и народный гнев и презрение к трусам и маловерам, сомневающимся в силах коллектива или бегущих с фронта. Последнее в романе ярко подчеркивается мыслью о том, что народный суд более суров чем суд власти.

— Я раньше думал, что самое страшное — это когда власть наказывает... А вышло наоборот: жизнь меня сильнее наказала — ты, детишки, колхоз.» — говорит бывший дезертир, смывший позор измены кровью на фронте в штрафной роте и прощенный властью, но отвергнутый женой, детьми и окруженный всеобщим презрением колхозников.

Не обошлось в романе и без отрицания заграницы:

— Его, заграничное-то, пырни пальцем и насквозь... нутро-то у вещей *гнилое*... говорит старик Терентий лейтенанту Родиону Васильцеву, которому это не мешает одаривать всю родню привезенными из Германии подарками — братишке фотоаппарат, жене с матерью шерстяные шали, отцу костюм и т. д.

Не забыт и пресловутый приоритет:

— Пшеница, — решительно протянул Красноперов. — Что же это за сорт?

— Гордейформе.

— Кто же ей такое мудрое название дал?

— Американцы! да ведь это только не их пшеница, — хмуро сказала Груня, — а наша «кубанка».

Но самое главное, в чем проявил писатель «чувство нового» это роль женщины на всех участках жизни советского государства, подошедшего уже к воротам коммунистического рая.

Поэтому не случайно, что разбираемый нами роман посвящен автором «другу моему Александре Ивановне, вместе с которой идти легко и радостно».

На протяжении всех 438 страниц романа нет ни одного, даже случайного, женского персонажа, которому были бы приписаны грехи пережитков капитализма в сознании. Мужчины же почти все полны такими грехами, и двое из героев романа — наиболее яркие носители таких грехов: в главном герое, Родионе, они выражались еще в детстве, когда он хвалился перед мальчишками то новым картузом, то балалайкой, теперь же, вернувшись из Берлина при орденах и медалях, он никак не может примириться с тем, что его жена за время войны стала Героиней Труда, знатной и главным лицом в колхозе. Он начинает искать славы, стремится быть впереди всех исключительно из тщеславия, и доходит до того, что близок к разрыву с женой, вызывает недовольство всех членов своего звена и, наконец, убегает из колхоза, но (куда убежишь?) возвращается в колхоз и, оштрафованный на 10 трудодней за бегство и прогулы, понимает свои ошибки и исправляется.

Другой персонаж, полный пережитков, — комбайнер Жудов из-за боязни смерти и от страха за судьбу своих жены и детей-близнецов дезертирует с фронта и некоторое время скрывается в окрестных колхозу горах. Но это, пожалуй, одно из правдоподобных лиц романа, сохранивших в себе что-то человеческое. Хотя бы то, что он бежал с фронта и скрывался в тайге, имея слабость больше любить свою семью, чем партию и Сталина, делает его непохожим на других участников романа, придает ему человеческие черты и наводит на ту мысль, что подобные случаи (бегство с фронта) были так часты, что их нельзя скрыть, а следует на них реагировать соответствующим образом. Да и непонятно, как мог один человек почти в течение года скрываться в горной тайге, не имея товарищей и без помощи населения.

Среди женских персонажей ничего подобного нет и не может даже быть. Женские типы в романе — это воплощенные идеалы советского нового человека, изготовленного сталинской эпохой. Женщины идеализируются во всем: и в отношении преданности партии, и в смысле социалистического отношения к труду (это новаторы, инициаторы, ищущие, дерзающие — содержащие в себе все качества, требуемые сегодня партией от совет-

ского человека), и в супружеской верности, в человечности, патриотизме...

Героиня романа Груня, чья супружеская жизнь с Родионом Васильцевым оборвалась в начале первых часов после свадьбы, — это воплощение советской героини, для которой колхоз и Сталин высшие ценности и идеалы; она не помышляет о личной славе и в этом плане для нее совершенно непонятны усилия ее мужа прославиться, она скромна, как «простой советский человек», делающий героические поступки на каждом шагу; узнав о смерти мужа, она продолжает оставаться верной ему и уверена в его возвращении (качество русской женщины, ничего общего со сталинской эпохой или построенным уже социализмом не имеющее); она человечна, но человечность у нее особая, гуманизм ее социалистический: она усыновляет мальчика-сироту и проклинает дезертира, попросившего у нее хлеба:

— Нету у меня для тебя ничего... Землю вон ешь, камни грызи, сдохни, чтобы имени твоего не знать!

Первое (усыновление) — вещь не необычная, второе — проклятие дезертиру, — весьма вероятная из-за страха перед возможным наказанием за помощь и даже за разговор с «изменником родины».

Она нравственна, но только потому, что помнит слова Ленина о том, что «нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше».

Другая героиня романа — Варвара — отвергает своего мужа за дезертирство и учит своих детей ненавидеть его. Когда он, голодный и измученный скитанием по лесам, приходит к ней она готова его выдать властям. Понятно, что она вынуждена была сделать это: ее уже вызывали на допрос в НКВД, но в романе она проклинает мужа за то, что он предал родину, осрамил колхоз, обесчестил ее.

Другие женские типы обладают теми же сталинскими добродетелями. Женщины почти не ошибаются и не отклоняются от генеральной линии. Весь роман — это показ значимости женщины в гораздо большем плане, чем в старой фразе Сталина, что «женщина в колхозе — большая сила». Это уже сила основная, а мужчины лишь придатки. Женщины ведут и направляют, мужчины следуют и подражают. И это не случайно, такая мысль пронизывает многие произведения послевоенной советской литературы. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что идеализация и возвышение женщины входит в

сегодняшнюю программу коммунистической партии по усилению эксплуатации народа. Партия делает ставку на женщину, стремится завоевать ее доверие, сделать ее опорой своего властвования.

Надо заметить, что обычные разговоры о том, что советская женщина закабалена в настоящее время вдвойне — производством и домом — не совсем основательны, ибо в советском быту участие мужчины и женщины в семье, на кухне и в детской совершенно сравнялись, а подчас мужчина в семье занят больше женщины. То же, что женщина в какой-то мере травмирована, как и всякий житель сталинского рая, факт неоспоримый! В некотором отношении женщина даже травмирована сильнее мужчины. Работы нервно-патологической клиники при институте Павлова отмечают рост заболевания истерией у девушек и женщин — факт, говорящий о многом.

Но коммунистическая власть системой своих уже созданных и создаваемых фикций, одной из которых является уже не равенство женщины с мужчиной, а фикция превосходства и большей значимости женщины, компенсирует эту ощутимую травму, создает иллюзии, которыми бы женщина жила, верила в них и не замечала бы ни их фиктивности, ни своего положения рабыни.

Удается ли это? В некотором отношении да, в большей мере, чем в отношении мужчины. Поэтому неслучайно, что в романе «От всего сердца» мужчины почти все не свободны от пережитков, женщины же уже целиком в новом, одной ногой в коммунизме. Даже в бытовом плане мужчины, герои романа не стоят на высоте коммунистической нравственности: Родион позволяет себе привести из Берлина портсигар с изображением обнаженной женщины, а какой-то лейтенант изменяет на фронте своей жене и совращает санитарку-колхозницу из колхоза «Рассвет». Женщины таких грехов не знают.

Но нет ли в упорном стремлении поднять на щит вопрос нравственности другого момента, а именно связанного с тем, что женщина, поддавшись в какой-то мере фикциям о ее превосходстве перед мужчиной, а, главное, занятая в неженских профессиях, занимаясь специфически мужскими делами (машинисты паровозов, капитаны судов, начальники цехов, председатели колхозов, секретари райкомов, шахтеры, лесорубы, трактористы, рабочие на строительстве дорог, рытье каналов и пр.), невольно склонны терять необходимые элементы женственно-

сти, легко омужчиниваются и перенимают худшее, что есть в мужском быту: сквернословие, водку и легкость взглядов на половые отношения.

В те годы, когда советская власть через литературу, театр и пропаганду полной эмансипации призывала к свободной любви и, попросту, к половой распущенности, женщина оставалась верна общечеловеческим принципам морали и, сопротивляясь, сохранила в чистоте себя и русскую семью, любовно пестуя чистоту своих чувств в глубине подсознания. То, что сегодня советская литература получила задание пропагандировать высокую нравственность, супружескую верность, женственность в ее чистом виде, говорит о том, что коммунисты и здесь пытаются спекулировать на лучших человеческих чувствах женщины, загнанных советской действительностью в глубины подсознания.

Что же касается вопроса семейных отношений, то новым в них является положение, что семейные неурядицы и драмы в советской семье, конечно, есть и могут быть, но только лишь по причине творческих расхождений, из-за разницы во взглядах на социалистический труд, из-за противоречий к социалистической собственности, к родине. Но всегда объединяющим и примиряющим началом бывает тот же труд, любовь и преданность Сталину. «Все понять — все простить» в советском колхозном романе выражается, примерно, так: «Да, я был неправ, — говорит муж, — а ты была права: надо было сеять озимую пшеницу прямо по стерне, без обработки почвы, — так учит академик Лысенко, так велит товарищ Сталин...» — и наступает примирение. Этот пример произволен, но в чуть-чуть ином виде его можно найти в финале книги «От всего сердца».

О персонажах вообще. Отвечают ли они принципам социалистического реализма — «типические образы в типической обстановке»? Да, отвечают: ни одного типического образа и никакой типической обстановки. В романе не люди и даже не манекены. Впечатление же от них у читателя таково, что все они просто одержимые одной и той же навязчивой идеей. Ну, возможно ли подобное у нормального человека: после пятилетней разлуки Родион и Груня, едва встретятся, не находят для разговора ничего другого, кроме колхоза, сева, методов Лысенки, секретаря райкома, затем идут на доклад в хату-лабораторию, а когда, поздним вечером, Родион зовет Груню побыть с ним наедине, она говорит:

— Погоди, я только скажу девочкам, что часа через два пойдем аммиачную селитру разбрасывать...

— Ночью? Кто это придумал?» — удивился Родион, а Груня уходит. И это в самый момент встречи после пятилетней разлуки! А оба любят друг друга большой, до обидного, что это в таком романе, и красивой любовью.

Рыцарями без страха и упрека изображены в романе работники партии и комсомола: секретарь райкома комсомола Ракитин влюблен в Груню и, зная о разрыве Груни с Родионом, делает все, чтобы восстановить в семье Васильцевых нарушенный мир.

Сталин в романе фигурирует сравнительно мало, но всегда, как вождь и учитель, мудрый и всеблагий: «Вы знаете, что сказал товарищ Сталин о науке?.. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое. Замечательные слова!»

Роман написан неплохим, живым и красочным языком, но его портят излишняя слащавость в образах («небо — голубые закрома хлеба») и множество шаблонов: почти все герои романа широкоскулы, широкоплечи, статны, чубаты; разговаривая, вскидывают кудрями или чубом, у многих «напрягаются желваки», у всех при улыбке «брызжет перламутр зубов», почти все как «молодые дубки» и пр.

Роман заканчивается словами:

«Рус!.. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место развернуться и пройти ему?»...

И эти слова Гоголя взяты с определенным умыслом, для выражения мысли о том, что только на Руси, но на Руси сталинской и коммунистической, могут родиться настоящие богатыри мысли, труда и боевых подвигов. Эта фраза удивительно хорошо подчеркивает беспредельную лживость книги.

Владимир Фоменко. «Человек в степи», 1949 год.

«Человек в степи» — сборник очерков талантливого очеркиста Владимира Фоменко. Сборник, помимо своей талантливости, очень интересен той страшной правдой о советской жизни, которая рассыпана по его страницам. Как эта правда вообще могла увидеть свет? Как это проморгала совцензура?

Это произошло отчасти потому, что правда эта до того привычна, что ужаса ее уже никто не замечает. В ней видят только

«трудности» и их «преодоление», а об этом пропаганде полагаются много говорить.

Из предисловия к сборнику.

«...немцы были выбиты из района в конце 1943 года, а уже весною разрушенные колхозы силами почти одних женщин засеяли зерновых больше, чем до войны. В 1946 году район шагнул на четыре года вперед, засеял площади, запланированные на конец пятилетки. Не получая материалов на отстройку сожженных хлевов и овечьих кошар, зачастую при бескормице, целинцы заканчивали восстановление собственного животноводства и еще помогли скотом Неклиновскому району. Листая документы, сталкиваясь с длинными столбцами цифр, с протоколами, я не мог понять, как на голом месте войны можно было так быстро расти».

Что каторга, именуемая работой колхозников, именуется так же «ростом» — это не удивительно. Удивительно, что показываются и с большой наглядностью методы, применяемые при этом росте.

О восстановлении животноводства — чистейшее вранье. Выходит, что лучший способ поднять советское животноводство — это вырезать скот, выжечь страну до тла и начать шагать на четыре года вперед. Но есть и правда в словах Фоменки. Правда о голом месте и о женской каторге на этом голом месте.

Очерк. «Табунщица Решетникова».

Наталья Решетникова родилась в 1927 году. Высокая, тоненькая, с пышными светлыми волосами. Работает табунщицей. Что это значит?

«...Зима. Астраханский северо-восточный ветер гудит над степями, до черной земли срывает покровы с бугровины, засыпает балки колючим и зернистым снегом. Табуны согнаны к «затишкам». Лошади жмутся. Ветер свищет три дня, а если не остановится на четвертый, то дует до шести и так иногда гуляет месяц и больше. Это — степной шурган, тяжелое испытание для конника. Чугуннолицые от мороза, люди сходят с коней только затем, чтобы обратять свежую лошадь и вновь ездить вокруг табуна, следить, чтобы он не «польхнул» из затишка... Безостановочно будут бежать лошади по ветру, покрываться испариной и леденеть, пока не начнут падать одна за другой. Час — и там, где упала запаленная мокрая лошадь, поземка наметет плотные понизу, словно дымящиеся на волнистых гребнях сугробы... Верховые, гикая, хлещут тошмаками, скачут наперез табуна. Сплошай сам или оступись под тобой конь, не вскрикнешь — собьет, втопчет в снег бегущая лавина».

Это — работа не для всякого дюжего мужика. А занимается ею тоненькая хрупкая девушка. И много таких девушек. Это — правда, которую простодушно сообщает Фоменко. Но он прибавляет к ней ложь, уверяя, что девушки рвутся с энтузиазмом и жадностью на такую работу. Сколько гибнет этих «энтузиасток» — об этом Фоменко не говорит.

Х

СЕМЕНА, РАССАДА И ПЛОДЫ КОЛЛЕКТИВА.

В. Катаев. «Сын полка».

Б. Изюмский. «Алые погоны».

О. Гончар. «Знаменосцы».

С. Михалков. «Я хочу домой».

В. Вишневский. «Незабываемый 1919-й».

«Людей нужно заботливо выращивать, как садовник выращивает облюбванное дерево».

Сталин.

Руководствуясь словами мудрого вождя и учителя, советская литература занялась усиленным показом того, как надо выращивать «облюбанные» плоды. Роман Бориса Горбатова «Донбасс» показывает процесс выращивания стахановца, а рассматриваемые три романа заняты показом процесса выведения советского офицера по способу мичуринца человеческих душ. Души отождествляются с профессиями.

В основу науки «выращивания человекoв» положены заветы Макаренко. Того самого Макаренко, который писал в «Педагогической поэме»:

... «Прежде всего, чекисты — это коллектив, чего уже никак нельзя сказать о сотрудниках наробраза (Отдел Народного Образования Л. О.). И чем больше я к этому коллективу присматривался, чем больше входил в рабочие отношения, тем более открывалась передо мною одна замечательная новость. Как это вышло, честное слово, не знаю, но коллектив чекистов обладал теми самыми качествами, которые я в течение восьми лет хотел воспитать в коллективе колонии. (Подчеркнуто нами, Л. О.). Я вдруг увидел перед собой образец, который до сих пор заполнял только мое воображение, который я логически и художественно выводил из всех событий и всей философии революции... Это обстоятельство сделалось точкой отправления для моего педагогического мышления. («Педагогическая поэма», 1944 год, стр. 592-593).

В облике чекиста Макаренко больше всего ценил «всепронзающую бодрость, немногословие и отвращение к штампам, и неспособность разваливаться на диване, или укладывать живот на стол, наконец, веселую, но безграничную работоспособность, без жертвенной мины и ханжества, без намека на отвратительную повадку святой жертвы». Там же ст. 593-594.

Этот коллектив и является почвой для выведения новых плодов коммунизма.

Семена и рассада для выращивания известных сортов одушевленных специальностей должны поступать из соответственных парников и оранжерей. Почва всегда одна — коллектив по Макаренко.

В книге Катаева раскрывается природа «семян» (пионеры). В книге Изюмского «Алые Погоны» — рассада (комсомольцы). В книге Олеся Гончара «Знаменосцы» — плоды. (коммунисты). Все три книги изданные в разное время, написанные разными авторами связаны одной идеей, вернее одним заданием: показать, как воспитывается личность коллективом и для коллектива. Хотя герои в них и разные, и как будто бы даже между собой не знакомы — все же во всех трех книгах дана постепенно развивающаяся биография одного и того же лица — советского военного от младенческих лет и до чина офицера.

В повести Катаева «Сын полка» — дана судьба мальчика Вани Солнцева с классической биографией советского мальчика военных лет: отец погиб в первые дни войны; деревню заняли немцы и убили мать, бабка и младшая сестренка погибли от голода; Ваню немцы отправили в какой-то «ихний страшный детдом» и там он заразился паршей, болел чесоткой и тифом. Чуть не умер, но как-то оправился и бежал. Почти два года скитался по лесам в одиночку, все хотел перейти фронт. Наконец, при отступлении немцев, его находит советская разведка и приводит к себе в арtpолк. Там попадая в образцово-показательный коллектив «дяденек-разведчиков» он молниеносно оправляется. Его отмывают, откармливают, так же молниеносно получают и перешивают для него обмундирование. По прошествии нескольких недель в полку, где он проявляет необыкновенные для двенадцатилетнего мальчика, военные способности, Ваню отправляют в суворовское училище. Это семена.

В повести о суворовцах «Алые погоны» Изюмского биография Вани продолжается в лице Артема Каменюка, который имел такую же предварительную судьбу, как и Ваня. Но эта

судьба уже более правдоподобна. Если у Катаева Ваня является образцом гражданских, а главное, военных добродетелей, то Каменюка подан развращенным войной и фронтом: он и хулиган и воришка. Но идеальный коллектив суворовцев, построенный по образцу чекистского, то-есть Макаренко, в течение пяти лет перевоспитывает Каменюку в образцового комсомольца, со всеми присущими этому званию добродетелями.

Кроме судьбы Каменюки (Вани Солнцева) в «Алых погонах» имеются еще различные примечательные и обязательные образцы советских детей: Владимир Ковалев — сын летчика, погибшего на войне и учительницы (интеллигенция); Семен Гербов — бывший партизан и герой, украшенный медалями за боевые подвиги; Павлик Авилкин — внук колхозницы Героя Советского Труда (массы) и Геннадий Пашков — сын боевого генерала (аристократия). То-есть прейскурант представителей того идеального советского общества, из которых по Политбюро и должен был бы состоять весь Советский Союз. Представители народа, интеллигенции и всех избранных и одобренных партией и правительством. Это рассада, отобранная, отсортированная и очищенная от плевелов умелыми и опытными руками макаренков.

Автор всеми силами старается показать все разнообразие «личностей, входящих в коллектив учеников», но как-то вопреки его стараниям все эти «личности» припечатаны роковым и неизбежным штампом. Они схожи вследствие искусственности и мертвечины своих духовных истоков. Добродетельный и образцовый герой — комсомолец Семен Гербов ничем не отличается от «индивидуалиста» Геннадия Пашкова. Разве только тем, что Гербов, более опытный в комсомольских нравах и обычаях, не ведет откровенного дневника, как Пашков, в котором он неосторожно пишет, что ему «плевать на класс», (имеется в виду школьный класс, а не класс, как социальнополитическая категория), «наши собрания-говорильня» и «навязали доклад». Дневник этот находят товарищи по классу, и Пашкова с позором изгоняют из комсомола. Правда, изгоняют временно. Пашков под влиянием коллектива исправляется и его восстанавливают. Это дано в повести затем, чтобы соцреалистически оправдать последнюю команду по литературному фронту: все изображаемые «типы» должны быть наделены всеми социалистически-коммунистическими добродетелями. Если же некоторые и заблуждаются, то они немедленно должны быть исправ-

лены благотворным влиянием коллектива. И еще: гуманнее советско-коммунистического общества нет ничего на свете.

Также по советски банален и коллектив офицеров-преподавателей и воспитателей училища, во главе с начальником училища — генералом Полуэктовым. Все они выдуманные, мертвые маски. И дурные и хорошие. Это не педагоги, а фребелички в галифе и с погонами.

Книга насквозь фальшивая и надуманная. Живых людей в ней нет. И все же несмотря на все старания автора спрятать жизнь под покровом сталинского благополучия — шило из мешка вылезает. У идиллии уже построенного социалистического общества нет-нет да и вылезут неожиданные рожки, то мелькнет невероятная нищета страны — мальчишки, разъезжаясь на каникулы по домам получают на весь месяц паек из училища. (Можно себе представить кадет «кровавого царизма», везущих домой мешки и банки пайка на каникулы! Да и банки-то ленд-лизовские! Л. О.).

То вдруг, воспитатель «по собственной инициативе» начинает прививать «навыки бережливости» кадетам и потому вычитает из «их денег» за разбитое во время игры стекло; то пишет матери письмо с требованием прислать новый свитер, вместо утерянного учеником в бане. (Как это ученик может «утерять» свитер в ученической бане? Повидимому, перековка Каменюки еще не закончилась); и это той самой матери, которая не может сама прокормить сына на каникулах; то показывается мужество перевоспитанного Каменюки, который храбро защищает Авилкина от кучки городских ребят, собирающихся избить Авилкина за то, что он суворовец. (А где же «безграничная любовь и уважение к нашим будущим защитникам Родины и Сталина?»); то в сцене на вокзале проскальзывает ненависть армии к ее привилегированной смене: офицер грубо выгоняет Королева из комнаты отдыха для офицеров и посылает его в солдатскую, «где ему быть положено». И тут дается целая картина «перезживаний» обиженного будущего защитника родины и Сталина, и обида за нарушение «может быть и наивного и неписанного права» (так и сказано у автора), и ненависть к офицеру и любовь собой, за проявление «силы воли» то-есть за то, что не нагрубил офицеру.

Отношение населения к суворовцам вылезает не только в том, что их избивают городские дети, но и в ехидном вопросе старика печника: так говоришь — кадеты? Суворовец с него-

дованием отвергает эту клевету и проводит разъяснительную кампанию о значении суворовских училищ.

Все эти «рожки», которые даны, как явления случайные, а отнюдь не массовые, очень показательны. О случайных явлениях не надо было бы и писать. Мало ли каких случаев не бывает в жизни? И никогда советская литература не занимается неприятными случайностями. Все эти явления — массовые.

Ясно проглядывает также в книге, что в первые годы организации суворовских училищ организаторы сами еще не знали какого вкуса и вида должен был быть выращиваемый плод. Старый офицер не годился, а какого профиля должен быть офицер новый, еще толком не додумались. Одной марксистско-сталинской теории не хватало; по Макаренко тоже как-то не получалось. Не совсем подходил чекистский коллектив к новым потребностям. Армия проявила неожиданные и непредусмотренные качества, которые в данную минуту были весьма нужны, но после войны никак не могли быть оставлены в том виде, в каком они существовали. Выражение «патриоты своей родины» до сих пор бывшее бессмысленным, вдруг приобрело не только смысл, но и трагическое значение для правительства. Патриоты своей родины, (это не значит патриоты социалистического отечества), становились опасными, переходили в плен и вступали в ряды Власовской Армии. И вот спешно начали создавать новый военный кадр. Были даже разысканы старые преподаватели царских кадетских корпусов и привлечены к делу; раскапывались протоколы съездов военных педагогов дореволюционного времени и «некоторый опыт» перенимался оттуда. В книге не раскрывается, какой же именно «опыт» переносился из царских военных корпусов на коммунистическую почву суворовских училищ. Но по некоторым намекам можно предполагать, что не самый лучший. В первые годы существования суворовских училищ из их учеников усиленно готовили новое привилегированное сословие, новую касту, для чего их и помещали в соответственные условия. И эта будущая высшая каста совершенно отчетливо понимала свое превосходство над остальным населением. Даже и над преподавателями. Суворовцы жили, по советским условиям, да еще по условиям военного времени, с гораздо большим комфортом, питались гораздо лучше, чем их же преподаватели, не говоря уже о прочем населении. А тут же на их глазах педагоги и воспитатели со своими семьями живут или в бараках, или в квартирах

без водопровода. И Каменюка показывает вновь приобретенную «воспитанность»: отобрав у старухи — матери преподавателя ведра с водой и оттащив их ей до жилья, чем и приводит в умиление автора.

В комнате комсомола — ковры, уют, мягкие кресла, а преподаватель с семьей живет в комнате почти без мебели и т. д. В первые годы войны еще действовал лозунг «генеральной линии партии» — разделяй и властвуй. Насаждалось расслоение населения и вытекающие отсюда зависть и взаимное недоброежелательство. Эти чувства были нормальными и гонению не подлежали. Но война крепко показала, что на этом лозунге далеко не уедешь, и началось усиленное насаждение солидарности и взаимопомощи. Теперь уже попадают в литературе и такие вещи, как воспитание «сердобольными соседями» в дореволюционной деревне девочки-сиротки. В довоенной литературе о подобных высказываниях нельзя и думать. Все деревенские сироты царского времени непременно погибали в кулацком окружении и спасти их нельзя было никакими силами.

По прошествии некоторого времени, когда стало ясно, что победа над немцами, стараниями русского народа, обеспечена — суворовцев стали зажимать. В повести это формулировано завополитчастью Зориным: «прошло время мягкого формирования характеров» и «надо закалять волю». Мягкость формирования характеров выражалась в отсутствии дисциплины, в презрении учеников к преподавателям (дискуссии по поводу отдаваемых офицерами приказов, злостные, а подчас и грубые карикатуры на классных досках на преподавателей, открытое курение и пр.). После лозунга «закаляй волю» палка стала перегибаться в другую сторону: в результате закалки воли воспитанник Лыков умирает от гнойного аппендицита. «Боялся показаться слабым и не заявил о своей болезни». Когда отвезли на операцию, было уже поздно. (Это по изданию 49-го г. В 50 году этот Лыков умирает вторично уже от воспаления легких. Неизвестно, пока, чем вызвана перемена диагноза. Вероятно должна последовать «дружеская» критика Изюмского в Союзе Писателей и тогда можно будет установить точно причины смерти несчастного Лыкова).

Образцовое выращивание будущих защитников «мира во всем мире» проводится весьма последовательно. Биография Суворова и его военные изречения вы зубриваются на зубок; подвиги героев современной войны служат примером для пов-

седневной жизни; Марина Раскова считается идеальным типом женщины. В литературном споре старшекласников ей отдают предпочтение перед всеми литературными женскими типами (Наташа Ростова замужем «за легкомыслие», Татьяна Ларина за отсутствие волевых качеств и т. д.). Только такие, как Раскова, отличившиеся на войне и погибшие за родину — достойны подражания. Воину приписываются все возможные добродетели, как военные, так и гражданские. (Ненависть к «поджигателям войны» — одна из неперемных добродетелей). Исключительно военные игры и военно-спортивные развлечения заполняют досуг будущих защитников мира. И над всем этим господствует лозунг: работай! Работай, как раб, как вьючное животное. Самый страшный преступник не вор и не убийца даже, а лентяй. Одно нормального трудового дня мало, — мало и выполнения плана. Его надо перевыполнить в три и четыре раза. Если какой-нибудь ученик, вроде Геннадия Пашкова, благодаря своим способностям, легко справляется с учебой — он должен непременно и неустанно «совершенствоваться». Он должен непременно тянуть серую лямку скучного и беспросветного труда. Ему навязываются различные «индивидуализмы» и он должен их «изживать». Изживать тяжким и нудным трудом и напряжением всех своих духовных и физических сил. Советский человек никогда не может удовлетворить своим трудом советскую власть. Ей всегда мало. Она всегда требует большего и старается воспитать своих подданных в уверенности, что так и надо, что это-то и есть самое «прекрасное», к чему человек должен стремиться.

Молодежи не позволяют «индивидуализировать» свои патриотические чувства. Любовь к родине всегда отождествляется с любовью, «к нашему Сталину» и к «нашей партии». Иначе было бы опасно. Истинный патриот непременно разглядит что-то, что хорошо для «родного Сталина и родной партии» и никуда не годится для «его родины». А разглядев, сделает соответствующие выводы. Поэтому в романах и повестях любимая любимому, мать сыну и дети родителям пишут о любви не к адресату, а к нашей партии и нашему Сталину. Так выращивается комсомол. Все по рецепту. Так как полагается.

В «Знаменосцах» Гончара показан уже готовый плод, растение окрепшее. Идеальный советский офицер. Офицер будущего. Представлен он в лице младшего лейтенанта Евгения Черных, прямо из военного училища попавшего на румынский фронт.

Дан он так же банально, как и герои Катаева и Изюмского, но еще и одобрен неперенным для произведений Гончара сахарином. Не пьет, не курит, краснеет от каждого не только ругательства, но и вольного слова (это на фронте!).

Комсомолец, храбр, педантичен, исполнительен, целомудрен, чистоплотен и нестерпимо красив. По происхождению не то узбек, не то казах. У автора это как-то смазано. Но его не русское происхождение необходимо. Он послан на второй Украинский фронт, который состоит в подавляющем большинстве из национальных меньшинств. Тут и белоруссы, и украинцы и узбеки и русские. Но все одинаково патриотичны, все, не моргнув глазом, отдают жизни за «нашего Сталина» и за «нашу партию». Словом, полное и нерушимое единство народов Советского Союза. Поход армии до Будапешта показан скорее, как некая трудная спортивная прогулка, а не как путь армии, подчас устилавшей телами каждый свой метр. Иногда случаются и смерти, но они всегда служат автору для того, чтобы показать, как прекрасна смерть «за нашу партию». (Смерть Брянского). И еще нужны для того, чтобы оставшиеся в живых имели оправданный повод для кровожадной ненависти к врагу и мести ему. В отвлеченно героических тонах дано освобождение Праги от немцев, и, конечно, ни слова о том, какую роль сыграла в этом освобождении Власовская Освободительная Армия. О правдоподобности всего прочего рассказа можно судить уже по одному этому примеру. Все как полагается.

Если все так и только так, как полагается, то может и не стоило бы тратить сил и времени на прочтение и разбор этих «литературных» упражнений?

Но дело в том, что вся эта «литература» иногда имеет все внешние признаки литературных произведений. И некоторые из них исполнены технически хорошо. И даже очень хорошо, как например, «Сын полка» Катаева или «Золото» Полевого. И чем лучше произведение, чем оно больше напоминает настоящую литературу, тем больше оно требует внимания. Потому что настоящий художник, не Гончар, никогда не может удержаться только на заданном партийей. Живая, подлинная жизнь у него непременно где-нибудь да покажется. А эти вот невольные показы живой жизни художниками и драгоценны для нас. Дальше мы остановимся немного на чисто литературных качествах, разбираемых нами книг. Сейчас же мы говорим о них

по существу. По тем общим признакам, которые их делают как бы единой военной трилогией.

Советская власть — власть умная. Она никогда не отступает перед своим поражением. Она старается его использовать. Вот уже около четырех десятков лет стремится она превратить души своих подданных в конспекты марксизма-ленинизма-сталинизма. Из этого ничего не вышло. Задавленные, загнанные в подсознание стремления советского человека к идиллии, к чистой любви, к крепкой семье, к уюту, к свободе личности — не только никогда не были погашены, но наоборот, там, под спудом сознания, они развивались с еще большей интенсивностью. Советская власть это поняла и начала методически, а порой и не без таланта, эксплуатировать эти чувства в свою пользу. Русский человек любит книгу — и эта любовь тоже должна работать на коммунизм. Читатель хочет идиллии, да не какой-нибудь там стивенсоновской, вроде «Музыка на Холме», а своей, русской, близкой и понятной. Идиллия? Пожалуй-ста! Сколько угодно и какой угодно: любовной, педагогической, семейной и т. д.

«...подросток насторожен, чуток и вспыльчив, потому что ему то и дело мнится посягательство на его самостоятельность, на его «взрослость». Он упрям, думая, что в этом заключается сила характера... А мы стремимся во что бы то ни стало сломить строптивость, подчинить его волю, навязать свою, обязательно свою, словно видим заслугу в умении обламывать ростки самостоятельности, подводить всех под общий ранжир». («Алые погоны», стр. 123).

... «Личность воспитанника... растворяется в коллективе. «Я» здесь ревностно охраняется воспитателем. Личность, со всеми только ей присущими особенностями приобретает индивидуальную окраску, развивает свои личные качества»... (Речь на педагогическом совете училища). Ну, чем не персонализм? Но, если принять во внимание, что этот идеальный коллектив «охраняющий личность» должен быть построен по макаренковскому идеалу (коллектив чекистов, не знающих устали в своей «работе»), то соответствующие выводы напрашиваются сами собой.

В «Алых погонах» имеется несколько мест, в которых с умилением восхваляется система «индивидуальных дневников», которые должны вести воспитанники. А потом, «любимый» воспитатель «просит разрешения» познакомиться с дневником воспитанника. На примере Геннадия Пашкова мы уже видели к чему приводит наивная вера воспитанника в «тайну» дневника. Это идиллия педагогическая. А вот идиллия любовная.

... «Девушка доверчиво оперлась на руку Володи. Волосы ее касались его щеки. Они долго стояли молча, ничего и никого не желая, полные веры в будущее счастье и встречи». «И такой еще более близкой стала тогда Галинка для Володи. Все было в ней особенное и дорогое: и тонкая, нежная шея с завитками волос, и голубоватые белки чистых глаз и это платье с беленьким трогательным воротничком и маленькие чуткие руки». («Алые погоны», стр. 408).

... «Бывает! Значит что-то между ними было? И все это заметили и все это поняли? Ужас! Но что именно было? Короткое рукопожатие, невинный разговор на огневой (позиции, Л. О.), несколько взглядов... О, эти взгляды! Разве их можно было скрыть? Разве они не высказали все? Что — «все»? Не было никакого «все» и никогда не будет!»

«Неужели это может произойти так естественно и просто? А что если оно уже произошло? Странно представить себе, страшно подумать...» («Знаменосцы», стр. 388).

Здесь двумя различными авторами, по разному дана одна и та же установка: целомудрие должно работать на коммунизм. Советской власти, несмотря на все ее усилия не удалось превратить русских женщин из целомудренных в развратных. Поэтому она стала эксплуатировать их целомудрие в свою пользу. Такие девушки, о которых здесь говорят авторы — это вполне реальные русские девушки. Но соцзаказ превращает их в мертвые штампы. Если Галинка и Володя, почти все еще подростки и могут так чувствовать и переживать, то Шура Гончара, пережившая и три года войны на фронте в качестве фельдшерицы и потеряв жениха, никак не может быть такой сентиментальной и мещански-слащавой. Институтки в романах Чарской и те были ближе к жизни, чем эта современная нам советская девушка. Девушка, вынесшая три года страшных условий фронтовой жизни, в качестве медицинского работника. И это черта общая всем героиням советской литературы: живут и работают нормально. Наравне с мужчинами переносят все тягости преддверия коммунизма, а как только доходит дело до любви, сейчас же превращаются в косноязычную мертвую куклу, изрекающую марксистско-сталинские добродетельные пошлости. И это русская девушка и в литературе, и в песне и в живой жизни, давшая столько примеров чистой и героической любви.

Дело совсем не в том, что современный советский автор не умеет видеть, чувствовать и передать настоящую любовь. Дело в том, что советской власти настоящая любовь мешает. Завершенная любовь ведет к браку. Несчастливая любовь создает кол-

фликт. И то, и другое делает советского человека неполноценным с точки зрения советской власти. Он не сможет работать на коммунизм так, как власти это необходимо. Поэтому-то в советских романах почти нет завершенных любовных историй. Молодые люди встречаются, главным образом, на производственных собраниях, в промежутках между ними объясняются в любви, а брак откладывается почти всегда, на время пришествия коммунизма. Нельзя строить прочное чувство — пару непременно разлучит социалистическая необходимость, и он поедет в Среднюю Азию, а она на Крайний Север. И там их ждет новая и такая же незавершенная любовь. По студенческой песенке: я влюблюсь в красивую узбечку, а тебя полюбит самоед.

Можно без конца приводить примеры и цитаты. Но ничего нового это нам не даст. Все по одному рецепту и все, как получается. Разница зависит от талантливости или бесталанности автора.

«Сын полка» Катаева — написан несомненно, если не талантливо, то живо и доходчиво для того читателя, на которого он рассчитан — на подростка. Мальчуган, читающий повесть не может не загореться желанием стать и самому таким же сыном полка и совершать такие же подвиги. Не может не возненавидеть грубых, глупых и жестоких немцев и не воспылать романтической любовью к коммунистическим «дяденькам» из арtpолка, которые усыновили Ваню. Не может не попытаться стать таким же талантливым разведчиком. А попытавшись, поверив всей этой романтике, он может заплатить за свою попытку не только разочарованием, но и гибелью. Гимназисты царского времени, начитавшись Купера и Майн-Рида, бегали в Америку. И за это им, в самом худшем и крайнем случае, приходилось платиться только исключением из гимназии. А иногда только двойкой за поведение и отцовской поркой. Советские двенадцатилетние искатели приключений платятся за свои авантюры, в лучшем случае, ИТК, а то и гибелью.

«Алые погоны» Изюмского гораздо бесцветнее «Сына полка». И романтика там не показывается, как у Катаева, а рассказывается, что сильно ее обесцвечивает. Но все же при бедности литературы для подростков в Советской России и эта книжка может произвести желаемое впечатление. А уж увлечение военным делом она, конечно, даст не одному подростку.

Самая бездарная в литературном отношении книга принадлежит Олеся Гончару. Слащавость, бедность образов, дешевый юмор, виртуозность в подхалимаже и . . . свирепая кровожадность — вот основные черты этой книги.

Читая некоторые талантливые советские произведения, читателю иногда приходится себя одергивать, чтобы не поддаться на удочку «эволюционизма» советской власти. Дескать, смотрите, все как у людей: и любовь, и лирика, и уют, и прочее. А если к тому же такие чувства пробуждать предписано самой властью и партией, так чего же нам беспокоиться? Наконец, «там» начинают понимать настоящую человеческую душу, настоящие человеческие переживания. Начинают показывать обыкновенных людей! Это не так. И всякий читатель должен всегда помнить: **всякое человеческое чувство, всякое нормальное человеческое переживание советская власть непременно эксплуатирует в свою пользу, для усиления своего властвования. И незаметно, под соусом «общечеловеческих» чувств и переживаний она старается навязать свое, нужное ей воздействие!**

Возьмите чувство доверия. Разве это не благородное чувство? Но . . . если советская литература и проповедует доверие, то только доверие к родной коммунистической партии и родному и любимому вождю и учителю, к родному и любимому политруку или парторгу. Всему остальному миру, всему остальному человечеству доверять нельзя, потому что враги скрытые, все, кто не в партии, не в комсомоле, не в пионерах. И никогда никакой «эволюции» от советской власти ждать нельзя. Нужно стараться всеми способами расшифровывать ее ходы, раскрывать истинную сущность ее игры.

Доверять нужно партии, но не другу, не невесте, не жене. За этими нужно шпионить и чуть что доносить «органам». Не ослаблять бдительности, жена-то и может оказаться агентом капиталистической разведки.

Сергей Михалков. «Я хочу домой».

Драма в трех актах, девяти картинах, с прологом и эпилогом. Вариант Центрального детского театра. Москва. Книгоиздательство «Искусство» 1950 года.

Пьеса написана на тему о том, как английские власти силой задерживают советских детей в Германии.

Показаны неприглядные картины жизни в детском доме.

Латыш Упманис работает в качестве директора детского дома. Он целиком предан англичанам, по идеологии фашист. Он издевается над русскими детьми. Воспитательница латышка Смайда Ландмане — по симпатиям и идеологии коммунистка и старается всеми силами не дать советским детям денационализироваться. В конце концов, она бежит из детского дома в советскую зону. Бежит также совершенно самостоятельно и русский мальчик Саша Бутузов, которого хотели насильно оставить в приюте на том основании, что по документам приюта он — сирота.

Добродетельный майор советской армии Добрынин, представитель Советского Союза, показывает Саше Бутузову карточку его матери. Саша ее узнает, но представитель Англии, мистер Кук, с тупым упрямством продолжает настаивать на том, что Саша — сирота.

Показаны еще две девочки из России, которые числятся не то немками, не то польками. Эти девочки не бегут в советскую зону, но майор Добрынин многозначительно обещает их «скоро вернуть на родину».

Основной упор пьесы на тупость, грубость и недобросовестность англичан. Замечателен разговор двух представителей английского правительства о судьбе детей. Один недоумевает, почему английское правительство так заботится о судьбе этих голышей и не отпускает их всех с майором Добрыниным. Второй его просвещает: это нужно затем, чтобы в шахтах Африки работали в будущем не наши сыновья, и чтобы в будущей войне также воевали не наши сыновья, а эти дети.

Вс. Вишневский. *«Незабываемый 1919-й».*

Пьеса в трех актах, десяти картинах, с прологом и эпилогом. Государственное издательство «Искусство», Москва 1950 г.

Действие начинается в кремлевском кабинете Ленина, куда он вызывает Сталина и советуется с ним по поводу плохого положения на всех фронтах. Положение признается особенно плохим на петроградском фронте, и Ленин предлагает Сталину поехать туда и исправить все. В беседе упоминается о подозрительном поведении всего петроградского командования и Петроградского Комитета партии. Единственный раз называется имя Троцкого, который ничего не делает, а только закатывает истерики. Сталин принимает назначение и отбывает в Петроград.

В Петрограде Сталин немедленно производит расследования о подозрительных лицах, раскрывает контрреволюционный заговор, производит нужные аресты и спасает положение на фронте. После его благотворной деятельности, главным образом, при помощи ЧК, военные успехи переходят от белых к красным.

Дело кончается полным разгромом контрреволюции, которая работает исключительно для Антанты. Нет и намека хотя бы на монархистов или кадетов, работающих во имя своих, может быть и ошибочных, но убеждений. Роль играют только деньги, которые платят американцы и англичане.

Автору пьесы не удалось ни разу вставить в пьесу какой-нибудь интересный монолог или диалог. Все речи — изречения из плакатов. У положительных героев — плакаты коммунистические, у отрицательных — плакаты белогвардейско-шпионские.

Вероятно, это объясняется присутствием в пьесе такого героя, как Сталин, за которого автор не смеет говорить ничего другого, кроме цитат из Краткого Курса Истории ВКП(б).

Поэтому и остальные герои должны быть плакатными — иначе, если герой пьесы скажет что-нибудь выходящее за рамки Курса, то этим он может поставить гениального вождя в затруднительное положение. Автор не смеет сделать Сталина в пьесе более остроумным, чем он есть на самом деле.

Главный упор пьесы — разжигание ненависти и недоверия к англо-американцам и приписывание им всех присущих поджигателям войны пороков.

XI

Б. Полевой. «Золото».

Роман написан по всем правилам соцреализма. Но автор перестарался: фальши так много, что в сущности никакого реализма в романе нет: остался только «соц».

Война. Эвакуация. «Плановая», конечно.

Кассир и машинистка городского банка опоздали эвакуироваться вместе с банком. Вернее их, несмотря на обещания директора банка, не подождали. Они собираются уходить из города пешком. Машинистка хочет уносить с собой свой Ундервуд, из-за которого она и опоздала. Видите ли, машина банковская, но была у нее на дому, потому что она и дома работала. Уже это ложь. Никогда и никакое начальство и никакой завхоз не разрешат никакой, самой раскомсомольской машинистке, взять машинку на дом. Если нужна спешная работа, то машинистка должна работать в учреждении. Начальство не разрешит уносить на дом казенную машинку потому, что мало ли что на ней смогут напечатать, а завхоз потому, что машинку весьма даже просто могут украсть. Да еще в военное время. Но автору нужна машинка для того, чтобы показать советское воспитание молодой комсомолки, для которой машинка представляет куда большую ценность, чем целый мешок сказочных сокровищ, которые попадают к ней в руки.

В последнюю минуту, когда немецкие танки уже ворвались в город, в банк, где кассир и машинистка уже совсем на выходе, вбегают два железнодорожника с мешком и требуют «начальника». Им сообщают, что все начальники сбежали. Узнав, что старичек, с которым они разговаривают, главный кассир банка, они без всяких церемоний вываливают на стол кучу драгоценностей и требуют принять эти драгоценности по весу. Старичок сначала отказывается, но под напором железнодорожников сдается. Драгоценности взвешивают на буфетных весах, и кассир дает расписку на 17 килограммов золота. Железнодорожники,

торопливо сообщают, что это золото везли в почтовом вагоне из Прибалтики, — из «ювелирного отдела» два инкассатора. Поезд разбомбили, одного инкассатора убили, а другой, тяжело раненый, умирая, взял клятву с коммунистов поезда, что они передадут сокровища в местный банк. Главный кондуктор поезда и помощник машиниста, которые одни только были коммунистами при поезде, под обстрелом, с возможностью попасть в лапы фашистам — донесли драгоценности до банка. Избавившись от них они убежали «отстаивать родину», а несчастные кассир и машинистка остались с мешком в руках.

У кассира было сначала «преступное желание» остаться умирать в своем собственном домике, со своим собственным садиком, но после того, как он стал хранителем государственных ценностей, он загорелся патриотическим желанием во что бы то ни стало, доставить эти ценности государству, которое так нуждается сейчас в средствах на оружие. Ювелирно-невинная машинистка все время предлагает оставить «всю эту чепуху» где-нибудь на огороде до конца войны, а после того как врага победят, откопать и передать государству. Но такое кощунственное намерение приводит в ужас кассира.

Это фальшь уже побольше. Автор старается показать, что священная социалистическая собственность для советских людей является действительно священной. И они готовы на всяческие жертвы, вплоть до жертвы собственной жизнью, из-за нее. Разногласия у машинистки-комсомолки Марии Волковой и старика кассира Митрофана Ильича Корецкого происходили только из-за разницы понимания ценностей. Для Волковой машинка Ундервуд была гораздо ценнее ювелирных сокровищ, потому что она не интересовалась и не понимала их цены, а Митрофан Ильич, будучи человеком еще капиталистических времен, понимал цену и «прекрасным камням, и жемчугам, и золоту». Но отношение к государственной собственности совершенно одинаковое. Она не только неприкосновенна, но за ее спасение можно и должно отдать все, вплоть до своей и чужой жизни.

И вот, комсомолка Волкова и кассир Корецкий трогаются в путь. Они несут за спиной в рюкзаках все вещи, которые им необходимы в дороге: 17 килограммов золота и продовольствие. Волкова хотела даже тащить Ундервуд, но от этого ее спас во время подоспевший немецкий солдат, который отобрал у нее драгоценную машинку.

Митрофан Ильич был знаменитым грибником и рыболовом и потому знал и все дорожки в лесах, и что требуется в дорогу. Волкова же, будучи весьма городской, не имела ни о чем подобном никакого представления. И потому, отправилась в путь в ярком шелковом платье и лакированных туфлях-лодочках. Верх роскоши для советской девушки. Сделала она это потому, чтобы, во-первых, показать свою городскую беспомощность, которая потом переходит в невероятную выносливость и мужество, а во-вторых, чтобы дать возможность Митрофану Ильичу проявить заботу о ней и чувство солидарности в будущем.

Из банка они зашли домой к Митрофану Ильичу и тот, готовя вещи к путешествию, предложил Мусе старый лыжный костюм его сына и спортивные башмаки. Но кокетливая Муся с негодованием отвергла это рублище и заявила, что не может предстать перед своими, по ту сторону фронта «таким чучелом». Митрофан Ильич ничего не сказал на это. Но на первом же ночлеге, куда Муся пришла уже босиком, потому что ее «лодочки» оказались, разумеется, совершенно непригодными для хождения по лесам, она проснулась с израненными и исколотыми ногами. Но она шла за Митрофаном Ильичем храбро, не останавливаясь и не прося пощады, несмотря на то, что израненные ноги нестерпимо болели. Комсомолка немедленно проснулась в городской избалованной барышне. Проснувшись утром, она нашла у своего ложа из ветвей, отвергнутый ею костюм и башмаки и с благодарностью переделалась из своего щегольского туалета. Автор не наивный сюсюкальщик. Он прекрасно понимает, что он делает: он знает, что никакая русская девушка, да еще комсомолка, значит в обязательном порядке занимавшаяся спортом, не пойдет в дальний путь по лесному бездорожью в туфлях «лодочках» и шелковом платье. Но сейчас мода и установка на то, что русские комсомолки будто бы воспитываются до первой необходимости, примерно, как институтки-смолянки в царские времена. Но как только обожаемое государство, а значит и еще более обожаемая партия и вождь призывают их к «священной жертве», эти институтки немедленно перековываются в партизан, шахтеров, табунщиц и пр. При этом отнюдь не теряя всех качеств институток. Это еще одно коммунистическое чудо.

Во время пути методическая душа главного кассира банка все тосковала о том, что «ценности» не учтены. И наконец, его

вдохновляет идея составить опись ценностей. Но в лесу, как известно, ни бланков, ни бумаги нет. Митрофан Ильич сначала хотел писать на своей рубашке, но потом вспомнил, что он взял с собой свои почетные грамоты, выданные ему, как садоводу-мичуринцу, за разведение винограда в их районе, где этому винограду расти, как будто бы совсем и не полагалось, но он, Митрофан Ильич, хотя и беспартийный, но вдохновляемый, наравне с партийцами, мудростью великого преобразователя природы, этот виноград вывел. И вот он, на «ровно спиленном пне» графит свои грамоты и составляет список ценностям. Муся над ним издевается, за его пристрастие к дурацким побрякушкам. Но когда он сообщает ей стоимость этих побрякушек и сколько оружия на них можно купить, она подавленная величию цифр, проникается, наконец, уважением к побрякушкам. И это кончает их непрерывные споры о том, что по мнению Муси, все это можно прекрасно закопать в лесу и самим итти не так нагруженными. Теперь и Муся начинает заботиться о ценностях.

Путешествие проходит благополучно до того момента, как Митрофан Ильич проваливается в болото. Его начало засасывать. Муся под его руководством рубит ветви и бросает ему. Но все неудачно. И когда его засосало уже по самые плечи, ей наконец, удается подать ему большую палку. Но он уходя все больше в тину, сначала привязывает к палке драгоценный мешок с государственными сокровищами, а потом уже выбирается сам. С этого момента он начал хворать. И наконец, выбившись из сил прилег под какой-то стожек и сказал Мусе, что дальше она будет путешествовать одна. Ему необходимо какое-то лекарство, которого, конечно, в лесу не достать. Муся решает итти в деревню искать лекарство, оставив Митрофана Ильича под стожком. В деревне, куда пришла Муся — немцы. Но ей повезло: она попала в избу колхозницы, которая связана с партизанами и принимает Мусю тоже за партизанку. В хате этой колхозницы находится полевой госпиталь немцев, и колхозница дает Мусе требуемое лекарство и немного еды. Муся возвращается к стожку, но не находит под ним Митрофана Ильича. Она кричит, ищет и натывается на женщину, которая у нее весьма осторожно спрашивает, чего она в стожках ищет. Муся говорит. Оказывается, пока Муся ходила в деревню, Митрофан Ильич, умер, и его нашли колхозники из той же местности, что и Муся, которые спасают свое племенное колхозное стадо.

История колхозного стада тесно переплетается с историей сохранения государственных ценностей. И не только с их сохранением, но с неременной доставкой их на территорию, еще не занятую немецкими войсками. Эта доставка весьма затрудняется тем, что как ни спешили Митрофан Ильич и Муся приблизиться к советскому фронту, он молниеносными темпами от них удалялся. И несмотря на все эти старания, они всегда оставались в глубоком тылу у немцев. Оказывается, это осуществляется «великий стратегический план мудрейшего из полководцев».

Колхоз «Красный пахарь» был животноводческим и славился своими племенными и молочными коровами. Знаменит он был также Матреной Никитичной Рубцовой. Ее племенная ферма была животноводческой фермой, за ее успехи она была приглашена на съезд животноводов в Москве, где видела самого Сталина. Большого счастья в этой жизни желать нельзя. Матрена Никитична и не желает и только хлопочет о том, чтобы вывести каких-то невиданных и замечательных телят. Но война помешала, и телята остались невыведенными.

Председателем «Красного пахаря» был свекор Матрены Никитичны. Бывший матрос балтийского флота, нестибаемый и безупречный коммунист, Игнат Рубцов. Когда началась война и сын Игната ушел на войну, то и сам Игнат отправился к первому секретарю парткома требовать, чтобы и его, несмотря на то, что он был хромым (ранение во время гражданской войны) также отправили на фронт. Но секретарь не внял просьбам патриота и отправил его обратно в колхоз сохранять драгоценное колхозное стадо. Под утро Игнат понял всю глубину возложенной на него ответственности и приступил к исполнению своих обязанностей: отправил копать оборонительные рубежи всех работоспособных женщин и подростков. В колхозе остались только нетрудоспособные женщины и дети, ну и, конечно, знаменитый животновод Матрена Никитична Рубцова. Она тоже принадлежит к ценному государственному имуществу и потому ее очередь копать оборонительные рубежи еще не пришла, несмотря на ее не только полную трудоспособность, но и весьма завидное здоровье и неженскую силу.

«...Матрена Никитична работала теперь за себя и за мужа, попевала и на скотном дворе и в конюшне, дежурила по ночам со старой винтовкой на постах народной охраны и урывками занималась на сестринских курсах. Людей в колхозе стало вдвое меньше: в армию ушли и уехали на окопы сильные и работо-

способные. Но оставшиеся, преимущественно женщины, хотя порой и засыпали над подойником или над грядками, сломленные усталостью, все же попевали со всеми делами, и появилась у них мечта, что когда мужья и братья вернутся, завоевав Берлин, будет их чем удивить и чем угостить с далекой дороги» (стр. 142).

Эти мечты, видите ли, были у советских колхозников в самом начале войны. Уже тогда колхозники были уверены в гении генералиссимуса и предвидели, что дело непременно кончится взятием Берлина: но пришел приказ эвакуировать стадо и «хранить его, как зеницу ока». Женщины, во главе с Игнатом и Матреной тронулись в путь. При сборе Матрена узнала, что двух телят забрать некуда. Не хватает места на подводах. Тогда она выбрасывает со своей подводы все свои личные вещи и берет телят (государственное имущество).

По дороге на восток колхозников обгоняет колонна немецких танков, которые врезаются в стадо, опрокидывают телегу с двумя маленькими внуками бабки Прасковьи и дают ребятишек на смерть. Убито несколько драгоценных телят и коров. Гибель коров колхозники переживают острее, чем гибель ребят. По крайней мере, о коровах говорят, а о ребятах не говорят совсем, только бабка Прасковья иногда о них вспоминает с проклятиями по адресу немцев.

«В сущности гурты «Красного пахаря» легко отделались от первого вражеского налета. Да что значили любые потери по сравнению с тем очевидным фактом, что все они оказались в тылу врага, отрезанные от своих линий фронта». (Стр. 145).

На общем собрании колхозниц, открытом Рубцовым, когда еще детских трупов не успели убрать, было решено, что стадо свернет с дороги и постарается затеряться в лесу.

На шестой день тяжелых переходов в лесной глуши, колхозники нашли удобный и скрытый лесной овраг и в нем решили обосноваться. Срочно колхозницами были построены сначала стойла для скота, а потом и землянки для себя. Матрена Никитична, при эвакуации хотя и побросала все свои вещи, но портрет Сталина все же с собой захватила и прикрепила его на стене землянки так, чтобы лучи солнца падали на него в открытую дверь, а ребятишки «по старой традиции» немедленно украсили его живыми цветами.

Нельзя себе представить более отвратительной лжи. Несчастному народу, предоставленному самому себе, в конец измученному, было, конечно, не до коленопреклонений перед Сталиным.

Впрочем, можно быть уверенным, что если понадобится второе издание «Золота» Полевого, портрет Сталина из него исчезнет.

Житье-бытие в лагере описывается Полевым, как трогательная советская идиллия.

«За какие-нибудь считанные дни были устроены в овраге загоны для скота, накопаны в левом крутом берегу землянки, покрытые накатником из тонких бревен, а поверх еловыми ветвями, землей и дерном. Каждая семья получила по такой землянке». (Стр. 158).

«С первых же дней жизни лагеря в лесном овраге был установлен точный учет трудодней, и Варвара Сойкина строго по заработку выдавала молоко, творог, сметану со склада, разместившегося в тени огромной шатровой ели». (Стр. 154).

Этот колхозный энтузиазм, разумеется, не существовал в действительности. Это пропагандная выдумка автора. Это фантастическое наглядное пособие для рабов, без лести преданных режиму. Но ни таких рабов, ни такого поведения в условиях, где отсутствует железная рука партии, нет и быть не может.

Все было бы прекрасно в новом колхозе, если бы не забота о кормах на зиму. Игнат и Матрена едут обследовать дальние окрестности и натываются на прекрасный луг и на нем стожки прошлогоднего сена и пустой сарай. Они немедленно решают сено и сарай перевезти в свой лагерь, и только одно их озабочивает: чье это сено, и с кем они будут расплачиваться за него? Сено несомненно колхозное, значит государственное, и тянуть его просто так не приходится. Но потом их щепетильная совесть успокаивается на том, что и их коровы тоже государственные.

В этом романе все время, вопреки воле автора, вылезает истина: **все, что принадлежит колхозам — это все имущество государственное, а отнюдь не колхозников.** Колхозники же только поставлены на стражу этого имущества и они обязаны его не только охранить, но непрерывно умножать и улучшать. За это они имеют благородное сознание выполнения своего долга перед Родиной, а главное, перед Сталиным и партией.

Вот, во время этой-то поездки в поисках сена, Матрена и Игнат нашли умирающего Митрофана Ильича и потом Мусю. Митрофан Ильич умирая взял с них «большевистскую» клятву, что они доставят ценности через фронт. Они клянутся, Митрофан Ильич умирает, его хоронят тут же под березкой, и Игнат произнес над ним надгробное слово:

«Настоящая большевистская душа! — торжественно сказал он, глядя на тело Митрофана Ильича Корецкого. — Крепкий большевик был!» (Стр. 160.)

Здесь проповедуется фикция единения партийного и непартийного населения. Митрофан Ильич был беспартийный, а большевики бывают, как известно, и партийные, и беспартийные.

После похорон Митрофана Ильича Мусю уводят в лесной колхоз, и она там прижилась и ничего лучшего для себя не желала. Она поступила под начало телятницы бабки Прасковьи и жила у нее в землянке. По вечерам бабка рассказывала Мусе о старине, передавала народные легенды и сказки, пела старинные песни, но больше всего бабка любила говорить о своих телятах.

«Когда же речь касалась ее излюбленных «телячьих» тем, бабка становилась прямо поэтом, и Муся не уставая слушала всяческие наставления по уходу за маленькими питомцами». (Стр. 173).

И, действительно, бабкино проникновение в телячью психологию было весьма глубоким. Она могла бы вполне написать курс телячьей психологии. Ее речи о телятах отличались куда большей нежностью, чем речи о погибших внуках. Здесь столько воспитательной романтики, что ее хватило бы на несколько Макаренков. Бабка Прасковья, как и все колхозницы, думает только об одном, как бы сохранить стадо, как бы его улучшить и вся ее старая жизнь проникнута только телячьим энтузиазмом. Еще только одно чувство есть у нее — чувство ненависти к врагам родины, к фашистам.

«Как об обстановке своей избы мечтала она о каких-то стойлочках и кормушках, какие видела в прошлом году на сельскохозяйственной выставке».

— Помереть мне без причастия и отпевания, без креста мне в земле лежать, если я из этого жилы Рубцова такие кормушки не вырву.

Чем не романтика, чем не энтузиазм. В лесу, оторванная от родной земли и хаты, окруженная врагами, загнанная на работе как лошадь, бабка мечтает только о кормушках для телят!..

Жили колхозницы весело. По вечерам после работы они собирались на полянке, пели частушки и беззаботно плясали.

«Частушки сыпались одна озорнее другой, крепче и крепче дробили утрамбованную землю каблучки певиц». (Стр. 175).

Это, несмотря на то, что почти у всех этих певиц и плясуний мужья, или отцы, или братья, или женихи были на войне!

Так как у Муси, помимо всех ее качеств комсомолки, был еще и талант певицы и она училась в консерватории, то и она присоединилась к хору, а иногда пела и одна свое любимое «Вечер» или «Я помню чудное мгновенье», и колхозницы сладко плакали.

Колхозная идиллия для Муси Волковой кончилась довольно скоро. Игнат приказал ей и Матрене итти с золотом на ту сторону. Им обеим очень не хотелось, но долг выше всего, и они пошли.

По дороге они встретили толпу женщин, согнанных немцами в нейтральной зоне. К этому времени, видите ли, немцы стали уже настолько бояться партизан, что стали сжигать деревни у себя в тылу, вырубать просеки вдоль дорог. Это все верно, так и было, но перенесено автором к началу войны, чтобы показать, что партизанское движение было запланировано генералиссимусом уже тогда. На самом же деле партизанское движение против немцев возникло стихийно, и организовалось самим народом.

Женщины, после инсценированной Мусей и Матреной драки, убивают свой патруль и разбегаются. Муся и Матрена продолжают путь на восток и тут им помогает та же самая женщина, которая в свое время снабдила Мусю лекарством для Митрофана Ильича. Ее сын переправляет их через брод и они вступают на запретную территорию. Тут они встречаются с русскими, одетыми в немецкую форму. Эти русские их арестовывают, происходит неприятное объяснение, из которого становится совершенно ясно, что та и другая сторона принадлежат к самым преданным власти и Сталину патриотам. Русские оказываются переодетыми партизанами. Они отводят наших героинь в партизанский отряд. Там они сдают ценности. Матрена уходит обратно к себе в овраг, а Муся остается в отряде в качестве сестры милосердия при отрядном лазарете. По дороге к отряду между Мусей и молодым партизаном Николаем начинается роман. Роман весьма целомудренный и не только без поцелуев, но и почти без слов. В отряде Мусю поражает как бы будничность жизни партизан, но потом она за этой будничностью очень скоро открывает и героизм и романтику. В отряде имеется целая группа учеников ремесленного училища, которая являет образцы, как работоспособности, так и героизма и преданности. Особенно отличается четырнадцатилетний Толя Злаустов.

Муся работает в больничке, роман между нею и Николаем Железновым негласно, но верно развивается. Партизаны наносят неисчислимый ущерб немецким войскам, и все идет очень хорошо. Но вот, боевая группа партизан приносит известие, что немцы их выследили и бросают на них довольно значительные силы. Партизаны собираются уходить. Но перед этим они по радио вызывают «большую землю» и сообщают о прибытии ценностей. «Большая земля» отвечает, что выпшет самолет за ценностями, а заодно и за ранеными. Замечательно, что до этого никому и в голову не приходило прислать самолеты за ранеными. Их собираются перебросить за линию фронта только в связи с тем, что самолет прилетит за ценностями. Этот же самолет должен привезти партизанам и оружие. До сих пор они добывали его у немцев. Начинается постройка аэродрома силами учеников ремесленного училища. Самолет прилетает, но забрать всех раненых не может. Не может он также забрать и Мусю с ценностями. Здесь несомненная неувязка у автора. По всей логике повествования самолет должен бы забрать Мусю раньше всего. Но неувязка нужна для того, чтобы ей пришлось пережить всю романтику приключений преданной власти и Сталину комсомолки. Второй самолет не может сесть на аэродроме, потому что немцы зажгли кругом леса. Партизаны отступают через горящий лес, а Муся с Николаем Железновым и Толей Златоустовым должны, по приказанию начальника отряда, нести на себе сокровища через фронт. Вот тут-то начинаются настоящие приключения.

Во время бегства через горящее торфяное болото, Муся упала и сильно повредила себе колено. Николай несет ее до выхода из огня к озеру. Переправляется с нею на остров и там они устраивают себе пристанище. Живут охотой и рыбной ловлей. Это продолжается несколько недель. Роман развивается, но все без слов. И только перед самым отправлением опять в дорогу, Муся и Николай объясняются в любви. Но романами во время войны, как и во время великих строек, заниматься некогда.

Несмотря на все идиллические страницы в этой книге, это одна из самых цинично-бесчеловечных книг, какие только видел свет. Большого презрения к человеческой личности, к человеческой душе, к человеческой жизни трудно найти где бы то ни было. Даже не презрение, а тупое холодное равнодушие. И

все это на фоне сюсюканья по поводу солидарности, по поводу любви к родине, преданности, товарищества, дружбы и любви.

Все это подчиняется одному заданию — преданности. Преданность должна выражаться непременно жертвами и даже гибелью. Ничто не должно ни пугать, ни останавливать людей, если они служат кровожадному Молоху — сталинизму. И вот теперь, после всего пережитого русским народом, у него отнимают даже его историю, историю его трагедии и превращают его переживания в противный всякой человеческой душе фарс преданности делу, которое глубоко ненавистно всей природе русского человека.

Теперь, после того как этот народ спас «дорогого и любимого генералиссимуса» от позорного поражения, теперь его заставляют кривляться, как балаганного паяца на мировой сцене.

ХП

Г. Николаева. «Жатва».

Ю. Яновский. «На ярмарке».

В. Котельников «Дон-Кубань-Терек».

И. Козлов. «В городе русской славы».

Галина Николаева. «Жатва». (1950 г.).

Роман удостоен сталинской премии в 1951 году.

До войны колхоз Первомайский был одним из первых в районе. Все работоспособные мужчины были мобилизованы. Больше половины лошадей тоже пошли на войну. Работать остались только старики, женщины и дети. Главным работником оказался 14-летний Алеша. Колхоз был животноводческим. Хлеба сеяли немного. Главными культурами были клевер и кормовые травы. После занятия немцами зерновых районов, на колхоз Первомайский, как и на другие подобные колхозы, легла задача поставлять хлеб государству. План не был снижен.

Колхозники даже перевыполнили план по зерновым. Но, как говорит колхозница Любава, это перевыполнение означало, что колхозники отдавали буквально весь урожай на госпоставки. Сами питались чем попало. Во время войны колхозники могли явочным порядком занимать пустующие земли и обрабатывать их как приусадебные участки. Земли часто приходилось осваивать заново. Выкорчевывать пни, распахивать ельник. Так было с Ксенофонтонной и Фроськой. Надрывая последние силы, колхозницы осваивали эти участки. И как-то с них существовали. Клевера позаросли ельником. Земля стала тяжелой для обработки. А лошадей тоже большую часть забрали на армию. Оставшийся скот отощал от бескормицы. Положение в колхозе стало невыносимым. Но Галина Николаева в романе «Жатва» объясняет упадок колхоза не всеми этими причинами, а только тем, что в колхозе не осталось ни одного коммуниста и нет коммунистической ячейки. И вот она показывает, как с появлением ячейки начинается восстановление колхоза. Играет здесь также большую роль и личность нового секретаря райко-

ма Андрея Петровича Стрельцова. «Петрович», как его любовно прозвало население, хотя он был еще и совсем молодой человек.

В романе «Жатва» секретарь райкома наделен всеми существующими добродетелями. Он и мудр, он и добр, он и чуток, он и строг в меру и справедлив без меры. Он нежнейший муж. Ну, словом нет у него ни малейшего недостатка.

В то же время этот добрый и чуткий человек не только с готовностью, но с радостью и с энтузиазмом воспринимает постановление правительства о сокращении приусадебных участков.

В Первомайский колхоз приезжает один коммунист с фронта, Василий Бортников. Его сейчас же выбирают председателем. Он едет знакомиться с секретарем райкома Петровичем. Так, конечно, не бывает. Не могли колхозники выбрать лицо, неизвестное секретарю райкома. При знакомстве Петрович и Бортников присматриваются друг к другу. Во время разговора выясняется, что Бортников хочет руководить колхозом по военному т. е. приказами. Не хотят итти на работу колхозники — погоню. Но Петрович его строго отчитывает. Нельзя гнать, а надо доводить до сознания. Надо, чтобы сами поняли свою выгоду и сами пошли бы. А пойти колхозники должны сознательно на такое расписание: в урочное время работать на полях. Во внеурочное возить лес, самим вместо лошадей на саночках вывозить удобрения на поля; строить дороги; строить хозяйственные здания; строить сушилки и тока; обрабатывать тресту в порядке добровольной нагрузки; по ночам делать для огородной бригады торфяные горшочки. И много, много еще других дел. Даже, если бы они и пошли все на такое расписание добровольно, то у них не хватило бы суток. А еще к тому же у них есть и свои хозяйства и свои приусадебные участки, с которых они и кормятся главным образом. Да еще есть у колхозников Первомайского колхоза подсобный заработок, который только и позволяет им иметь пару грошей. Они дерут лыки в лесу, и выют из них веревки и продают их на базаре. И вот Бортников должен прекратить дранье лык, должен привести колхозников к сознательности. В помощь ему Петрович дает еще двух коммунистов, так что в колхозе теперь имеется ячейка. И дела сейчас же поправляются.

Роман Галины Николаевой «Жатва» является клеветой на русский народ. В романе «Жатва» показывается, как колхозники немедленно сплываются около ячейки, как пчелы вокруг

матки. Ячейка же начинает свою помощь колхозникам с сокращения их приусадебных участков. С запрещения драть лыки. И колхозники не только покорно, но и охотно идут на помощь ячейке по самоощемлению. А если и есть такие, которые сопротивляются, то общественное мнение их клеймит позором. Их с презрением выбрасывают из колхозной среды. Так происходит с Полюхой Конопатовой и ее мужем, со Степанидой. Угнетенные своим одиночеством преступники раскаиваются и вновь допускаются к радостному колхозному труду. Лицемерный сюзук и зверская каторга — вот что выпирает из романа «Жатва» вопреки желанию талантливой лауреатки.

Роман Галины Николаевой «Жатва» написан главным образом, как руководство партийным работникам. Он показывает, каким должен быть идеальный коммунист. Он должен совершенно не иметь личной жизни. Например, Петрович, не видался со своей женой несколько лет. А когда она приезжает, наконец, к нему, он немедленно отправляет ее от себя на восстановление Первомайского колхоза. Его жена Валентина агроном и коммунистка. Вот она и должна приводить колхозников к сознательности. Василий Бортников приехав в родное село, застал свою жену Авдотью в сожителстве с другим коммунистом. Василий Бортников полез было с кулаками, но заговорили о колхозе и вместо драки у соперников происходит деловой и печальный разговор о положении колхоза, и они мирно расстаются. Растаются, уговорившись о мерах подъема колхозного благополучия.

Цинизма в романе «Жатва» очень много. Но самый циничный эпизод это рассказ о гибели Алеша, того самого, который в 14 лет был один за мужика в колхозе. При Бортникове он уже взрослый парень, комсомолец, бригадир комсомольской бригады. У него заболело горло, поднялась температура. А лечиться некогда: его участку грозит засуха и он производит сухую поливку. Наконец, он свалился в поле без сознания. Его отвезли в больницу. Но было уже поздно. Нарыв прорвался внутрь и Алеша умер. У Галины Николаевой не нашлось ни одного слова сожаления по поводу трагической бессмыслицы его гибели. Народ у нее сожалеет только о потере рабочей силы.

И это клевета на русский народ. Если Алеша был в самом деле хорошим мальчиком, то несомненно односельчане его жалели, и бабы о нем плакали. Если же он был одним из партийных погонял, то тогда, конечно, крестьяне остались равнодуш-

ны к его судьбе. Но ни в том, ни в другом случае, народ не подменил бы человека голой специальностью.

Галина Николаева в романе «Жатва» тянет все одну и ту же песню, которую обязаны петь все живущие в Советском Союзе. Песня эта сводится к тому, что у советского гражданина нет и не может быть своих личных потребностей. Есть только потребности государственные. Если государству хорошо, то и вам всем должно быть хорошо от этого сознания. Положение граждан все равно не улучшается, как бы они ни работали на государство. Ему всегда мало. Как только человек подумает об отдыхе, ему сейчас же пришивают «успокоенность». Человек не смеет прожить для себя лично ни одной минуты.

Роман «Жатва» уверяет, что русский народ сам тянулся к коллективизации. Что его принуждать к ней не было надобности. Нужно было только умело и чутко им руководить. Помогать ему советом. И идти навстречу его желаниям. Что и должна делать партия. И что партия и делает. Но и партия должна понимать правильно свои задачи. Никакого принуждения. Только добрые советы. То-есть должна быть видимость добровольности, а до того, что происходит в действительности, дела никому нет.

Роман Галины Николаевой «Жатва» еще один пример лицемерной фальсификации истории колхозной трагедии русского крестьянства.

Когда читаешь роман «Жатва», то становится жалко не только народ, но и тех кто стоит погоняльщиками над ним. Невольно спрашиваешь себя, для чего они все живут. Что дает им жизнь, и на что они надеются. Народ им сопротивляется, как умеет. А они не только не сопротивляются своим вожакам, но добровольно и не за страх, а за совесть выполняют все бесчеловечные распоряжения. Что дает им партия? И нельзя поверить, что они не видят всей ненависти, которую они вызывают своими действиями в народе.

Все розовые вуали, которыми старается Галина Николаева в романе «Жатва» прикрыть невыносимое положение колхозников, скрыть правды не может. Как никого не может обмануть все показное бодрячество партийного аппарата. Он тоже уже стоит в тупике и бессильно наблюдает всю несостоятельность методов принуждения, к которым он принужден прибегать. Колхозная система себя не оправдала с точки зрения партий-

ного властвования. Народ не сдался и продолжает бороться с этой системой.

Все личные и общественные идиллии, выведенные в романе «Жатва», не имеют никакого значения. Они только фон, на котором разыгрывается очередная комедия морально-политического единства партийных с беспартийными. Все ложь. И эту ложь автору скрыть никак не удалось, да и невозможно никому ее скрыть.

Юрий Яновский. «На ярмарке». Роман 1950 года.

Рассказ Ю. Яновского изображает ярмарку где-то на Киевщине. На ярмарке можно наблюдать необыкновенные достижения колхозников и их счастливую зажиточную жизнь.

Председатель укрупненного колхоза ходит по ярмарке, как добрый, рачительный хозяин, а колхозники восторженно провожают его глазами.

Явтух Каленикович (председатель колхоза) подходит то к тому, то к другому колхознику и ведет с ними дружеские и поучительные разговоры. Вот из этих-то разговоров и вылезает предательская правда о колхозной жизни.

На телеге сидит женщина, режет на кусочки свеклу и дает корове, которая тянется мордой к теленку, лежащему на сене в телеге. Теленок крохотный, величиной, что называется, в рукавицу.

— Продайте мне вашего цобе — говорит Явтух Каленикович, останавливаясь у воза и почесывая белое пятнышко на телячьем лбу... — Здравствуйте.

— Здравствуйте, Явтух Каленикович, — отвечает женщина с приветливой улыбкой. — Без мамы теленок не продажный.

(Покупатель убеждает продать теленка без коровы. Женщина не соглашается).

— А зачем это вы корову вывели, — ведет речь покупатель, сразу забыв о крошечном «цобе», который тем временем сосет у него палец. — Это уже не двор без коровы. Старые люди сказывали, что хозяйка коровой сильна.

— Так то-ж старые люди.

— Может председатель вашего колхоза не обеспечивает сеном?

— Э, нет! Голова у нас путный, хоть бы и вам под пару.

— А корову ж продаете?

— Так это я — вам будь сказано, от богатства продаю, Явтух Каленикович!

(Председатель не верит).

— Сперва никто не верит, а как расскажу, то все только цмокают...

— А ну, пускай и я поцмокаю, — говорит добродушно Явтух Каленикович.

— Ферма у нас показательная — с достоинством говорит женщина, — работаю я там пятый год, даю рекорды, имею ордена. Есть у меня время возле собственной коровы в навозе возиться? Да я-ж должна каждую минуту и в книгу заглядывать, записывать рационы, изучать химию, а то враз рекорды отберут и не опомнишься. Вот и приходится сбывать любимую коровку...

— А вы бы ее на свою ферму передали, а?

— Думала и такое, да ферма-ж у нас элитная, Явтух Каленикович! А моя корова без паспорта... Без породы...

Человеку, разбирающемуся в тонкостях советской пропаганды, все ясно. Два вывода направляются сами собой.

1. У колхозников их время съедает барщина. Для ухода за своим скотом времени не остается.

2. Качество скота у колхозников весьма низкое. Если даже у рекордистки, орденосца такая коровенка и «цобе» с рукавицу, то что же у простых смертных?

Все остальное пропагандная лакировка. «Элитная» ферма сияет радужными красками только в «Очерках» Фоменки. И элитность сомнительная, и коровыдохнут от бескормицы. Иначе, чем же объяснить постановление правительства о катастрофическом положении сельского хозяйства? Но в художественной литературе темных сторон изображать не полагается, а требуется не жалеть синьки и сурика на несуществующие светлые.

После нескольких встреч и разговоров, в которых добрый Явтух Каленикович играет роль проповедника и попечителя о нуждах народных, он от разговоров переходит к делу, к доброму делу.

«На чистенькой тряпке сидит ветхая старушка, разложив перед собой лекарственные травы. Тут и валерьяновый корень и душица, и донник, и калган, и чистотел, бессмертник, трава зубровка, цвет подсолнуха».

(Все это набрать нужно, всю эту деревенскую косметику и народную медицину. Чего стоит этот труд ветхой старухе?).

«Сухонькими темными пальцами бабушка перебирает товар, ласково касаясь каждого листочка и стебелька. На ней старинный очипок и дерюга».

После долгих разговоров о травах и болезнях — (кстати: а что-ж лучшее в мире здравоохранение? Почему деревня до сих пор лечится «своими средствами» и нуждается в бабушках, собирательницах трав?) — Явтух Каленикович интересуется, почему семья посылает бабушку торговать?

— А живу я одна, как перст. Внук один инженером работает, обещал к себе взять, да, видно, позабыл... Так и живу с корешков, да с зелья. — А колхоз же как? Недоумеваает Явтух.

— И колхоз так же. Пока ходила в огородную бригаду полоть, (т. е. пока силы были работать), держали... А теперь говорят, как откроем дом для престарелых, так туда.

(Явтух ругает и колхоз и внука. Брань по адресу колхоза вполне лицемерна: где это в СССР такие колхозы водятся, чтоб о стариках заботились? И внук, может быть, совсем не негодяй: у него семья, а живут в одной комнате... ждет квартиру. В СССР все чего-нибудь ждут и в этом вся жизнь проходит).

— Вот что я вам скажу, мама, — решительно заявляет Явтух, — прощу я вас, переходите ко мне жить. Хата просторная, новая. — (Где это в деревне строят новые хаты? Автор впадает в совершенное бесстыдство).

— Работы с вас не потребую (старухе восьмой десяток). Будете похаживать по садочку, да воздухом дышать.

Старуха не знает, что делать от волнения, радости и благодарности. Явтух пошел дальше по ярмарке утешать и привечать.

Сцена со старухой не невозможна. Добрые люди не перевелись в России, хотя меньше всего приходится искать их среди председателей колхозов. Но допустим... Однако, куда празднее и жизненнее была бы сцена, если бы идеальный председатель и коммунист отправил бы бедную старуху в милицию за строго запрещенную торговлю лекарствами и за знахарство.

О постройке домов для престарелых в некоторых колхозах резолюции принимаются. Всякие резолюции принимаются. Но домов не строят нигде никогда. Разве в чувствительных советских романах.

Кое-какие послабления советская власть дала литературе: Раньше автор не посмел бы говорить о таком антисоциальном и антикоммунистическом выходе из трудного положения, как частная благотворительность и взаимопомощь.

Повидимому, после войны сделано указание: пропагандировать «частную инициативу» в деле помощи инвалидам, которым государство отказывает в помощи, заодно и престарелым. А если эти престарелые как-то сами перебиваются с помощью лекарств и зелья, то и на это велено смотреть сквозь пальцы.

В. Котельников. «Дон-Кубань-Терек», (Очерки). 1950 год.

Тема партийного заказа: счастливая и зажиточная жизнь колхозников. Тема литературная: Очерки с натуры на Кубани, Дону и Тереке.

Правдивость «очерков» могут показать хотя бы такие строки: от города (Краснодара) до пригородной станицы Пашковской проложена новая трамвайная линия в тринадцать километров.

Это чистая ложь. Но раскрыть может ее только тот, кто знает и Краснодар и Пашковскую линию. Во-первых, не тринадцать, а девять километров. Во-вторых, не новая, а одна из самых старых. Замечательна эта линия тем, что это была первая трамвайная линия в России, построенная на общественные средства, то-есть на средства казаков ст. Пашковской. Она принадлежала станице, то-есть всем казакам этой станицы, еще до революции.

Все в этой книге фальшиво, так что даже трудно сказать, есть ли в ней хотя бы одно слово абсолютной, а не относительной правды. Книга может служить великолепным путеводителем по этим местам для туриста, изучающего страну из окна вагона или с самолета. И пшеница и прочие хлебные культуры на полях имеются. И электростанции, и скот, и все прочие достижения советской экономики, о которых упоминается. Но все это принадлежит государству. Население голодно там, где земля дает самые высокие урожаи.

И. Козлов. «В городе русской славы», 1950 г.

Задача партийного заказа: фальсификация истории партизанского движения во время Второй Мировой войны.

Тема литературная: показ работы подпольной организации в Севастополе во время оккупации.

Интересно, что книга, повествующая о работе подпольной организации сопротивления немцам во время оккупации Крыма, вышла только в 1950 г. То-есть после того, как роман Фадеева «Молодая Гвардия» был не только написан, но «исправлен» соответствующей критикой, переделан автором и выпущен во втором вполне ортодоксальном виде, то-есть по образцу, заказанному Политбюро. По этому же плану сделана и разбираемая книжка.

Начинается она самым казенным образом: письмом из действующей армии о героических подвигах некоего Ревякина.

Письмо адресовано его родителям и колхозникам той деревни, откуда он родом. В письме между всякими советскими пропагандными банальностями сказано: «В числе первых, кто кует победу нашему полку находится и Ваш любимый сын Ревякин Василий Дмитриевич.» А ковал он эту победу в **октябре 41 года** то-есть во время разгрома и панического отступления советской армии. Отковав победу своему полку, в 42 году Ревякин попадает на оборону Севастополя. Тут правда перемешана с ложью: приводятся точные и правдивые данные о количестве немецких войск, наступавших на «маленький» гарнизон Севастополя. Немцы виноваты, что гарнизон был маленький, и что они на него наступали. Ревякин пережил все ужасы атак потому, что «он повседневно ощущал отеческую заботу т. Сталина».

Интересная деталь: «Ревякин выполнял приказ драться до последнего, а оставшимся в живых пробираться в горы к партизанам». Небольшое календарное смещение наводит читателя на мысль, что «приказ о партизанах» был заготовлен командованием еще до сдачи Крыма. Значит и отступление и партизаны были запланированы. Тогда зачем же драться «до последнего»? Не проще ли без потерь отступить «на заранее подготовленные позиции»? Повидимому, кровь и жертвы и требования «драться до последнего» были необходимы для заготовок героев, подобных Ревякину. История говорит, что этого не было. Партизанское движение возникло неожиданно для сталинского правительства, и оно получило его уже готовым. Ну, а потом оно и его, как и все прочее, использовало в своих выгодах. Виновниками возникновения партизанского движения против немцев были сами немцы. Их зверства и их отношение к народам СССР, как к унтерменшам. А никак не Сталин и не его правительство. Дрались до последнего, но к партизанам не попали, повидимому, потому, что их еще не было. Попали в плен, из которого Ревякин убежал, но не в горы, а в город. Вот тут и начинается «героическая» работа коммунистов и комсомольцев в подполье.

Основным документом для восстановления деталей этой работы является «дневник» Ревякина, который он якобы вел в подполье, и который сохранился в назидание потомству. Во-первых, уже эта деталь невероятна. Никакой подпольщик дневников не ведет. Если же Ревякин его вел, то совершенно ясно, что движение «Коммунистической подпольной организации в тылу у немцев» (КПОВТН), как ее называл Ревякин, было не

«движением», а заданием, вернее же никакого такого нелепого движения и не было. Само наименование уже показывает его искусственность.

Так же неправдоподобны и листовки, которые якобы выпускала эта организация: «Недалек тот час, когда гитлеровская банда найдет себе могилу на станции «морское дно», а над солнечным Крымом и столицей Черного моря — Севастополем — снова будет веять советское знамя — знамя свободы и счастья».

С первого взгляда бросается в глаза, что это не листовка подпольщиков, призывающих бороться с сильным и страшным врагом, а бездарная агитка. Плохого мнения автор о советском пропагандном аппарате. В 1943 году советское правительство срочно перестроилось от призывов к советскому патриотизму к патриотизму русскому. И если бы подобного рода листовки выпускались, то за ними не только никто не пошел бы, а наоборот — бросились бы в «фашистское рабство» от солнечного советского «освобождения». И все, кто помнит те страшные годы, знают наверняка, что ничего подобного не было и быть не могло.

Здесь происходит обычная история: партия и правительство грабят в свою пользу патриотические настроения населения и все его подвиги и жертвы приписывают себе. Не даром же ни в одной послевоенной книжке нельзя встретить беспартийного героя. А если он стал героем, не будучи в партии, то немедленно после совершения своего геройского подвига он принимается в партию, «по его собственной страстной просьбе».

Так и с партизанским движением везде и в Севастополе, в частности. В разбираемой нами книжке называется несколько имен. Это все лица, существовавшие в самом деле и в самом деле боровшиеся с немцами. Но не под руководством Ревякиных.

Ревякин лицо реальное, как реальны и те, имена которых приводятся в книге. Но здесь, по обыкновению, советская власть грабит в свою пользу лучшие чувства русского населения и выдает чувство любви к родине за любовь к Сталину и партии. Ревякин, несомненно, был заслан на работу. Несомненно он собрал настоящих молодых патриотов около себя. Но в то время, как молодежь по настоящему старалась об освобождении «родины», он старался о заготовлении списков будущих «преступников». Вел слежку за всеми, кто так или иначе работал с немцами, кто высказывал недовольство советским режимом, кто надеялся на перемену к лучшему, после ухода немцев.

Связь с партизанами у Ревякина была. Но не в 42 году, когда он попал в Севастополь, а гораздо позже, когда советское правительство получило уже готовое партизанское движение и использовало его. Ревякин же несомненно принадлежал к тем парашютистам, которых засылало НКВД в оккупированные области для саботажа, но главным образом для усиления немецких зверств. Совершались злодеяния над русским народом и приписывались немцам, к чему немцы давали очень много поводов, но не все, что было проделано над русским народом, нужно отнести за их счет.

Нельзя также не упомянуть о судьбе многих комсомольцев, участвовавших в подпольных советских организациях. Их заставляли насильно работать в этих организациях, они часто проваливались, причем, ходили слухи, не без участия организаторов, и гибли в застенках Гестапо. Повидимому, трагедия происходила по двум причинам: первая — молодежь, присмотревшись к деятельности «подпольщиков» — понимала, что это не антинемецкие агенты, а все те же агенты НКВД, и их главная работа — борьба с мирным населением и расправа с теми, кто работает у немцев. Начинались протесты. Вот за эти протесты «руководители» и проваливали их. Вторая — у немцев устраивались на работу, помимо честных людей, множество всяких проходимцев и бывших коммунистов. Боясь выдачи своими прежними товарищами по партии, они связывались с ними и потом проваливали организацию.

Между прочим, в книге нет и намека на то, что советское командование, вернее политуправление приказало взорвать знаменитые севастопольские штольни, в которых население пряталось от бомбежек, не предупредив прячущихся о готовящемся взрыве. Об этом имеется не мало свидетельских показаний.

ХІІІ

Б. Горбатов «Донбасс», «Новый мир», 1951 г. №№ 1, 2 и 3.

Роман «Донбасс» явление весьма интересное и новое с точки зрения выполнения социального заказа.

Роман занят фальсификацией истории возникновения стахановского движения. Задумано это тонко. И не вина автора, что ему все же не удастся убедить читателя в том, в чем он его должен убедить, то-есть в том, что стахановцами люди рождаются, как они рождаются, скажем, художниками, изобретателями.

Герои романа не даются автором, как личности, внезапно загоревшиеся любовью к делу Ленина-Сталина. Автор воспитывает их, делает их стахановцами на протяжении первых глав романа.

Герои — два комсомольца: Виктор Абросимов, brunet с «огненными глазами», красавец, честолюбив, темпераментен, но без выдержки. Как внезапно загорается, так внезапно и потушает под влиянием первой же неудачи. Андрей Воронько — некрасив, русский, с серыми глазами, скромн, тих, застенчив. Знает себе цену и упорен в достижении поставленной цели. Внешне, как будто бы командует Виктор, а в серьезном деле всегда поступает так, как находит лучшим Андрей. Контрастность героев дана не случайно. На протяжении романа показывается, что самые различные характеры, с определенными природными задатками и при определенном воспитании могут быть стахановцами. Стахановец, по мысли автора, явление не случайное, а предопределенное. Его не могло не быть при советском строе.

Первые главы романа посвящены безмятежному лету, которое переживают оба героя. Они только-что окончили семилетку в маленьком городке Чибиряки на берегу реки Псел. Они наслаждаются мирной и покойной жизнью, лениво валяются на пляже, или наблюдают провинциальную идиллию в городе. Тихие

улицы, уютные беленькие домики под железными или камышовыми крышами, палисадники с неизбежными мальвами и кручеными панычами. Ребята на тысячу ладов обсуждали возможности, которые дала им советская власть в смысле продолжения ученья и выбора карьеры. Им хотелось быть и летчиками, и киноактерами, и учеными, и врачами. И они не могли выбрать, потому что слишком много им предлагалось. И они были счастливы, но не знали своего счастья.

«...Была особая тишина в том зеленом мире на этой улице и в его собственном доме. В этой тишине не слышно и незримо созревала и умирала и опять зарождалась жизнь: лопались почки на вербе; полз по ниткам к крыше крученый паныч и раскрывал навстречу солнцу свои синие с желтыми разводами грамофонные трубы и призывно трубил в них; на земляном полу в хате сладко и беззвучно умирали душистые травы; по вечерам в палисаднике вдруг мощно расцветали скромные меггиолы и их властный запах все покрывал в мире и смешивался с добрым запахом махорки на меду — любимым табаком отца Андрея. И это было счастье...»

Идиллия? И ничего страшного, и все, как «в книжке для детей»? Но если принять во внимание, что это был год от Рождества Христова тысяча девятьсот тридцатый. Год самой страшной трагедии, какую только переживал когда-либо русский народ, если принять во внимание, что вся советская провинция в то время вымирала от голода и террора, что улицы городов уже начинали покрываться толпами умирающих от голода детей, потом и их трупами, то как-то трудно себе представить, чтобы нормальные парни, хотя бы и комсомольцы, могли предаваться безмятежной идиллии на берегу Псла в то лето. И не случайно автором взята глухая, да еще и сельскохозяйственная провинция и показана в эдаких венециановско-грезовских тонах. Это надо для будущих поколений. Фальсификация истории 30 годов. Вычеркнуть из памяти трагедию этих годов...

Но в эту идиллию ворвалась жизнь в виде «прорыва на Донбассе». Виктора и Андрея городской комсомол немедленно призвал в «лучшие комсомольцы», и они были мобилизованы на шахты ликвидировать прорыв. Они попали в число тридцати тысяч таких же комсомольцев, собранных со всего Союза. Это положило конец колебаниям. Мудрый комсомол указал им дорогу, и они нашли именно в ней свое настоящее призвание.

Но автор не позволяет своим героям стать сразу же послушными приемниками комсомольского счастья. Он проводит их через всяческого рода искушения и нравственные «прорывы».

И Андрей, и Виктор боятся ехать в шахты. Андрей потому, что сомневается в том, что выдержит шахтерскую работу; Виктор, потому что считает свою карьеру загубленной и мечты разбитыми.

Первый толчок к пересмотру своего отношения к карьере шахтера, как к почетной, герои получили в доме старого шахтера-коммуниста. Их пригласили в гости. Собралась вся многочисленная семья старика. И вот за столом, Виктор, отвечая на то, как они попали в шахту, сказал между прочим:

«У нас, например, другие мечты были!» Значительно произнес и значительно посмотрел на дочь хозяина... «Я, собственно, в киноартисты хотел. Призвание такое в душе чувствую. Да, — вздохнул он, «мечтали-то мы высоко, а угодили в шахтеры! Закопурились!» — «Что?! — тихо, свистящим шопотом спросил Прокопий Максимович (хозяин). — Вон! — взревел он не помня себя. — Вон из моего дома, сукин ты сын! Вон... Значит высоко вы мечтали, а мы низко живем? Низкие мы, выходит, в угле возимся?!»

Рассвирепевшего пролетария успокаивают, и он начинает расспрашивать Виктора о его семье. Оказывается, Виктор потерял отца во время революции: его «зарубали белые». Это совсем смягчило хозяина, но все же он продемонстрировал семейный спектакль.

— Кто твой отец, Даша? — строго, словно на экзамене спросил Прокопий Максимович.

— Мой отец — есть потомственный шахтер-забойщик, — звонко, как молитву отбарабанила Даша.

— Так. А дядька твой кто?

— И дядька мои чистых кровей шахтеры.

И так до прадедов. Родословная новой аристократии. Это в настоящий момент тоже одно из обязательных условий всякого литературного произведения.

Правда, тут же аристократ-забойщик строго настроено приказывает своей Даше и носа не показывать в шахте, а ехать учиться в Москву. С сыном тоже у него происходит не совсем стильный разговор на тему «не иди в летчики, а иди в инженеры». Значит, как будто бы только для чужих детей шахты — дело почетное, а своих можно делать и выскочками-инженерами, а не аристократами-шахтерами. И этой неувязки как-то автор не сумел объяснить.

Виктор и Андрей долго не могли приспособиться к новому миру. Старые шахтеры грубо издеваются над ними в шахтах, работа не дается. Обушок не слушается неумелых и слабых рук. Наши друзья долго не выполняли норму. На Виктора это действовало угнетающе. Андрей упорно добивался умения. И добился. Он раньше Виктора начал выполнять норму. При тщеславии Виктора это была последняя капля, и Виктор бежит с шахты. Андрей во время заметил побег друга с шахты, нагнал его на вокзале и уговорил вернуться на шахту. Никто бы не узнал о «позоре» Виктора, если бы они не встретили по дороге с вокзала московского журналиста, который приехал на шахту в отпуск. Журналист, коммунист, родившийся на этой шахте. Во время разговора Виктор, в порыве раскаяния рассказал о своем побеге. Журналист-коммунист принял сообщение потечески и пообещал никому, даже секретарю шахтинского парткома не рассказывать о происшествии. **И сдержал обещание.** Вещь совершенно невозможная в жизни советской партии, да еще в те годы. Умолчав о побеге Виктора, он сам становился сообщником и укрывателем летуна-комсомольца. Преступления такого рода караются партией беспощадно.

Этот эпизод еще один кирпич, заложенный автором в постройку теплицы для выведения стахановцев. Партия не карает заблуждений. Она даже и не требует особо строгой тайны от них.

В те несколько часов, что Виктор провел в бегах, на шахту поступает первая партия отбойных молотков. Партия всего в несколько штук. «Техника» настолько увлекает Виктора, что он просится в ученики к забойщику коммунисту, работающему с этими молотками. Кстати, это тот самый Прокопий Максимович, который чуть не выгнал Виктора из своего дома. Он также потечески и с любовью обучает Виктора и тот скоро постигает искусство и овладевает «техникой». Андрей тоже становится забойщиком и тоже работает с отбойным молотком, а не обушком. Герои чрезвычайно быстро начинают давать по две, две с половиной нормы. Так они проработали до 1935 года. Зарабатывали по два, два с половиной оклада, обрастали имуществом, несли общественные и комсомольские нагрузки, прошли оба в партию, «гуляли» после полочки, но в пределах комсомольской благопристойности, покоряли девиц, но сами не влюблялись и «ухажерство» презирали. За это время шахту несколько раз начинало лихорадить. Она опять попадала в прорыв, ее заедала «текучесть кадров», отсутствие механизации и вредительство.

Текучесть кадров объясняется автором весьма глухо и в нескольких строчках: крестьяне стали появляться толпами на шахте, становились на самую низкую оплату, на самую тяжелую работу и потом внезапно скрывались. Эти бродячие крестьянские толпы появлялись в шахтах во всякое время года, и весной в пору посева, и осенью в пору уборки. Они предпочитали каторжный и ненавистный им труд на шахте своему крестьянскому делу. Почему? Никому в романе, и нашим героям в том числе, не приходит в голову поставить этот вопрос. Почему? С техникой дело за эти годы улучшается, но автор об этом говорит тоже мало и неохотно. Ему нельзя ставить ударение на технике. Но самое интересное это то, как подается «вредительство». В «Донбассе», как и во всей советской литературе 50-51 гг. поражает такое благорастворение социально-политических воздушных масс. Вредительские тигры и шакалы весьма мирно уживаются с коммунистическими овечками. И это отнюдь не потому, что над ними в виде пастыря стоит некое недреманное око. О нем нет и помина теперь. Тигры и шакалы нестерпимо глупы, а овечки добродетельны и осторожны. И даже больше того: очень часто, под влиянием добродетельных и мудрых овечек, шакалы перековываются в овечек. Вообще современная советская литература поражает своим гуманизмом: козлица не извергаются, а перевоспитываются. И не ГУЛАГ-ом и не ИТК, а самими овечками. Со всеми заблудшими чадами обращение самое гуманное. Никому и в голову никогда не может прийти, что в Советском Союзе существуют такие учреждения, как тюрьмы или, упаси Бог, концлагеря. И в «Донбассе» тоже, вредитель прекратил подачу сжатого воздуха в отбойный молоток, когда Виктор устанавливал свой рекорд. Так даже и не побии вредителя своими силами, не только не арестовали и не посадили туда, куда и вороны не летают, и Макар телят не гоняет. Обошлись только небольшой лекцией о вреде вредительства. Создается впечатление, что виктор-андреевское поколение никогда и не слышало ни о коллективизации, ни об органах безопасности.

Так мирно и благополучно процветали наши герои вплоть до 35 года. И в этом году, вдруг, они почувствовали себя «связанными». Им захотелось «шири», «простора». Что, они бросили шахту и поступили в моряки? Нет, они попросили увеличить им уступы в лаве, чтобы они могли выполнять не по две, а по четыре и пять норм. Не 12 тонн угля жаждали их мечтательные души, 60-70!

Наши герои из шахты не уйдут, романтика забойщиков поглотила их целиком.

«... Он (Виктор) приступил к работе с такой жадностью, словно изголодался по ней, словно жизнь вне забоя была не настоящей, зряшной, пустопорожней жизнью, а настоящая жизнь только тут в уступе; вот к ней, наконец, дорвался и теперь надо жадно хватать ее и пить, пить, пить досыта... (№ — 2, стр.31).

«... Отбойный молоток никогда не был для Виктора только орудием труда, простым инструментом, который кормит шахтера. Для Виктора его молоток был почти живым, почти человеческим существом, как конь для коногона, как собака для охотника...» (там же, стр. 32.).

«... Он лег на спину, широко разбросал руки. Хорошо! Что ни говори, хорошо! Уголь прохладный, можно вообразить, что лежишь ночью в степи на сырой траве или на мокром песке у Псла... И тогда кровля над головой представляется тебе темным, темным небом, а свет шахтерской лампочки, зацепленной за обалоп, — светом далекой звезды». (Там же, стр. 45.).

Воспринимать таким образом темную, грязную, мокрую шахту, может только прирожденный стахановец. Нормальный человек с нормальными человеческими чувствами — не может. Это та новая порода, которую тщетно пытаются вывести советские лысенки. Лысенки человеческих душ. И порода им эта никак не удается.

И Андрей и Виктор — типичные строители коммунизма, как их представляет социальный заказ. Повидимому, пока не выведут вот такую породу — коммунизма не построят.

По роману, идея стахановских достижений зародилась в тот момент, когда Виктор, подогретый восторгом своего ученика, «смотревшего на работу Виктора влюбленными глазами», воскликнул: «Я один бы мог пройти всю лаву за смену». Ученик не верит. Но Виктор стал серьезно задумываться над проблемой прохода одному забойщику всей лавы за одну смену. Он советуется с Андреем и они считают, что это можно осуществить. С этого момента и начинается настоящая суть романа. До сих пор это было все подготовкой.

В романе «Донбасс» — стахановское движение показывается как движение массовое. Не только у Виктора и Андрея зарождались эти мысли. Они носились в воздухе. О них думали на всех рудниках и шахтах. Накануне того дня, как Виктор поставил рекорд — Стаханов уже поставил свой. Виктор и Андрей не опечалены. Не даром же они коммунисты. Они не завидуют, а радуются, потому что, по выражению все того же Прокопия «уголек-то идет в одну и ту же топку».

Почти на всех шахтах рудника и почти по всему Донбассу уже прокатилось это движение. Вспыхнуло, как степной пожар, и пока наши герои разрабатывали свои планы — другие их опередили. Но не все рекорды и не на всех шахтах были одинаково полноценными. Например, на шахте «Красный партизан» забойщик Зобара дал в одну смену 300 тонн угля. И рассказывается, как он сумел это сделать. Тут-то и всплывает правда о рекорде Стаханова. Так, как оно и было в самом деле. Рассказывается, как вся шахта работала на Зобару (читай Стаханова), как другие забойщики должны были прекратить работу, потому что не было порожняка под откатку угля, (отчего пострадала их заработная плата), как секретарь райкома сам был диспетчером вагонеток, как весь лес пошел на крепления забоя Зобары и т. д. И о том, как в результате перевыполнения плана Зобарой на 1000%, шахта не довполнила план на 15%. Все это рассказано подробно и без утайки. Но в романе, это приводится как единичный случай партийного тщеславия. Секретарь райкома решил сделать себе на этом свою личную карьеру. (Странно, что ему пришла мысль о возможности «постройки карьеры» таким образом). В романе этого секретаря снимают с работы и ограничиваются этим.

В свое время была выпущена книжка Стаханова о его рекорде. Сквозь все фанфары можно было и тогда об очень многом догадываться, а теперь ясно: Стаханов работал, как Зобара. Нельзя отказать Б. Горбатову в остроумии приема фальсификации. Дескать, да, было и такое, но оно было единичным исключением. Ни одно, мол, хорошее дело не обходится без того, чтобы кто-то не пытался его испортить и т. д.

Автор не останавливается на вопросе, каким образом возможно производственное чудо на одной шахте и невозможно на другой. Почему на шахте Зобары все работали на рекордиста, а на других рекордисты не мешали общей работе. Он только вскользь упоминает, что шахта «Крутая Мария», на которой работают наши герои, все время постепенно механизмуется и, повидимому, к моменту рекорда, она уже может обслуживать рекордиста. Нужны же какие-то мотивы реальности. Иначе сильно смахивает на коммунистическое чудо.

Все остальное в романе идет по шаблону. Имеются невероятно добродетельные секретари всяческих партийных ячеек, начиная от шахткома и кончая райкомом.

Имеется дед — сторонник коммунизма и ненавистник новой техники.

Имеется любовная история Даши-Андрея-Виктора. Даша, повидимому, по первоначальному любит Андрея. Но после того, как Виктор установил рекорд, немедленно переключается на последнего.

Имеется обязательное «на данный момент» прославление домашнего уюта и бытовых мотивов. Чем хуже положение народа, тем усиленнее ему навязывают стремление к недостижимому благополучию. Это как бывало с мылом в Москве в 30-х годах. Как только появляются всюду санитарные плакаты с советом непременно и часто мыть руки с мылом — вся Москва знала — мыла в продаже нет.

Конец романа тоже стереотипный. Андрей к этому времени уже парторг шахты, встречается со Сталиным. Сталин с ним «советуется» о шахтерских делах. Встреча подана в тошнотворно-подхалимажных тонах.

XIV

В. Сафонов. «Колокол Говерлы», 1950 г.

М. Раскова. «Записки штурмана», 1951 г.

Если у кого-нибудь имеются сомнения в том, как идет жизнь в «освобожденном» Закарпатье, все они рассеются, как только он прочтет «Колокол Говерлы».

Начинается с сюсюка:

«Закарпатье — исконный русский край. Таким он был всегда, сколько ни вглядывайся во мглу минувших веков. Когда только зачиналась Русь, оно уже входило в состав коренного достояния наших предков». (Стр. 1).

Автор рассказывает о первом впечатлении от Ужгорода:

«Вся набережная была усеяна маленькими эмалированными колясочками. А в колясочках важно кивающие розовощекими мордочками младенцы, иногда и по двое. Мужчины и женщины идут рядышком, правая рука мужа и левая рука жены лежит на ручке колясочки. И по тому, как дружно они вместе подталкивают этот легкий экипажик, по тому, как заботливо опираются и мужская и женская рука плюшевое одеяло и оба — и муж и жена — одновременно вдруг вместе улыбаются, видно, как много значат здесь дети. Мелкая, бытовая черточка, помню, сразу же внушила мне такую же мысль: неистребим тот народ и молод, сколько бы он ни прожил, который так умеет относиться к детям, любить, беречь их, такое место отводить им в своей жизни». (Стр. 13-14).

А разве где-нибудь есть народы, которые не любят и не берегут своих детей и не отводят им первого места в своей жизни? Разве русские отец и мать не сумели бы так же бережно относиться к своим детям, если бы русские дети не были «освобождены» уже свыше 30 лет от родителей, которых послали на лесозаготовки и в шахты, а родители не были бы освобождены и от эмалированных колясочек и от плюшевых одеялец. Дело только в том, что закарпатские дети и родители, в момент пребывания автора в Ужгороде, еще не успели целиком перейти на амплуа «освобожденных».

Дальше идут рассказы о том, как живут «освобожденные закарпатские русские». Все, что отзывается идиллией и благообразием, все это осталось от прошлого. Все, что принесли им освободители, ни на одну минуту не оставляет сомнения в том, что судьба этих несчастных людей ничем не отличается от судьбы их старших братьев в СССР.

«... девственные леса, не потревоженные от века, покрывают высокие Бескиды, и Горганы, и Гуцульские Альпы, и рассеченные узкими расселинами груды пустынных, из древних вулканических пород сложенных Ғыгорлацких и Гутинских гор».

«Ватажка лесорубов, врубаясь в эти дебри, вся усаживается на буковый пенёк почти двух метров в поперечнике». (Стр. 15).

«Освободители» начали свою работу.

«Нелегкое наследство приняла советская власть. Вековая тьма и власть ясы, болезни и голод, разруха после фашистского хозяйничанья и нищета, нищета. (А как-же эмалированные колясочки и плюшевые одеяльца?). Все, чего ни коснись, требовало работы и работы. (Стр. 18).

Дальше автор сообщает, сколько было открыто при советской власти школ. Тут мы ему верим. Но чему учат эти школы? Любви к «дорогому и любимому»? И можно с уверенностью сказать, что если до «освобождения» население Закарпатья было настроено прорусски, к сожалению, путая русский народ с советской властью, то после последних лет, этот народ станет ненавидеть русских, как недоброй памяти мадьяр. А отцу народов только этого и нужно. Нельзя позволить народам «освобожденных стран» любить русский народ. Это значило бы, что в будущей борьбе у русского народа прибавится еще один союзник.

После лирических строк о бывшей полной «темноте» Закарпатья, автор переходит к новой экономике, которая его ошастливала. Тут, несмотря на все сюсюки и выверты автора, все становится совершенно ясным.

«Люди знали: судьба области, путь ее развития обдуман партией большевиков...» «Люди чувствовали повседневную сталинскую заботу, помощь великой советской родины...»

«... Уже было начато строительство 12 предприятий, в том числе лесохимических...» «Продукты ее, продукты сухой перегонки леса: древесный спирт, ацетон, уксус, кеион, фермальдегид, винная кислота, растворители для лаков». (Стр. 23).

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, будет ли Закарпатья получать хоть что-нибудь из этого. Все пойдет «освободителям». Для этого и проводятся специальные дороги, строятся специальные заводы, едва ли нужные для самой страны. Стро-

ятся с крайним перенапряжением всех сил народа. Автор и не скрывает этого.

«Проблема транспорта была очень остра в Закарпатьи. Железнодорожные линии, в значительной части, узкоколейки, были проложены так, как это диктовали стратегические соображения австро-венгерской монархии. Строительство «рокадной» (соединительной) железной дороги, перешивка многих дорог суженной колеи на нормальную колею, — одно из насущнейших дел».

Тоже совершенно понятно, почему советская власть старается в срочном порядке осчастливить население широкой колеей. То строили по стратегическим требованиям австро-венгерской монархии, теперь строят по стратегическим соображениям Советского Союза. На широкую колею перешивают железнодорожные колеи затем, чтобы можно было без задержки и перегрузки, во-первых, передвинуть свои войска, когда это понадобится, а во вторых, чтобы также можно было вывозить из Закарпатья без перегрузки богатства страны, особенно лес. А они («освободители») интересуются не только лесом. Они тянут все, что имеет хотя бы какую-либо цену: лес, уголь, соль и даже вышивки. Под видом поощрения, сохранения и развития народного творчества в Ужгороде основана мастерская вышивальщиц. Сидят они на колхозном пайке и производят под кнутом грабителей, все, что всякая женщина любой страны давала из любви к искусству и к тем, кому это ее искусство предназначалось. И как отличаются эти новые произведения ее рук от прежних. Все как будто бы то, да не то. Появился штамп в рисунке и выполнении, поблекли краски, потому что теперешние нитки далеко уступают прежним. А, главное, исчез подлинно творческий импульс. Как он исчез и в России.

Теперь о лесе: в одном месте автор повествует о том, как при приезде по узкоколейке на лесосеки они видели «вырастающие перед глазами свободные площади, покрытые только пнями, в густой лесной чаще». Значит, лес вырубался сплошь. А в другом:

«В здешних лесах полдесятка миллионов таких мощей древесных, от которых лес требует освободить его. Термин есть: рубка ухода. Мы не сводим, не губим лес; дело наше, если его правильно понять, — такое: открыть настоящий простор буковому да семерковому царству. Я прямо скажу, никто так не любит леса, как лесорубы».

Любил волк кобылу . . .

Возчики на лесосеках все соревнуются. Есть среди них и стахановец, Николай Иванович. Ему подчинены все остальные возчики, и он их обучает, как повышать нормы и прочей новой

для них премудрости. «Партийная организация хорошее дело подсказала», говорит о стахановщине один из партийных надзирателей. Еще бы не хорошее! Только вот для кого оно хорошее!?

«... Лошади уже с утра все в мыле». Объясняется это надзирателем не тем, что лошади несут непосильную работу, а неумением крестьян обращаться с лошадьми. «Рывком действуют». Странные крестьяне!

Рубка и вывозка леса происходит на таких крутизнах, что погонщики должны подковывать свою обувь шипами. Один из комсомольцев говорит об одном возчике-ударнике: «ни за что не сорвется. Подковал свои постолы на шипы». Значит, неподкованные и срываются?! И как это можно подковать постолы на шипы, если это обувь без жесткой подметки, а только на подошве из мягкой кожи?

Там где начиналась лесосека, на деревьях висело полотнище: «Пятилетку к 31-й годовщине октября!» Как видим, ни методы, ни приемы не меняются.

У костра собирается группа лесорубов. Дневное дело, как будто бы уже и закончено, можно бы и отдохнуть, но для них трудовой день еще продолжается: подводятся итоги соревнования, принимаются и сдаются рапорты. Приезжает секретарь организации и начинает свою жвачку о соревновании и о том, как прекрасна будет жизнь у всех этих рабочих, после того, как они начнут строительство поселка на этом участке. Строительство начнется с клуба, школы, здания исполкома (совета) и кино. Что будет после того, как эти очаги пропаганды и угнетения будут построены, неизвестно. То-есть хорошо известно: будут построены еще дома для председателя, нескольких партийных надзирателей, для органов государственной безопасности. А вот, дойдет ли дело до постройки домов строителям — можно сомневаться. Такие примеры бывали... Строить будут, конечно, «в свободное от работы время», потому что от плана по рубке и вывозке леса строители освобождены не будут. Как они не избавляются от выполнения колхозных планов в России. Дома себе они должны строить «в свободное от работы время» и из материалов добытых «своими силами».

Среди сказок о том, как прекрасна будет жизнь в новых домах, какие цветы будут разведены в садах будущего колхоза, секретарь парторганизации показывает свои волчьи клыки: «а тесальщики у вас сегодня темп сбавили...» Ему сообщают, что тесальщики дают на круг по 120 болванок для колесных спиц

при норме в 80. Но ему мало. «Смотрите, чтобы вас на второе место не откинули. Дальше автор опять впадает в лирику: «слушаешь эту беседу и думаешь: вот представлял себе труд лесоруба — не легок, но и не сложен. Но выходит он совсем не прост, полон тонкостей, пытливых поисков, смелых решений и высокого искусства и вдохновенного мастерства». А секретарь продолжал свой слоеный пирог из обещаний счастья в будущем и выжимания соков в настоящем.

«Сегодня мы хороши, когда помним, что завтра нам надо будет работать по-другому»,

то-есть повышать темпы и увеличивать выработку.

Наконец, секретарь уехал, костер погас и лесорубам была предоставлена возможность немного поспать.

«... И тогда сквозь лесной сумрак стал различим некий свет. Вместе с дальним писком лесовозика долетала барабанная дробь, бухала. **Шла бессонная работа**». (Подчеркнуто мною Л. О.).

Зачем мирному и счастливому народу «бессонная» работа?! Зачем ему все эти лихорадочные темпы?

Затем, что советская власть боится, что она не успеет ограбить весь край дочиста и на долю народа что-нибудь да останется. Затем, чтобы люди не имели времени и сил подумать и сравнить свои ожидания от «освобождения» с тем, что они получили на самом деле. Затем, что советское правительство, где бы оно не появилось, не может руководить своими подданными иначе, как при помощи рабской системы.

Таковыми же темпами, с таким же соревнованием и все с той же стахановщиной происходят работы и на соляных копях и на угольных шахтах. Все в тех же тонах надзирателя над рабами рассказывает о них Сафонов. Ничего нового для тех, кто понимает советскую систему.

Вся книжка Сафонова пересыпана историческими справками. Все они сводятся к одному: Закарпатье — исконный русский край и оно всегда стремилось присоединиться к России. Но только теперь, при советской власти ему это удалось, и оно счастливо.

И тут он приводит одну из очаровательных легенд Закарпатья о колоколе Говерлы. Состоит она в том, что некий русский князь, который жил в городе на горе Говерла, приказал отлить серебряный колокол и повесить его на башне в городе. И всякий знал, что пока колокол звонит — жива свободная страна. Но потом враги напали на город в котором звонил волшебный колокол. Город разрушили и сожгли, но колокола достать не могли: ушел в землю. И не стало свободы Закарпатья.

Тут автор сообщает, что некие обстоятельства помешали ему дослушать сказку. И только в лесу при разговоре с одним лесорубом автор спросил: «что-ж, так и пропал серебряный колокол?» И получил довольно двусмысленный ответ: «Он звонит, — разве-ж не слышите? Як гудит! Вин кличе!»

Присоединившись к Советскому Союзу, крестьянство, по автору, немедленно бросилось в колхозы, как к пределу счастья, указанному партией большевиков. Но тут вылезают странные вещи.

«Колхозы возникли на всей закарпатской земле. В начале 1947 года новую жизнь избрали себе крестьяне Вышкова, Берегова, Среднего и Великих Лучек». Это на странице 114 происходило это великое тяготение в колхозы. А на страницах 115 и 116 дело принимает несколько иной оборот:

«В марте 1947 года коммунисты Великих Лучек Иван Шестак, Василий Король, Василий Попович, Михаил Ладани, Иван Воробец и другие — всего 12 человек, показали пример односельчанам, создали колхоз. Ему дали имя Ленина. С коммунистами в колхоз вступили всего 16 хозяйств».

Не очень-то односельчане следовали «примеру»!

«Мал колхоз был, но велика сила примера!»

«Артель, в которой было всего 16 семейств (значит, вступило то всего только **четыре хозяйства из односельчан!**) оказалась сильнее, чем остальные **2 тысячи** единоличных хозяйств. И крестьяне потянулись в артель. В конце года было уже 70 хозяйств колхозных».

Не очень то сильнее оказались колхозные хозяйства!

Арифметика — наука ясная.

«Тогда началась ожесточенная борьба кулаков с этим все еще крошечным, но со сказочной быстротой растущим силачем!»

Читать надо, конечно, так: и тогда началась борьба со всеми остальными 1900 хозяйствами, которые не хотели идти в колхозы. Каким образом добивались «сказочного роста» — всему миру теперь известно и повторять это незачем.

Повидимому, большую роль при сопротивлении населения коллективизации играло духовенство. Автор глухо только упоминает о «странных» проповедях, которые раздавались с амвонов церковью. И это же послужило поводом к уничтожению большинства духовенства.

«Важно и характерно, что недавним верховодам закарпатской деревни — газдам (кулакам), корчмарям, униатам-попам, не удалось сколько-нибудь заметно поколебать ни бедняков, ни

средняков в этом решении, внести рознь в их среду, переманить их к себе» и «Без боя эта группа не сдавалась, но она была обречена».

Вся уже известная политика расслоения населения и травливания одного слоя на другой, подкупа некоторых лиц фиктивными благами — все это применяется и в Закарпатье, как и во всех местах властвования большевиков. Лабораторное производство стахановцев, фиктивные рекорды, повышение их зарплаты, повышение их жизненного стандарта различными подачками, поездки избранных и проверенных в Москву, физкультурные достижения, премирование нужных людей домами и машинами и весь прочий ассортимент грязных и унижительных «отличий», которыми советская власть покупает себе «сторонников» — все это налицо. Нет сомнения в том, что методы борьбы с неугодными советской власти лицами, ничуть не отличаются в Закарпатье от тех, какими эта власть расправляется в России и в других «освобожденных» странах.

Во всем этом нет ничего нового и не стоило бы и говорить об этом: трагичное, от того, что его размазывают, не становится более трагичным, а скорее наоборот.

Но здесь кроется один из самых подлых замыслов советской власти, и он может ей удасться: это стремление превратить этот прекрасный, добрый и честный народ в наших злейших врагов. Во врагов русского народа, а не только советской власти. И не повернется язык упрекнуть их за это. Когда человека пытаются на дыбе — ему трудно быть справедливым. И это трагедия, потому что Закарпатье всегда было нашим большим и верным другом. Хотелось бы все-таки, чтобы и теперь, когда их рвут на части коммунистические волки в шкуре русских людей, хотелось бы чтобы их страдания не помешали им видеть истину. Тем более, что и мы русские страдаем не меньше их от тех же волков. Хотелось бы, чтобы Закарпатская Русь всегда оставалась другом России. И придет день, когда на Руси всплывет на поверхность Китеж Град, а в Закарпатье зазвонит голос колокола Говерлы.

М. Раскова. «Записки штурмана», 1951 год.

Автобиографическая повесть Героя Советского Союза Расковой, штурмана воздушных сил.

Интересно и живо написанная подлинная биография Героя Советского Союза. Биография исключительная, как и судьба. Но книга испорчена искренними и притворными lamentациями о

том, как ужасна была жизнь до революции, и какой прекрасной она стала при советской власти. В искренность этих lamentаций, конечно, поверить трудно, если задержать внимание на таких, например, строках:

«Евдокия Адриановна (учительница школы, в которой училась Марина), принимала активное участие в организации колхозов и с увлечением рассказывала нам, какая прекрасная жизнь настанет в стране, когда будет ликвидировано кулачество». и т. д.

«Под влиянием ее рассказов, я однажды построила у себя дома большой макет колхоза. Из раскрашенных картинок и картона я смастерила колхоз с молочной фермой, огородом, полями, домами. Я сама играла со своим «колхозом» и при этом разговаривала вслух, воображая себя колхозницей».

Не вяжется. Марина родилась в 1912 году (за пять лет до февральской революции», как она сама говорит). Коллективизация началась в конце 29 года. Но только в 30/31 годах в ней стали принимать участие учителя, студенты и прочий городской люд. То-есть после того, как выяснилось, что крестьяне итти в колхоз не хотят. Значит, в это время Марине было не менее 17-18 лет. Трудно себе представить, чтобы такая развитая и интеллигентная девушка, как Марина, кончившая уже среднюю школу, играла в колхоз и разговаривала сама с собой. Что она была далеко не инфантильна — совершенно ясно и из ее биографии, и из ее манеры писать и говорить. А вот, что она весьма ловкая партийка — это несомненно. И эти рассказы об играх с колхозом даны затем, чтобы мимоходом, незаметно, провести очередной заказ партии: представить колхозы делом изначальным, привычным для крестьян. И что сплошная коллективизация произошла на основании требований самого народа, всей его массы. А «кулаки», небольшая кучка, только срывали благое дело и мешали остальным крестьянам зажить «счастливой и зажиточной» жизнью. Этот мотив теперь проводится и в специальных книгах и «исследованиях» и мимоходом, как в данном случае.

Живо и интересно, только немного сбивчиво рассказывается в «Записках» об учебе в Аэронавигационной лаборатории, о полетах и особенно знаменитом полете самолета «Родина», когда три летчицы Гризодубова, Осипенко и Раскова установили рекорд на дальность. Марина во время вынужденной посадки должна была спрыгнуть на парашюте в тайгу, где и провела в одиночестве и почти без пищи 2 недели.

Книга была бы очень занимательной и интересной, если бы в ней было не так много казенной любви к товарищу Сталину и партии. А может быть эта любовь и не казенная, только выражается казенно. Ничего удивительного не было бы в этом, потому что Марина Раскова принадлежала к той знати, на которую и опирается советская власть. Причем это была одна из белых ворон этой знати по интеллигентности и способностям, а также и по преданности. Марина погибла во время войны в 41 году.

XV

«НАС ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН».

Н. Дубов. «Огни на реке».

Д. Холендро. «Горы в цвету».

«На сегодняшний день» то, что именуется «соцреализмом» в советской литературе — есть показ «идеального человека в идеальной жизни», которого выставляют, как существующего в действительности. «Идеальный человек» является просто просто, самым обыкновенным человеком, каковым он был, есть и будет в атмосфере свободы, и каким он не может быть ни в Советском Союзе, ни в странах сателлитах, ни в «свободном Китае», словом нигде, где люди живут под благодетельным солнцем сталинской конституции и коммунистической свободы.

Чем ближе к нашему времени, тем больше в советской литературе выводится «положительных типов», как писалось раньше в учебниках литературы. И иногда, они даны очень хорошо. Выписаны с любовью. Автор тщательно и кропотливо подмечает благородные черточки у живых людей и награждает ими своих героев и героинь. Таким образом, получается «сводный» положительный тип. Конечно, от этого несколько страдает «реализм». Здесь с неистребимой силой прорывается наружу усталость советских людей (и авторов в том числе) от материальной и моральной нищеты и грубости советской жизни. Вот автор и стремится уйти сам и увести читателя подальше от реальности в «мечту». Особенно удаётся молодежь и особенно девушки. И какой печалью звучат нотки истины, которые все же иногда прорываются у авторов. Например, невозможность у большей части молодежи учиться, невозможность личной романтической жизни и пр.

Повидимому, в Советском Союзе происходит катастрофическое огрубение нравов среди молодежи. Где уж там заниматься

тем, что в старые времена называлось «ухаживанием». Для этого требуется время, а главное, душевные и физические силы. А их то и не хватает. Для того, чтобы встречаться, исподволь узнавать друг друга, радостно отдаваться весне чувств — нужно непременно «слушать соловьев». А как могут юноши и девушки заниматься подобными «сентиментами», если они работают до полного изнеможения? Студенты и школьники, кроме учебы еще должны «добровольно» и «в свободное от учебы время» строить для себя общежития, дома для ударников и прочей знати; вся прочая молодежь должна восстанавливать производство, перестраивать и улучшать природу, рыть каналы и т. д. Кроме всего этого вся молодежь должна нести еще многие «культурные» нагрузки вроде слушания пропагандной жвачки и участвовать во всякого рода политических, экономических и прочих кампаниях. От всего этого душа не зацветет и не станет восприимчивой к «нежностям». А времени так и совсем не остается.

Но тяга к «соловьям», «черемухе» и «сентиментам» имеется. И чем труднее ее удовлетворять, тем она напряженнее. И это не только у масс, которых литература должна одурманить и распространить. Это и у самих одурманителей и пропагандистов. У авторов, и художников, и у актеров. И у всех, кто так или иначе может не агитировать, а влиять на души. Особенно у молодых. И вот в результате этой тяги к «мечте» и возникают романы, как «Горы в цвету» и такие «типы», как Марина, Женя и Андрей. Как высока эта «мечта» это дело уже другое. Другая тема. В эти «типы» вложена вся тоска советского человека по нежности, чистоте и радости первого чувства. Тоска по творческому труду и радости достижения. Автор и сам, не менее читателя, затуркан советским «раем», и он хочет из него куда-нибудь вырваться. Думается, что, если бы нашему автору позволили назвать роман так, как ему хочется, то он назвал бы его не «Горы в цвету», а «Жизнь, какой она должна быть». И тогда все стало бы на свои места, и автору не нужно было бы притягивать за волосы чувства «преданности и любви к вождю» и прочей противоестественной чепухи, как он это делает сейчас. А нам не надо было бы писать нашу рецензию так, как мы ее должны теперь писать. Но беда в том, что автора заставляют показывать, что советская молодежь и живет той жизнью, «какой она должна быть» и он «скрипя сердцем» пытается это делать. Надо отдать ему справедливость, что делает это он очень плохо. И по молодости и по прирожденному творческому чутью он не умеет еще создавать

свои «положительные и отрицательные» типы, как Олесь Гончар, сидя в кабинете: брать готовые штампы партийного заказа, надевать на эти манекены пошло-слащавую психологию того же заказа и получать за это премии. У Холендро есть живые люди в романе. Например, Женю Жукову мы знали, живя «там». Только она была не комсомолкой в колхозе, а беспартийной студенткой литфака. Таков же и Андрей. И такого мы знали. Он поехал строить Комсомольск на Амуре и вернулся оттуда не только, перестав быть в душе комсомольцем, но превратившись в заклятого врага советской власти. И если наша Женя была направлена в колхоз, да еще такой колхоз, она тоже перестала быть такой Женей, какую мы знали и какой автор хочет заставить ее остаться.

Есть два вида лжи в выполнении партийного заказа: у одних наглое вранье, а у Холендро и ему подобных «нас возвышающий обман».

В начале партийный заказ довольствовался самым грубым и наглым враньем. Затем партия решила использовать народные настроения в своих целях. И теперь она уже требует только возвышающего обмана, а вранье клеймит.

Роман Дм. Холендро «Горы в цвету» написан на трагическую тему переселения с Кубани кубанских колхозников на место выселенных татар. Переселенцы», как их официально называют — это «преступники» и «предатели». Преступление и предательство этих людей заключалось в том, что трусливая и бесстыдная власть заставила их остаться на милость наступающего врага, не дав им ни малейшей возможности к эвакуации. Люди остались. Терпели издевательства и грабеж от врагов, а когда пришли «свои», то объявили все население преступниками и стали сгонять его с насиженного места. Здесь, конечно, играло роль похмелье расправы с татарами. Табачные-то плантации и виноградники погибали, а вино и табак — валюта. Но так как советская власть «никогда не ошибается», то все экономические раны были переданы на излечение МГБ. Если оно справилось с «освоением» Севера с его золотом, мехами и лесом, то почему бы ему не справиться и с «освоением» Юга с его винами, фруктами и табаками. И оно справилось, а бедным авторам теперь приходится заметать следы научной работы этого «врачевателя».

Роман перекликается с другим романом не молодого и опытного писателя. «Счастье» Павленко написано на ту же тему. Но там чувствуется «опытная рука», а здесь молодое недюжинное

дарование, взятое в тиски партийным заказом и всей тюремной «педагогикой» советской власти.

Дм. Холендро выходит из своего тяжелого положения очень просто: он замкнулся в «слоновой башне» отрешенности от реального мира и, взяв за основу пейзажные и метеорологические красоты Крыма, разводит на них свою прекрасную мозаику «жизни, какой она должна быть». Местами, получается очень хорошо. Тем более, что он любит природу и чувствует ее. У него, например, «от укропа летом пахнет».

Советский писатель, прекрасно понимая всю **невозможность психологического** пейзажа, даваемого автором, вместе с ним замыкается в эту же самую «слоновую башню», не подозревая, что он идет «на поводу у буржуазного эстетизма».

Что ж, хорошо нам здесь, сидя у демократических преддверий, разбираться в «психологических и политических» ошибках автора. А дай Бог, и ему и его читателю, хотя бы на миг забыть страшную действительность и хоть чуточку отдохнуть от нее!

Да здравствуют советские авторы, проповедующие «нас возвышающий обман!»

Н. Дубов. «Огни на реке». (Повесть). «Новый Мир» № 3. 1952 г.

Положительные герои и человеческие чувства в советской литературе уже окончательно завоевали себе твердое положение. Злодеи и вредители стали пережитком прошлого, и наступило всеобщее и полное совершенство.

В повести Николая Дубова социальный заказ проводится весьма закамуфлированно. Состоит он в том, чтобы показать, как под влиянием среды перековываются детские характеры. Причем среда здесь не «заедает», как это было в прошлом, наоборот, мягко, без всякого принуждения и нажима — исправляет. И даже не исправляет, потому что исправлять нечего. Среда эта деликатно направляет немного сбившегося с пути ребенка. А с пути он сбился потому что был подвержен влиянию дурного коллектива.

***

Итак, главная тема: воспитывающее и направляющее влияние настоящего коммунистического коллектива на характер и поведение ребенка.

Подтема: городская жизнь и городской коллектив не соответствуют требованиям настоящего времени, не стоят на должной воспитательной высоте.

В повести показывается разница между пионером городским и пионером деревни.

В городе все влияния бесплодные, опустошающие; в деревне, наоборот, насыщенные полезным, нужным и правильным. В повести даны дети. Живые, прекрасные дети, с детскими потребностями, с детскими стремлениями к романтике, к приключениям, к утверждению своей детской личности.

Как и всякая «педагогическая» повесть она показывает «хороших» мальчиков и девочек.

Хороши описания природы, хороши описания рыбной ловли, хороши описания отношений между детьми и детей к взрослым.

Но все это немедленно исчезает, как только читатель представит себе с полной отчетливостью подлинную, а не выдуманную автором, жизнь в Советском Союзе.

Жизнь показана фальшивая, и дети показаны, конечно, фальшивыми, потому что в той действительности, в которой дети находятся, они не могут быть такими, какими они выведены. Но они живые настоящие дети, которые, если бы попали в обстановку свободы, в обстановку общую для детей всего мира — они были бы именно такими, какими их показывает автор.

Советские дети в данное время и грубы и озорны, но вся их грубость и озорство вытекают не из того, что им нечего делать, не от того, что грубость заложена в них, а потому что они живут в обстановке непереносимой даже и для взрослых, не только для детей. И их грубость есть такая же сублимация протеста, как у взрослых, скажем, пьянство.

Дети несут непосильные тяжести и живут в полной и абсолютной нищете.

Нюра — тараторка, живая, как огонь, подчас даже озорная девочка и прелестный в сущности подросток. Какова же ее жизнь, да и других детей?

Возьмем Нюру — несмотря на все вуали, которыми автор старается закрыть действительность — она работает, как вол. А ведь ей нет и 14-ти лет. Она ведет хозяйство, хотя и немудреное, но все же, ей нужно и убрать, и покормить отца и себя, сбегать за несколько километров в деревню в школу. Она несет разные пионерские нагрузки и она же помогает колхозу, как им теперь вечно помогают все.

В повести все это преподносится вроде веселой забавы, но на самом-то деле, конечно, Нюре совсем не до забав. Но в этой девочке несомненно вырабатывается и чувство долга, и чувство ответственности. Она понимает, что она должна работать честно, иначе и она и ее вдовый отец погибнут. И она тянет непосильную лямку. А поставьте этого ребенка в человеческие условия. дайте ей хотя бы немного детства, а не каторги, и она будет именно такой девочкой, какой ее рисует автор.

Теперь мальчики: Костя — городской и Миша и Тимофей — деревенские. Костя показан как расхлябанный интеллигент, неспособный ни к чему путному. Но в этом виновата прежде всего его семья, то-есть мать, так как отца нет. (Между прочим, в советских романах все чаще и чаще показываются однобокие семьи. Или отца или матери нет. Чаще отца).

Костина мать санитарный врач. Она бестолково любит своего сына, трясется над ним, как наседка, допекает его глупыми нравоучениями, но в то же время совершенно не умеет воспитать в нем ни чувства долга, ни чувства ответственности. Дома он ленив и груб, хотя в школе учится хорошо. У него есть младшая сестренка, но он никогда ею не занимается, никогда не поможет матери по хозяйству. Его герои и примеры для подражания — знаменитые футболисты и прочие спортсмены. То-есть народ в жизни, собственно говоря, никчемный. И вот, этого мальчика мать должна отправить к своему брату — бакенщику, отцу Нюры, так как она получила срочную командировку на строительство в Каховку, как санитарный врач. Дочку она пристраивает к соседке. (Замечательная забота партии и правительства о матери и детях: мать отправляется в командировку, несмотря на то, что ей некуда девать детей. Положение отчасти спасает соседка). Срочная командировка дана автором для дальнейшего развития повести. Но, повидимому, это дело обычное — посылать родителей на «великие стройки коммунизма», оставляя детей без надзора.

И вот этот городской, расхлябанный мальчик, хотя и пионер, попадает в крепко спаянный коллектив деревенских пионеров. Тут всякий знает, как, где и чем он должен помогать партии и правительству. Миша, например, с другими четверья мальчиками его возраста — 11-12 лет, работает на узловой колхозной радиостанции и дети уже могут нести ночные дежурства. Медлительный и тяжелодум Тимофей — мичуринец. Он восстанавливает погибшие от войны и морозов сады. И это не детская забава.

Это настоящая и ответственная работа. Работа для взрослых. Он увлечен этой работой тоже, как взрослый.

Помимо всех этих постоянных нагрузок, дети еще получают срочные задания вроде как нарубить полутоннажную машину ивы для плетней. Нарубить они должны за один день. Работа происходит с утра до вечера с маленьким перерывом на обед. Значит, работать надо без дураков и без учета детских сил. И хотя автор старается и эту каторгу расписать, как забаву, удается это ему плохо.

Костя тоже принимает участие в работах пионерского отряда колхозов, потому что ему неловко оставаться в стороне от общего рабочего энтузиазма. Он ежеминутно, на примерах своих новых друзей, убеждается в своей практической беспомощности и бесполезности. Единственно в чем он превосходит своих новых друзей — нырянье. То-есть вещь тоже бесполезная.

Но понемногу, под влиянием коллектива, Костя начинает приобретать полезные навыки. И даже в утешение ему, автор позволяет ему на рыбалке поймать щуку, такой величины, которая не ловилась даже самим его дядей.

Но окончательная перековка происходит во время бури на Днепре, когда волной разбило бакен на самом ответственном месте и дядя должен ехать его восстановить. Конечно, дядя поранил руку и не может грести. Костя вызывается ему помогать, но несмотря на то, что он очень боится, конечно, они благополучно восстанавливают бакен и, конечно, Костя начинает понимать свое недостойное поведение по отношению к матери и сестренке. И уезжает домой переменившимся в самую что ни есть прекрасную сторону. Все это, конечно, надумано, все это самая бессовестная ложь и циничная попытка покрасить в розовую краску гнусную эксплуатацию детского труда и детских сил. Но нас интересует не это, давно уже всем известное. Нас интересуют сами герои.

Там, где автор может переносить своих героев в реальную обстановку, например, на рыбалку на острове, там и автор и герои звучат вполне убедительно. Дети есть дети. И ловля рыбы на необитаемом острове, хотя этот остров и находится в полуверсте от жилья — вещь весьма увлекательная. А особенно, если к этому прибавить и то, что автор позволил своим героям из пойманной рыбы сварить уху и самим ее съесть, не заставил их жертвовать ее, скажем, в детский сад или ударникам прополки, — делает эти страницы совсем превосходными. Читатель с непре-

ложной ясностью ощущает, что автор и сам рад выбраться с детьми на безответственную рыбалку и хотя бы на двух страницах отдохнуть от учебно-показательного сюсюка.

И вот тут-то мы и можем увидеть реальных советских детей в реальной советской обстановке. Тут и задор и соревнование, кто наловит больше рыбы, тут и скрываемая, под видом равнодушия, зависть к Косте, поймавшему огромную щуку, тут и охотничий азарт самого Кости. И все это дано вполне реалистически безо всякого «соцреализма». Просто, автор зарисовал страничку детской жизни, так как он ее наблюдал. И эта страничка для нас драгоценна. Она показывает нам живых реальных детей. И дети, дай Бог всякому.

Что выйдет из этих детей когда они вырастут, мы сказать, конечно, не можем. Можем только предположить, что положительный Тимофей легко сможет стать «мичуринцем» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Со всей ложью, очковтирательством и лицемерием. Что Миша — радист, может стать типичным советским инженером, который будет утешать себя тем, что «он честно делает свое дело», а остальное все не от него зависит. Но мы также можем предположить, что из бурной Ньюры получится отнюдь не активистка и нерассуждающая раба режима, а что она непременно влипнет в какую-нибудь историю и окончит свои дни где-нибудь в лагере или в тюрьме. И Костя тоже если и будет тянуть лямку «затрущенного интеллигента», то не как покорный раб, а как сознающий свое рабство несчастный человек. Косте прямая дорога во «внутренние эмигранты».

Может быть все это будет и не так, но автор не сумел скрыть от нас разнообразие характеров детей, которых он списал несомненно с натуры. И вот, если советская власть не падет до того, как дети превратятся во взрослых, наш прогноз их будущей судьбы имеет основания. Если же власть не падет, но до них дойдет свободный ветер борьбы за освобождение — можно с уверенностью сказать, что все эти дети окажутся активными врагами советской власти.

XVI

В. Герасимова. «Байдарские ворота».

М. Шаронова. «Милочка».

А. Андреев. «Широкое течение».

Рассказы 1955 г.

В книжке Валерии Герасимовой «Сверстницы» интересна только повесть «Байдарские ворота». В ней рассказывается о судьбе советских девушек, сестер Куроченковых, Ольги и Леночки. Леночка — беленькая красавица. Принимает жизнь, как она есть, не задумывается над сложными вопросами. Ольга — черненькая. С первого взгляда и незаметная будто. Но всмотреться, — пожалуй красивее Леночки. Она любит пофилософствовать и покритиковать. Она ищет чего то особенного. «Всего мира», по ее выражению. Автор разрешает ей даже усомниться в истине материализма. Ольгу, как она выражается, отталкивает все полезное. Словом, Ольга — это пушкинская Татьяна, а Леночка — Ольга. И Онегин имеется в лице полковника Махотина. Ольга влюбляется в полковника с первого взгляда и полуобъясняется в любви. А полковник читает ей нравоучение, но не по Пушкину, а по Марксу и по курсу ВКП(б).

Сестры живут в маленьком городке в Крыму. Они сироты и живут с теткой. Правительство выплачивает девушкам приличную сумму до окончания ими высшего образования, как детям агронома. Правительство же дало им и домик с хорошим садом и землей под огород и цветник. Все это, конечно, вранье. Никаким детям простых агрономов правительство Советского Союза никаких домов с садами, огородами и цветниками не дает. Рассказы о радостной и беззаботной жизни советских девушек в повести «Байдарские ворота» — ложь. Автор уверяет, что тетка героинь работает кастеляншей в санатории, успевает собственноручно обрабатывать сад, и огород, и цветник, вести все домашнее хозяйство, и остается веселой и бодрой, как будто у нее нет другого дела, кроме печения вкусных пирогов. Если она делает все

это, то конечно, она похожа не на радушную веселую тетушку, а на заезженную клячу.

И таких школьных балов, какие описывает автор, в Советском Союзе быть не может. И никакая советская девушка, если она в здравом уме, не станет мало знакомому полковнику критиковать материализм. А если она это сделает, то полковник не ограничится онегинским внушением, а примет меры.

Автор занимается сочинительством в соответствии с требованиями партийного заказа.

Начинается война. Крым занят немцами. Все население эвакуируется. Остаются только больные и умирающие. Тетка заболевает и Леночка и Ольга остаются с нею. Немцы расстреливают евреев и интеллигенцию. Тут у автора неувязка. Значит, кто-то кроме больных еще оставался. Даже евреи. И это несмотря на всю пропаганду о Гитлере. И это особенно показательно. Значит, доверия советская пропаганда не вызывала, если даже и евреи оставались. Сестры сначала прячутся от немцев. Потом, к изумлению тетки, резко меняют свое поведение. Их домик занят комендантом города и Леночка даже поступает к нему в кухарки. В городе начинаются пожары, взрывы и другие акты саботажа. Немцы долго не могут найти виновников. Но потом арестовывают Ольгу и Леночку. Оказывается, они обе работали с партизанами и выполняли их задания. Леночку замучивает Гестапо, Ольга погибает, как солдат, отстреливаясь от немецких полицейских.

Такие девушки, как сестры Куроченковы были и во время войны, есть они и сейчас в Советском Союзе. Они отдавали свои жизни, борясь с врагом родины. Немцы увозили в рабство советскую молодежь. Оставшаяся молодежь отдавала свои жизни в борьбе за свободу. А вместо свободы русская молодежь, вернувшаяся из немецкого рабства, попала в лагеря. Но это были уже лагеря свои. Советские. Большевики сделали из крови Леночек и Ольг цемент для укрепления своей власти. Советская власть, удержавшись благодаря таким, как Ольга и Леночка, выселила, расстреляла или замучила все коренное население Крыма. Крыма, который так любили Леночка и Ольга. Советская власть превратила потом этот любимый Крым в место ссылки для кубанских и донских колхозников. Не за это умирали Леночки и Ольги. Глубоко преклоняясь перед их героизмом, нельзя не скорбеть, что он принес такие плоды.

Повесть «Байдарские ворота» написана затем, чтобы современная молодежь, читая о героизме сестер Куроченковых, сама зажигалась бы их героизмом.

Повесть «Байдарские ворота» написана затем, чтобы по заданию партии показать, что все население, оставшееся на занятой немцами территории, боролось с немцами, отстаивая не Родину, а партию и Сталина. Повесть написана затем, чтобы по заданию партии фальсифицировать историю военных лет.

«Байдарские ворота» еще один пример невозможности советским авторам быть честными со своими героями. Герои, будучи прекрасными людьми, или совершают злые дела, как во многих других произведениях, или же они героически погибают за недостойные цели, как в повести Валерии Герасимовой.

М. Шаронова. «Милочка». Пьеса. «Знамя» № 6, 1953 г.

Три поколения русских (не советских) женщин. Бабушка, мать и внучка. Бабушка здесь дана живая и реальная, только автор навязывает ей фальшивую функцию носительницы коммунистических идей и любви и преданности советской власти. Но эта функция привешена к ней механически и не мешает ей быть простой бабушкой.

Мать уже посложнее. Продукт советского воспитания — родилась вместе с революцией или даже после нее. Училась в педтехникуме и поступила в пединститут. Но там проучилась всего три месяца и вышла замуж за студента. Студент окончил институт, стал инженером и потом директором завода. Конечно, партийный. Получает большую зарплату, квартиру и все прочие блага, предоставленные властью своим функционерам и своей опоре. Роль его в пьесе незначительная, «для фона». Но все же ясно, что он эгоист. Он заставил жену выйти из института, во всяком случае, этому не препятствовал и принимал как должное то, что его жена обеспечивала ему «условия учебы» в виде уюта в квартире, завтраков и обедов и прочего. Окончив институт он болтался по всяческим стройкам на окраинах Союза и таскал за собой жену. В общем, она была в полном смысле «домашняя хозяйка», и это его вполне устраивало.

Жена привыкла к положению домашней хозяйки, так как она была простая нормальная женщина, что называется, обывательница, то-есть типичный образец современной городской женщи-

ны среднего класса. С повышением заработков мужа и ее требования к обывательскому уюту стали повышаться.

Она любит хорошо одеться, любит хорошую квартиру, посуду, парикмахерскую, словом все то, что любит всякая нормальная женщина во всем мире и чего лишены почти все женщины Советского Союза. Она умеет поставить дом, одеться. Обычно во всем нормальном мире эти качества считаются достоинством в женщине и только в Советском Союзе — они пороки.

Впрочем, они даже требуются от современной советской женщины в теории. На практике же она должна совмещать в себе еще и качества ударницы и стахановки. И в современных романах и совмещает. На страницах романов мы видим шахтерок и доярок, ничем не отличающихся от городских модниц по виду и от студенток по содержанию. Современная советская женщина на страницах романов ухитряется и перевыполнять нормы каменщиц и грузчиц, быть табунщицей, уметь играть на пианино, петь, танцевать, знать «науки и искусства» и быть примерной и образцовой хозяйкой и воспитательницей детей. Все это поощряется и требуется. Но только при непрременном условии перевыполнения плана и несения общественных, партийных и прочих нагрузок. Если же женщина становится «однобокой», то-есть успевает или только выполнять план или быть только женой, матерью и хозяйкой — она неполноценный член общества.

Дочь. Ученица 9-го класса. Комсомолка. Блестяще одаренная, в области наук и искусств: поет, танцует в балете, играет на скрипке. Красавица. Все дано для счастья, для блестящей жизни. А вот счастья-то и нет. В чем дело?

Отец, став директором, перестал почти совсем заниматься женой, вечно на рабочей директорской каторге или на каторге политпросвещения и партнагрузок. Жена предъявляет нормальные требования. Ей хочется иметь мужа и семьянина, а не партийного жильца на полном пансионе. Дочери хочется иметь отца. Домашние сцены, упреки. Дочь любит и отца и мать и находится между ними, как между молотом и наковальней. Но она слишком горда, чтобы показать, что неполадки между родителями ее трогают. Она перестает учиться, отрывается сначала от школьного коллектива, а потом и от комсомола. Отец хочет уехать из Москвы, чтобы пополнить свою практику, мать же ни за что не желает уезжать в провинцию. Отец не уезжает только из-за дочери, которой он гордится, главным образом за то, что дочь отличница. Для поощрения ее успехов, он дарит ей золотые

вещи. И вообще свою любовь выражает, главным образом, в денежных единицах. Дочь избалована, как материально отцом, так и морально матерью и бабушкой. Мать поощряет в ней легкомыслие, кокетство, бабушка — лень и распущенность в быту, отец — тщеславие. Наступает кризис. Дочь получила несколько двоек, но так как она боится, что отец уедет и «вообще перестанет ее любить», подделывает учебный табель. Дело вскрывается, разбирается на комсомольском бюро школы. Людмила признается во всем отцу и уезжает с ним в провинцию.

Это сюжет пьесы.

Дело как будто-бы обыкновенное. Разлад в семье среднего сословия, сказали бы мы в прошлом. Но в условиях советского режима — дело не только не простое, а весьма и весьма тревожное для советской власти.

Если принять во внимание, что на все настоящие, а не выдуманные проблемы советской жизни наложено самое строжайшее табу, появление этой пьесы в печати весьма показательно.

Пьеса написана учительницей. По ее уверениям в предисловии — «с натуры». Плод долгих наблюдений над детьми и родителями. Но семья-то показана **партийная**, типичная партийная семья в Советском Союзе. Беспартийные семьи и все вообще беспартийное население, как известно не имеет места в советской литературе. Из беспартийных в ней разрешено преуспевать только дошкольникам, пока они не стали пионерами, и дедам и бабушкам, которые не будучи формально членами коммунистической партии, служат ее столпами.

Все участники пьесы, кроме бабушки, выросли и воспитались при советской власти, самой этой властью и вот к чему привело это воспитание. Особенно тревожные признаки проявляет дочка. Современная молодая комсомолка. Она доходит до того, что на бюро комсомола заявляет: «где я хочу учиться — это мое личное дело». Это после стольких лет вдалбливания ей в голову в пионерах, а потом в комсомоле, что личных дел у советского человека нет и быть не может, что учеба и работа и поведение с женой или возлюбленной, дела общие, а не личные! Это прямо бунт против обобществления личности, против превалирования коллектива. И это после тридцати лет непрерывных прививок коллективистической вакцины человеческой душе! Как же не тревожный признак? И если уж на эти темы пишутся пьесы, то дело с коллективом, повидимому, совсем швах.

Пусть Милочка по пьесе исправляется, «сознает свои ошибки». Это обязательный советский хэппи энд. Но мы-то знаем, что если бы Милочка была только случайностью, то о ней не стали бы писать пьес. Значит, таких Милочек много и они, конечно, покаившись внешне, внутренне «не признают своих ошибок».

Милочка бунтует. Мы не знаем, списан ли этот бунт с природы или натура претерпела некоторые существенные изменения под рукой партийной или беспартийной большевички Шароновой. Что дети бунтуют — это факт, засвидетельствованный советскими писателями. Но что их бунт всегда означает уход в «разложение» — в этом позволительно усомниться. Правды об этом советские писатели не скажут. Во всяком случае ясно: партийная семья трещит по всем швам. Со «сменой» у большевиков дело обстоит плохо.

Александр Андреев «Широкое течение». Роман. «Октябрь»,
№№ 1 и 2 январь и февраль 1953 г.

Тема романа — драма отцов и детей, взята на вооружение советской пропагандой и, несомненно, таких романов в ближайшее время появятся десятки. Люся Костромина, дочь инженера кузнечного цеха, начинает свою роль в романе в качестве беспартийной легкомысленной девушки. Она интересуется только вечеринками, танцами, театрами и вообще развлечениями. Мать ей во всем потакает. Отец огорчен ее поведением, но смотрит на него сквозь пальцы. Но вот оказывается, что Люся так разгневалась что не выдержала испытаний в институт. Тут отец берется за нее всерьез и заставляет поступить на работу в свой кузнечный цех контролером. В кузнице Люся перековывается, с благоговейным трепетом вступает в комсомол и становится полноценным членом социалистического общества.

В коммунистической пропаганде всегда есть задняя мысль. И дело вовсе не в том, что в СССР существуют легкомысленные девушки и примерные отцы. Проблема отцов и детей не случайна. Случайными вещами советским авторам заниматься не полагается. Дело в той пропасти, которая разверзается между партийными отцами и детьми. Дети не верят и не хотят верить в светлое будущее коммунизма. Да и невозможно в него верить после страшного опыта тридцати шести лет. Освобождение детей от гипноза коммунистической пропаганды есть массовое явление.

Власть борется с ним всякими способами, в том числе и литературными.

Проблема отцов и детей вечна. Но у советских авторов она становится на голову. Не дети открывают новые пути и смело вступают на них, иногда в остром конфликте с родителями, а отцы знают верные пути и увлекают на них заблудших детей.

Конечно, совершенная неправда, что дети уходят от марксизма-ленинизма только в танцульки. Автор пытается показать, что никакого выхода из коммунизма, кроме морально-бытового разложения — нет. И здесь действительная проблема подменяется фальсификацией. Легкомысленные Люси существуют, но не в них проблема, а в массе юношей и девушек, которые уходят от коммунизма в новый идейный мир. И вернуть их на путь беззаветной преданности товарищу Сталину или коллективному руководству — дело явно безнадежное. Только в романах, состряпанных по правилам социального заказа, коммунистические отцы торжествуют над детьми, а в жизни все происходит как-раз наоборот.

В романе «Широкое течение» есть и еще одна ложь. Отец Люси, повидимому беспартийный. Но в беспартийной среде родители не огорчаются, если дети уходят от марксизма. Однако, автор должен делать вид, что он верит в глупый миф о морально-политическом единстве советского народа, т. е. о том, что в Советском Союзе все большевики, только одни партийные, а другие беспартийные.

Кроме перевоспитания в романе «Широкое течение» есть еще и любовь. Инженер Таня и кузнец Антон Карнилин любят друг друга. Но не так, как все добрые люди по правилу: не по хорошу мил, а по милу хорош, а потому что Антон стахановец, а она — идеальный партийный работник.

Роман «Широкое течение» написан погонялой. Погоняла подхлестывает молодежь, изнемогающую на каторжном труде. На труде нужном не для народа, а для коммунистических эксплуататоров. Но этого мало. Александр Андреев в романе «Широкое течение» хочет убедить читателей, что труд — это не каторга, а сплошное удовольствие. Беда только в том, что этого труда мало. Но зачем же существует стахановщина и соцсоревнование, как не за тем, чтобы довести размеры труда до такого предела, за которым люди начинают задыхаться от счастья? Тогда можно дозволить и любовь, при том, разумеется, условии, что любовь будет способствовать дальнейшему повышению темпов производства.

Типичные, серые, с редкими проблесками некоторой занимательности советские рассказы. Но двум из них повезло: они привлекли внимание критики, и вокруг них возник некоторый шум.

Первый рассказ — это «Митрич» Троепольского. Митрич — колхозный дед. Таких колхозных дедов и бабок советская литература знает несметное количество. Это деды, знающие сельское хозяйство и свой колхоз до тонкости, и отличающиеся беззаветной преданностью делу коммунизма. (Не так давно говорили: делу Ленина-Сталина, но эта формула явно устарела).

Митрич — типичный колхозный дед — полон энтузиазма. Но жизненный путь его не усыпан розами: например, когда новый агроном, назначенный в колхоз Митрича спрашивает о нем председателя сельсовета, то тот отвечает: «контра чистая ваш Митрич», «во всех мероприятиях контра».

— Кулак?

— Если бы кулак — раскулачили бы. Не придерешься, а контра.

«Контра» Митрича заключается в том, что колхоз Митрича страдает от бюрократической косности, насажденной Сталиным и его приспешниками, а Митрич с этой косностью самоотверженно борется. В этом Митрич не оригинален: все колхозные литературные деды всю жизнь так поступают. Они все режут правдую матку, бывают за это всегда гонимы, а потом премированы. Этого требует и социальный заказ и законы разворачивания литературного сюжета.

Оригинальность Митрича заключается не в том, что он критикует, а в том, что он критикует. Он критикует «планирование сверху». Он мужественно открывает такие изумительные истины, как то, что нельзя сеять неподходящие ни к почве, ни к климату родного колхоза культуры только потому, что так запланировано сверху бюрократами. Идея эта не сталинская, а хрущевская. Теперь приказано критиковать планирование сверху, и Митрич бесстрашно критикует. В литературу все эти Митричи приходят с опозданием и критикуют задним числом. А попробовал бы Митрич критикнуть своевременно и критикнуть, например, кукурузный план Хрущева! Или целину! Он это и сделает непременно, но только тогда, когда партия признает эти планы вредными и прикажет их критиковать.

В «Митриче» кое-кто за границей усмотрел признаки «оттепели». Это глубокое заблуждение: «Митрич» обычное литературное упражнение, проникнутое рабской партийной добродетелью, а никакая не «оттепель».

Второй рассказ — это «Ненужная слава» Сергея Воронина.

В нем рисуется практика советского выдвигенчества. Рисуется довольно правдивыми чертами. Трудно понять, осуждает ли автор самый институт выдвигенчества или он хочет, чтобы плохое выдвигенчество было заменено хорошим.

Жила-была показательная доярка Катюша. Перевыполняла планы надоя молока и получала премии и даже ордена. Секретарю обкома захотелось иметь собственную социалистическую героиню в области, и случай ему показался подходящим. Катюшу выдвинули в председатели колхоза. (Здесь не мешает обратиться к «Очеркам большевизмоведения», к главе «Советское общество» отдел второй «Привилегированный слой советского общества. Декоративная, политическая и деловая знать». Стр. 145).

Дело у Катюши сразу же пошло на лад, и не мудрено. Начальство было всегда готово поддержать героиню. Понадобилась ей ссуда деньгами или фуражем для скота — пожалуйста. Вздумала она устроить в колхозе маслобойный завод, ей немедленно пришли на помощь из обкома, и завод был устроен.

На этом заводе стоит остановиться. Собственно, никакого завода и не было, а просто к коровнику пристроили чуланчик, а в чуланчике поставили два сепаратора. Это было чуть ли не в каждой царской деревне, либо у «кулака», либо, благодаря сельскохозяйственной кооперации, у населения. Из производственного пафоса «Ненужной славы» можно безошибочно заключить, что такие, с позволения сказать, заводы очень редки в колхозной деревне. Это полезная сторона советской литературы — она всегда предательница советского режима: она нет—нет, да и проговорится о действительной жизни колхоза или вообще советского населения. Апологеты советской власти, вдруг, невзначай, скажут правду и всякий раз — правда эта свидетельство против советской власти.

Итак, Катюша идет в гору. Но заниматься ей делом колхоза некогда. Конференции в области, поездки в Москву, на совещания ударников и энтузиастов сельского хозяйства, поездки за границу (в страны народной демократии. Например, Катюша ездила в Закарпатье). За нее кто-то писал брошюру о методах руководства колхозом и ей давали на подпись уже сверстанную

корректуру. Катюша горда и счастлива. Она типичный образчик декоративной советской знати и нарисована очень недурно.

Все это было бы хорошо и нужно, если бы теперь КПСС отказалась от новой декоративной знати и предала бы все забвению. Но КПСС требует новой своей знати, и по существу ничего не изменилось. Теперь эта знать вербуетя на целине или еще на каких-то, вероятно, нам неизвестных, объектах. Но принцип остается тем же.

Автор уверяет, что пока Катюша блистала на верхах, колхоз по причине председательского невнимания попал в число отстающих. Это, конечно, вздор. Хороших председателей не бывает. Всякий председатель враг трудового народа. И в отстающие колхозы попадают не потому, что имеют несимпатичных с партийной точки зрения председателей. Это уже — творимая коммунистами легенда, т. е. попросту говоря — социальный заказ.

У Катюши есть муж. Капитан советской армии в запасе. Теперь рядовой колхозник и идейный коммунист.

Фигура не случайная и в пропагандном хозяйстве не бесполезная. Повидимому, много капитанов в СССР, которые тянут колхозную лямку.

Советское отечество, повидимому, находит, что это совсем не плохая форма награды за их военные подвиги. Вот советские беллетристы и выводят их не только в качестве людей совершенно удовлетворенных своим социальным положением, вроде мужа Катюши, который с энтузиазмом вывозит навоз на колхозные поля, но и прямо счастливых. В самом деле: провести вывоз навоза или план уборочной в сжатые сроки — чего еще можно желать для себя боевому капитану? Особенно, если он заграницей видал нищенское положение народов Европы.

Счастье боевого капитана отравлено только тем, что жена его неудержимо катится вниз по скользкой дорожке зазнайства, самодовольства и бытового разложения. Он пытается ее так и сяк удержать, всячески ей «сигнализирует». Результат — нулевой. И учебно-показательный коммунистический муж, строитель коммунизма, покидает свою жену.

Вся эта писательская халтура ничуть не нова. Она процветала в сталинские времена, процветает и в хрущевские. Может быть и в самом деле в СССР начинается закат выдвигенчества, и рассказ Воронина — симптом. Это, конечно, не плохо. Но никакой «оттепели» и никакого просвета для русского народа «Ненужная слава» не обозначает.

XVII

ИЗ ТРЕХ ТЕТРАДЕЙ.

С. Чекмарев. «Новый Мир», январь, 1956 г.

В. Дудинцев. «Не хлебом единым».

При чтении этих тетрадей невозможно отделаться от мысли, что это фальшивка, приспособленная к потребностям дня. В них совершенно ясно дано отношение КПСС к целине и к тем, кто на ней должны отбывать каторгу.

Из предисловия редакции видно, к кому обращены эти «тетради»: «Дорогие друзья, комсомольцы целинных земель, цвет молодежи, вы, чей вдохновенный подвиг оживил пустующие просторы далеких степей; товарищи студенты, думающие о своей дороге в жизни, о своем участии в ней, жаждущие настоящего дела во славу Родины;

дорогие друзья, собирающиеся в эти дни на Третье Всесоюзное совещание молодых писателей и те, которые только еще берутся за перо, мечтая о своей дороге в литературе;

все, чьи сердца обращены к труду, к творчеству, к действию, должны знать об этой жизни, ставшей поэзией, ставшей жизнью».

Дальше следует довольно неправдоподобный рассказ о том, что в редакцию были присланы «три тетради» неизвестного автора. Рукописи эти, видите ли, пролежали в семье автора с 1933 года и только вот теперь, как-раз к целинной каторге, брат автора решил прислать их в редакцию.

Биография автора такова: родился в 1910 году, учился в средней школе в Москве. Был пионером, комсомольцем, бегал на литературные вечера, любил Маяковского. В 1929 году поступил в сельскохозяйственный институт (какой, не указано), был активным студентом, на втором курсе стал заместителем редактора печатной институтской газеты. Ездил на практику в деревню, «полюбил» ее.

Здесь мы должны остановиться. Если это не вымышленная личность, то как мог молодой человек, с молодыми увлечениями, со стремлением ко всему доброму, что бывает в юности, как он мог «полюбить» деревню 29-30 годов?! Ведь это годы коллективизации, годы самой страшной трагедии, какую только переживал народ. Как мог он, ну, скажем, не покончить с собой, что делали тогда партийцы, не утонченные поэты, а прожженные бойцы за коммунизм, которые за него «проливали кровь». И вот они не «полюбили» коллективизируемую деревню, а стрелялись сами и стреляли перед этим вот в таких поэтов. Это было явлением, если не массовым в те годы, то совершенно обыкновенным. Если же такой студент-комсомолец существовал на самом деле, то он не поэт, а жестокое чудовище, порожденное грубой идеей коммунизма. Одно дело разводить теории о социализме в аудитории, а другое — проводить эти бесчеловечные теории в жизнь. А Чекмареву, если он в самом деле ездил на практику в деревню во время коллективизации, необходимо было проводить эти теории в жизнь.

Закончилась эта молодая поэтическая жизнь, по сообщению редакции, так, как и полагалось по законам того времени. Здесь авторы фальшивки (если мы не ошибаемся, это фальшивка) отдали дань не соц., а просто реализму. Герой наш был убит ударом в висок. «Судебная экспертиза установила, что смерть последовала от удара в висок». Ударил ли его перевернувшаяся при переезде вброд через речку повозка или вооруженная чем-то рука врага, сводившая счеты с молодым зоотехником-комсомольцем, осталось тайной.

Хочется думать, что в гибели Сергея Чекмарева повинен не слепой случай, а разумная человеческая воля. Дело могло произойти так. Идет эдакий счастливый колхозник по цветущим колхозным полям, а шкворень припас заранее на всякий случай. Идет ему навстречу юный поэтический Чекмарев. Остальное понятно. Шкворень, как и обрез, в те страшные годы играл не малую роль в борьбе коллективизируемой деревни с красными башибузуками.

Перейдем к существу тетрадей. Достаточно привести только один отрывок из студенческого стихотворения «Один к одному»:

... По сизому небу
    плывут облака,
Корова
    жует и думает:

Сердитые люди отняли телка;
В овсяной соломе мало белка,
И жизнь моя очень угрюмая...

Вот, видите ли коровья жизнь была очень угрюмая, и корова страдает от того, что у нее отняли телка и в овсяной соломе мало белка. А как же поэт не видел тех матерей, от которых отрывали детей? И сколько белка было в том навозе, который матери во время коллективизации варили в горшках и им кормили своих детей? Это факты, и все, кто помнить страшные годы коллективизации, не смеют их замалчивать.

И дальше из стихов Чекмарева:

... Я запахом талого снега дышу
я знаю
тоску коровью.
И я не чернилами это пишу
А собственной сердца
кровью.

Для коровы крови сердца не жаль, а для детей не нашлось ни одного слова сожаления.

Нам кажется совершенно достаточно одной этой цитаты, чтобы показать равнодушие, которое требуется от коммунистов и комсомольцев к судьбе рядового человека. Не все ли равно, написал ли эти строки подлинный Чекмарев или какой-то коммунист из редакции по заданию партии. Суть в отношении к корове и человека. Корова — это столько-то килограммов мяса и жиру, кожа и кости для коммунистической армии. Человек — это только рабочая сила, да еще протестующая. Корова, конечно, неизмеримо ценнее человека.

Каким вырождаком рода человеческого надо быть, чтобы писать лирические стихи об «угрюмой» коровьей жизни и в то же время хладнокровно наблюдать гибель сотен тысяч людей и сотен тысяч детей, и не только наблюдать, но еще и содействовать этой гибели. А Чекмарев должен был ей содействовать будучи «активным комсомольцем».

И вот жизнь этого чудовищного выроodka ставят в пример теперешним комсомольцам, работающим на целине. Только зря ставят. Судя по литературным произведениям последнего времени, хотя бы по пьесе Погодина «Мы втроем поехали на целину», нынешний комсомолец не похож на Чекмарева. Несмотря на все прилизывания и лакировку его Погодиным, он остается

живым молодым парнишкой или девченкой со всеми свойственными его возрасту недостатками, а главное, достоинствами. И он не способен писать лирических стихов о коровьей тоске, когда у него перед глазами гибнут люди. Он нормальный молодой человек, с нормальными чувствами и настроениями. И помоги ему Бог оставаться таким, несмотря на всю каторгу, которую его заставляют переживать заправилы из КПСС.

Комсомольцам, конечно, предлагается умирать за целину и на целине. О коллективизации говорится только между прочим, повидимому, потому что нет подходящей аналогии в революционной истории нашей многострадальной страны. Параллель с комсомольцами времен коллективизации не случайна. Те преодолели, и вы преодолевайте. Об издержках же революции, кроме тоскующей коровы — умалчивается. И расчет также на то, что комсомольцы-то не имеют и представления о том, что такое было коллективизация. И кто же им расскажет правду? А коммунистического героизма было хоть отбавляй. Убивали и двадцатипяти тысячников и комсомольцев, в процентном отношении не меньше, чем на войне.

Умирили комсомольцы и на постройке Комсомольска на Амуре, помирили на коллективизации и теперь должны помирать на целине. А обожаемая КПСС предлагает им и дальше помирать во славу коммунизма во всем мире.

Одно замечание: что-то не слышать, чтобы дети вождей КПСС страдали целинным энтузиазмом. Не слышать, чтобы они поехали осваивать степи и помирать на них.

И еще одно: удивительно прозорлив этот Сергей Чекмарев. Писал в 1933 году, а о Сталине ни слова. Очевидно знал, что тетради будут опубликованы в 56-м, когда Сталин выйдет из моды.

Стихи и проза С. Чекмарева абсолютно бесчеловечны.

В. Дудинцев. «Не хлебом единым».

Роман Дудинцева — ординарный, серый, в основе своей фальшивый, типичный советский роман интересен не сам по себе, а по тому успеху, который выпал на его долю в Советском Союзе, а главным образом, в эмиграции. Успех этот в значительной мере случайный, а кроме того, специфически советский, в природе которого многие в эмиграции, а особенно иностранцы, разбираются плохо. И, конечно, роман отнюдь не произвел в Советском

Союзе «впечатления разорвавшейся атомной бомбы», это, мягко выражаясь, крайнее преувеличение. Были вещи, появившиеся в период хрущевской оттепели, куда более значительные, чем роман Дудинцева, но им не повезло, и никто не увидел в них знамения времени.

В основе почти всех критических высказываний о Дудинцеве лежит невысказанная предпосылка, с которой стоят и падают все критические конструкции и которую нельзя не признать в корне ошибочной. Предполагается, что читающая публика в Советском Союзе не только молчит, но и находится под гипнозом советской власти. Верит или полувверит в навязываемую ей марксистскую или псевдо-марксистскую догму. Но вот, она начала прозревать, она уже не та, и вот она нашла свой рупор и теперь заговорила устами Дудинцева. Событие беспрецедентное и огромной важности! Оказывается, в СССР существует не только большевистская ортодоксия, возможны и ереси.

Все это не что иное, как совершенное искажение восприятия советской действительности.

Начать с того, что никакого посягательства на догму в романе Дудинцева не содержится. Наоборот, она сохранена в неприкосновенности и даже, можно сказать, в самом аляповатом и придурковатом виде. И что особенно плохо, она не просто высказывается, а скрывается, как невидимая основа за всеми, даже самыми «революционными» ситуациями.

Но главное не в марксистской невинности Дудинцева. Главное в том, что прозревать советскому читателю нечего, он давным-давно зрячий, он не раб догмы, и Дудинцев не властитель его дум. Он великолепно видит ограниченность Дудинцева, порочность его замысла, несостоятельность его произведения. Он не идет за Дудинцевым, а судит его, ему нечего делать с Дудинцевым, он может отнестись к нему только свысока и иронически. Чтобы сделать из романа Дудинцева событие, нужно в своем представлении безмерно снизить уровень советского читателя.

Пропась между советским читателем и советской литературой не образовалась с романом Дудинцева: она никогда не засыпалась. И примеров этой дистанции между «самой передовой в мире литературой» и ее подневольным читателем можно привести сколько угодно. Когда вся Россия переписывала стихи Есенина, это свидетельствовало о чем угодно, но только не о гипнозе советской пропаганды. Когда советский читатель платил десятки рублей за «Ленинград» или «Октябрь», то-есть за одну

страничку стихов Ахматовой, то это было и его голосованием против казенной литературы и свидетельством его зрелости, которой не могут импонировать детские упражнения Дудинцева. Когда он, этот читатель, поднял на щит Зоценко (правда, без дискуссий), то это означает, что он перерос дудинцевщину, когда еще имени Дудинцева не было в помине. И протест Зоценко против советской действительности не дудинцевскому чета: это золото, а у Дудинцева — мишура и фольга. Конечно, у Зоценко нет никакой публицистической заостренности, слабые потуги на которые имеются у Дудинцева. Но это не мешает Зоценко стоять неизмеримо выше Дудинцева.

Что, собственно, содержится в романе Дудинцева? Все, что можно открыть в любом советском романе среднего качества, и ничего сверх того.

Есть невольное разоблачение официального мифа о счастливой, зажиточной жизни. Ребятишки набрасываются на брошенные невиданные апельсиновые корки, «пахучее оранжевое чудо». Глиняные домики... «их тут называют землянками». Но домики врыты в землю — как же не землянки? В землянках живут и люди и скот. Комнаты без окон. Рабочие едят вареную картошку с серой солью, и это основная еда. Табак — самосад. Цыгарки из газетной бумаги. Самогон желтый, как керосин. Чулки с черной пяткой — предел мечтаний о безумной роскоши. «Приятное избяное тепло, пахнущее капустой, кислотцей и просыхающими в печурках шерстяными носками». Словом, не чистенькая бедность даже, а самая настоящая нищета. Все это есть в изобилии почти у каждого советского автора.

Тема романа — изобретательство и бюрократизм. Обе темы даны фальшиво. Главный столп бюрократизма — Дроздов. Дудинцев Дроздова не любит. Не любит его, как довольно быстро выясняется, и жена. Его маленький рост и фальшивый голос играет в романе ту же роль, что хрустящие пальцы и хрящеватые уши Каренина у Толстого. Но это — авторское дело, его симпатии и антипатии.

В сущности же Дроздов никакой не столп. Это, конечно, вздор, — зло неизмеримо глубже. Вина Дроздова в том, что он не поддержал Лопаткина в его борьбе за машину для центробежной отливки канализационных труб. Собственно, он относится к изобретателю даже с симпатией и чуть-чуть его поддерживает. Но идти против министра, технических авторитетов и Авдиева, профессора и силы, который строит собственную маши-

ну — он не хочет. Это значило бы пожертвовать собственной карьерой для изобретения Лопаткина, в значении которого Дроздов просто не может разобраться. Драма заключается в столкновении интересов изобретателя и косности государственной машины, интересов конкурентов и осторожной уклончивости Дроздова, для которого дело Лопаткина одно из тысячи дел, которыми он занят, и который не хочет лезть в свалку.

В сущности, Дроздов единственный положительный персонаж в романе. Управляет заводом хорошо, ничего плохого о нем не могут сказать даже те, кто не любит его. Не зол. Сумасшедчины организатора сталинских строек в нем не чувствуется. Планы выполняются, производительность труда повышается, и эти успехи зиждутся не на массе человеческих трупов.

Здесь нужно сделать очень важную оговорку. Таков Дроздов в изображении Дудинцева. Убедительности в этом изображении нет. Для управления советским заводом требуется не малая доля звероподобия, которого в Дроздове совсем не чувствуется. Но это уже фальшь советского автора, без которой он обойтись не может. Есть у Дудинцева строки, которые дышат неоспоримой фальшью. Дроздов — это человек способный «объединить силы тысяч людей — капризных, хладнокровных, обидчивых и требовательных, рабочих и специалистов». Это в России-то есть люди капризные, обидчивые и требовательные? Это они-то, пропущенные сквозь сталинскую мясорубку обладают такими качествами? Почему же тогда существуют погибельные пятилетки, почему существуют Дроздовы?

Обычный наглый приемчик фальсификаторов литературы. И все это дается мимоходом, об этом думает молодая женщина, как о чем-то само собой разумеющемся. Разве может быть иначе в самой свободной стране мира?

Но мы должны иметь дело не с реальным Дроздовым, а с таким, каким его изображает Дудинцев. Этот Дроздов ничуть не похож на реальных Лихачева и Нифонтова, людей, для которых использование рабочей силы означало систематическое ее истребление. Дроздов романа — энергичный, властный, талантливый организатор, человек, скорее добродушный. Коммунист, конечно, добросовестно изучающий 4-ю главу пресловутого «Краткого курса». Ну, а Лопаткин разве не коммунист? Конечно, коммунист и весьма противный. Когда ему пришлось иметь дело с прокурором (какой сердечный, понимающий, прелестный прокурор!) он выражается так: «Машина моя не нравится одному человеку, и

они тут же что-то вроде вейсманизма-морганизма придумают — шлеп на спину, и пошел человек гулять с пятном». «Вейсманизм и морганизм» — это клеймо, с помощью которого большевики разгромили русскую биологию и погубили множество ученых. И этот дикий погром представляется Лопаткину естественным и, повидимому, заслуживающим одобрения делом. С ученой мыслью расправляйтесь как угодно, а вот к технической нужно относиться либерально. Лопаткин до такой степени насквозь проеден большевизмом, что он не понимает своего нравственного падения. У него даже теория есть: «Все зависит от цели. Если вы преследуете ту же высокую цель разными способами», вы друг советской власти: Лопаткин со своими трубами и изложницами преследует высокую цель — и должен за это получить возможность видеть свои цели осуществленными. «Вейсманисты-морганисты» преследуют низкую цель, и судьба их не вызывает у Лопаткина ни малейшего сочувствия.

Нет, Дроздов лучше Лопаткина. Не ему принадлежат бездушные слова о «вейсманистах-морганистах» и он, кажется, не требует ничего уничтожения. Вряд ли он даже коммунист, несмотря на 4-ю главу, которую он читает в супружеской постели. Он — фактопоклонник. Он видит, что коммунизм, как страшный коток, катится по русской земле и нет никакой силы, способной ему противостоять. Он может выбирать между постом директора завода и положением концлагерника — только. Он успокаивает свою совесть тем, что создает предпосылки коммунизма, а придет коммунизм — и каторга станет гуманнее. Он себя ответственным за каторгу не чувствует. Он строит дома, а картиночки и тарелочки будут вешать другие.

Лопаткин вовсе не новый тип. Мы с ним встречались тысячу раз. Это передовик-новатор, смело ломающий устарелые нормы, поражающий теории предельщиков и обличающий слепоту специалистов. Он всегда в рядах тех, кто борется за внедрение в массы стахановских методов, за уплотнение рабочего дня, за выявление скрытых резервов производства, за комплексную механизацию, за ускорение оборачиваемости оборотных средств, за рабочее изобретательство и за тысячи других вещей. И всегда он борется с бюрократизмом. Борьба началась еще при Ленине и продолжается эта мнимая борьба по сей день. Это одна из бесчисленных ложных проблем, возня с которыми является существенной чертой большевистской политики. Очень старый тип

этот новатор и он продолжает служить свою службу большевистской пропаганде.

Лопаткин — разновидность старого-престарого типа. И ситуация стара, как агитпроп. Бюрократы заедают, а честные рабочие и интеллигенты помогают. И обязательно две женщины: одна любила, но не устояла перед испытаниями и отступилась, другая — «полюбит не скоро, за то не разлюбит уж даром», и любовь ее расцветает именно на испытаниях. Поистине, роман Дудинцева оригинальностью не блещет

Лопаткин — изобретатель. Вот, если бы Дудинцев показал социологию изобретательства в России — это было бы действительной заслугой. Он этого не сделал.

Изобретательство — бич. Изобретателей в СССР — орда. Все они требуют денег и внимания и норовят взорвать промфинплан предприятия. Пользуются, как гараном, своей преданностью советской власти и недостаточное внимание к себе рассматривают, как вредительство, что, впрочем, никому ничем серьезным не угрожает. Изобретают они по большей части вздор или то, что изобретено давным давно.

Безнадежный диллетантизм, бессмыслица, в которой тонут редкие проявления дельной технической мысли — вот советское изобретательство.

Но именно в таком виде изобретательство и нужно советской власти, в таком виде она его и культивирует. Это — пустая декорация самодеятельности масс, фикция одного из проявлений мнимой советской общественности.

Но есть и другая, глубже скрытая сторона изобретательства, на которую Дудинцев даже не намекнул. Оно, конечно, связано с пресловутым и обязательным контактом между научной мыслью и передовиками рабочего класса, «обменом опытом» и подобной помпезной галиматьей. Нельзя забывать, что вся эта чепуха протекает в условиях психоза государственной тайны, всеобщей мании засекречивания и охоты за черепами растяп и ротозеев. В таких условиях поведать советской общественности какую-нибудь техническую идею, да еще блестящую новизной — значит совершить тяжкое государственное преступление. Поэтому, все эти конференции по обмену опытом и вся эта пропаганда новых технических идей превращается в бессмысленный набор слов и поток речей, лишенных всякого содержания, авторы которых заботятся только о том, чтобы не дать прокурору никакого повода заинтересоваться оратором.

Это не значит, что в Советском Союзе нет серьезного изобретательства. Есть, иначе не было бы спутника. Но оно не нуждается в сочувствии советской общественности, и к этому изобретательству никаких Сьяновых и никаких Лопаткиных, никаких любителей и никаких насквозь советских пролетариев не допускают. Эти добродетельные персонажи могут возиться сколько угодно со своими никому не нужными подвижными изложницами, а станут уж очень надоедать — сорвутся на государственной тайне, что и случилось в конце концов с Лопаткиным. Выручать их из концлагеря добродетельные генералы могут только в романах, а отнюдь не в действительности. Кстати, о добродетельных генералах и прокурорах. В романе Дудинцева нет ни малейшего намека на то, что автор понимает зло системы. Он стоит на почве инфантильного мифа, что есть плохие коммунисты, и есть хорошие, и беда не в коммунизме, а в том, что хорошие коммунисты до сих пор почему-то не восторжествовали.

И еще одна нестерпимая фальшь. «Машина нужна государству, и помогать долг каждого честного человека». «За открытие спасибо скажут». Это дается как аксиома. А это неправда. Никто спасибо не скажет. Рабочие в СССР очень хорошо знают, что никогда ни от какого замечательного изобретения им не становилось лучше, а только хуже. Это в СССР прочно устроено. Поэтому рабочие и не жалуют изобретателей. Этого Дудинцев не показал. Он показал дурачков Сьяновых, которые, может быть, и водились в доисторические времена первой пятилетки. Технический прогресс (термин, к слову сказать, чрезвычайно условный, когда речь идет о СССР) — враг народа в Советском Союзе, и народ знает это. Тут проблема, но от проблем Дудинцев бесконечно далек.

Дудинцев выводит целую фалангу идеалистов: Араховский, Бусько, Максютенко, Антонович, Афончев. Есть идеалисты в Советском Союзе, есть. Эти идеалисты очень даже способны помочь человеку, впавшему в беду, например, «врагу народа». Только Дудинцев заставляет их играть фальшивую роль.

Небезынтересно задуман Бусько. Сделан по Шеллеру-Михайлову. Страдает манией преследования, все прячет свой огнетушительный порошок от акул Уол-Стрита. Но автор свидетельствует ложно. Большевики действительно превратили манию преследования в национальную болезнь. Но только боятся заболевшие не иностранных шпионов, а советской власти.

Слабый, в высшей степени благонамеренный роман Дудинцева — обычное детище социального заказа. Правда, Дудинцев маленько не потрафил заказчику, за что и подвергся заушениям. Но ведь очень трудно найти произведение советской литературы, которое не испытало бы заушений. И, конечно, никакого бунта против советской власти у Дудинцева и в мыслях не было. И никто, решительно никто в СССР не увидел в Дудинцеве пророка. Пророком его провозгласили слишком поспешно за рубежом.

Теперь уже ясно, вероятно, для всех: роман Дудинцева не политическое событие и не чреват он решительно ничем. Он буря в стаканчике воды Союза Советских писателей. Он — орешек, который оказался пустым.

XVIII

НАЗРЕВШАЯ ОПАСНОСТЬ

Переживаемое нами время можно было бы назвать эпохой солидарности народов наизнанку. Народы разделены на две части и каждая из этих частей крепко спаяна внутри. Одни спаяны страхом и ненавистью к тому цементирующему началу, которое держит их вместе — тоталитаризму. Другие спаяны страхом и робкими попытками предотвратить опасность и спасти те, жалкие остатки человечности, что еще уцелели на нашей бедной планете.

Опасность эта — отождествление в глазах Западного мира русского народа с коммунистами и даже чекистами.

Опасностей много. И только об одной из них пойдет здесь речь. Ее как-то не замечают ни читающие книги и газеты, ни слушающие радио.

Сначала были робкие попытки в этом направлении, например «Государственное дело» Пата Франка, где главным героем, собственно, является майор госбезопасности, ставший борцом за свободу России и мечтающий устроить «вторую революцию». В «Голосе Америки» появляются иногда передачи на тему: и среди чекистов есть хорошие люди. И в тоже время создаются целые департаменты психологической войны. Говорить русскому народу (а эти передачи идут на русском языке), что среди чекистов есть хорошие люди — это все равно, что уверять во время гитлеровского режима евреев, что и среди гестапистов есть хорошие люди. Может быть они и есть, в чем мы сильно сомневаемся, так как чекист **не может** быть хорошим. Он не удержится на своем посту чекиста и одного дня. Но предположим невозможное. В пропаганде — то они никак не должны существовать. Так вести психологическую войну, это вести ее против самого себя.

Можно набрать много примеров такого ведения психологической войны. Самый яркий из них, по нашему мнению — это история с Хохловым. Матерого чекиста через печать и радио возвели в сан чуть ли не великомученика и «народы» все это

проглотили, не поперхнувшись. Вот о беспартийных великомучениках никак не пишут. Здесь мы хотели бы показать два примера отождествления партийных и чекистов с народом.

Первый — работа Михаила Китаева:

Установка Китаева вполне ясная.

«К вопросу о коммунистической партии Советского Союза, бывших большевиков принято подходить весьма тенденциозно. Это понятно: слишком остры политические противоречия сегодняшнего дня. Они искажают историческую перспективу и мешают рассмотреть вопрос беспристрастно». (Стр. 1).

«...Получается, что история партии сводится к истории тех или иных верхушечных группировок, уклонов, оппозиции и т. д. Вместе с тем существует партия, как таковая. Несмотря на всю театральность партийных съездов последнего времени, несмотря на всю тоталитарность партийного руководства, не следует забывать, что все партийные группировки выросли из единого партийного организма, порожденного жизнью. Было бы ошибкой думать, что партия это искусственное образование. Без сомнения КПСС даже в ее современном виде, вызвана к жизни известными, часто противоречивыми и взаимно исключаящими друг друга социальными силами...» (Там же).

«...Наше утверждение о том, что существует партия, как таковая, следует понимать в том смысле, что существуют известные и при том весьма значительные контингенты людей, которые действительно верят в справедливость тех идеалов, за которые они борются и за которые собираются идти в „последний, решительный“...» (Там же).

Конечно КПСС в ее теперешнем состоянии выросла не из «единого организма, порожденного жизнью» а из генеральной линии. И никакой историк, если он не коммунист, а беспристрастный беспартийный, не найдет и следа тех семян и ростков, о которых говорит автор.

Уже из этих строк предисловия видно, что автор, хотя и уверяет, что он беспартийный, все же настолько был близким к партии, что целиком проникся всеми предрассудками и заблуждениями чистокровного партийца. Партийца на все 100.

«Беспристрастно» к таким явлениям, как коммунистическая партия и ее вожди, какого бы они ни были толка, может подходить только тот, кто не хочет и не способен видеть зла, которое несет с собой эта партия. Я уверена в том, что к нацизму автор не призывал бы отнестись беспристрастно, хотя между тем и другим видом тоталитаризма разницы нет.

«Вот об этих людях (т. е. верующих в справедливость своих идеалов) и пойдет речь в нашей работе. Это люди стоящие выше некоторой середины. Кое-кто из них выдвинулся на высокие

посты, другие же остались рабочими винтиками огромного партийного механизма и пережили все потрясения, многие же кончили в подвале на Лубянке. Но в конечном счете из них выкристаллизовалось и современное партийное руководство» (Стр. 1).

Работа Китаева драгоценнейшее пособие для изучения быта партийной верхушки в СССР, все равно сталинцев, бухаринцев или троцкистов.

Характеристики особенно выигрывают от того, что автор часто не замечает, как он с головой выдает даже тех, к кому относится с подлинной симпатией. Говоря о самых страшных чекистах, с которыми он был в дружбе (Голубев, Крумп-Гольц, Лацис) он не может скрыть своего теплого отношения к ним и сочувствия по поводу постигшей их судьбы.

Так как наиболее идейными автор считает троцкистов, то о них мы будем говорить. Но сначала несколько слов о том, как понимает автор троцкизм и отношение к нему русского народа.

«Следует отметить факт, что для того, чтобы разделаться со своими противниками Сталин прибегал не только к грубой силе. Он обладал в высшей степени развитым искусством компрометировать своих противников в глазах масс. В частности, в борьбе с троцкизмом он сделал очень ловкий ход. Путем распространения слухов он сумел создать впечатление, что троцкизм не русское, а чисто еврейское течение, смыкавшееся в прошлом с Бундом. При этом играл на том, что очень многие троцкистские лидеры были действительно евреями. Вообще говоря антисемитизм весьма характерен для политики Сталина во все периоды. Однако этот вопрос находился все время в латентном состоянии и только после войны всплыл на поверхность. Вопрос об антисемитских тенденциях в политике ВКП(б) вообще говоря незаслуженно мало изучен. Мы не будем касаться этого вопроса по той причине, что это совсем особая тема, выходящая за рамки настоящей работы.

«Так или иначе, по моим личным наблюдениям, провокационный тезис о смычке троцкизма с буржуазным еврейским национализмом оттолкнул от него значительное количество людей, которые могли быть участниками левой оппозиции и активными противниками Сталина» (Стр. 1).

«Сталин и его группа сосредоточили свои основные усилия на компрометировании троцкистов в глазах **большинства населения.** (подчеркнуто мною, Л. О.).

«Для этого они избрали игру на национальных чувствах. Не прямо, но косвенно, путем распространения слухов и фальшивых документов сталинцы пытались доказать, что троцкизм чисто еврейское движение и, что забвение интересов русского народа и отношение троцкистов к деревне и крестьянству вытекает именно из этого факта. Понятно, все это было гнусной клеветой, но до известной степени достигало цели. Для этого же были искусно подобраны и подтасованы соответствующие цита-

ты из Ленина. Все очень немногочисленные высказывания Ленина, где имеется хоть крупинка национализма, были выставлены на передний план... все это привело к тому, что троцкизм, как политическое движение, удалось оторвать от масс...»

Автор только не добавляет, что массы были беспартийные. 170 миллионов советского населения никакого интереса ко всей этой внутривнутрипартийной грызне не проявляли. Разве, иногда радовались, что такие троцкистские идеологи, как Голубев и Крумп-Гольц, наконец, и сами получили по заслугам.

И еще в этом абзаце о сталинских провокациях клевета на весь русский народ. Из него вытекает, что русский народ «оторвался» от троцкизма не потому, что не видел никакой разницы для себя между сталинцем Ежовым и троцкистом Голубевым, а только потому, что был настроен антисемитски. Все это чепуха, измышления троцкистов, под которыми нет никакого основания.

«Настолько успешна была политика компрометирования троцкизма можно видеть хотя бы из того факта, что наши теперешние эмигрантские антисоветские организации не только никак не связаны с существующими зарубежными организациями троцкистов, но даже сторонятся их». (Стр. 116).

Здесь три дезориентирующие пункта:

1. Клевета на русский народ: он не примкнул к троцкистам не потому, что страдает пороком антисемитизма, а потому что для него нет различия между коммунистами всех толков, потому что добра ему от них не ждать, и он это прекрасно понимает. Дело, конечно, не в антисемитизме русского народа, а в отношении троцкистов к крестьянству. Это было отношение плантаторов к эксплуатируемым колониальным народам.

2. Но народ также и не за сталинизм. Он был глубоко равнодушен к внутривнутрипартийной склоке. Если бы он лучше разбирался в социалистических теориях, то он, конечно, пошел бы скорее за Бундом: в этой организации был минимум социалистического утопизма. Но и о Бунде он услышал впервые только во время большевистской распри. Узнал и выбросил из сознания. Это «борцам за идеалы» было важно обеление троцкистов, а русский народ был к этому в высокой степени равнодушен.

3. «Антисоветские» зарубежные организации не ищут сближения с троцкистами на Западе потому, что троцкисты не антикоммунисты, а только антисталинцы. А автор никак не хочет этого понять. Зарубежные политические организации против коммунизма в Советском Союзе и против всякого тоталитаризма во всем мире.

Моральные и гражданские принципы борьбы троцкистов выражены великолепно в одной фразе троцкистского борца за идеалы — Коваленко, «первого советского историка».

«Когда после убийства Кирова начался разгром троцкистских организаций, все мы троцкисты и не троцкисты были возмущены жестокостью сталинских репрессий. Именно в это время мне вспомнились слова Коваленко, сказанные им перед самым арестом: «Знаю, что и со мною церемониться не будут. Ликвидируют сразу вчистую. **Был бы на их месте, сам то же бы делал**». (Стр. 105) (Подчеркнуто мною, Л. О.).

Какая разница между Сталиным, который имел власть пользовался ею, чтобы ликвидировать оппозиционеров, и «идейным историком», который не ликвидирует Сталина только потому, что не сумел во время захватить «аппарата принуждения», а не потому, что ему претит мысль о таких методах борьбы с идейными противниками. Народ прекрасно понимал, что все эти пауки в банке одним мировоззрением мазаны.

Второй пример, раскрывающий психологию тоталитаризма, насквозь проевшую души идеалистических троцкистов: Голубев, чекист, кончивший алкоголизмом и сумасшедшим домом.

«В бытность свою на северном фронте Голубеву пришлось пережить одно событие, которое в дальнейшем положило отпечаток на всю его жизнь. После удачно развернувшейся операции, армия Голубева захватила несколько тысяч пленных. Кто-то из более интеллигентных политработников подсказал ему, что люди это дело второстепенное, главное — «надо ликвидировать политическую активность известного контингента». Сам Голубев рассказывал об этом примерно, в следующих выражениях»:

— Пулеметов до смешного мало. Да и не в них дело. Надо беречь ленты. Решили из наганов. Это-ж нужно понять. Пять тысяч человек из наганов! На это-ж время надо! По списку, как сейчас помню 4.974. (за точность цифры не ручаюсь, но что-то в этом роде, около пяти тысяч). Ночь стояла морозная, ясная. Луна полная. Фонарь небесный. Четверо отказались назвать свои фамилии. Хрен с ними! Расстреливали в поле. Снегу намело, не пройти. Я на ящике сидел. Ко мне подводили. Старался в лицо не смотреть, а все же видел. В такие минуты люди дают себя убивать удивительно легко. Некоторые сопротивлялись. Тогда, конечно, злился. А тихим был благодарен за то, что не задерживают. Летом расстреливать совсем другое дело. Кровь почти сразу чернеет, а на морозе долго остается красной. Отчего это?»

Китаев передает этот кошмар в тонах «академических и беспристрастных» и находит даже для палачей такую характеристику, как «более интеллигентные политработники». И этот Голубев и его заместитель на посту начальника вооруженных сил

ОГПУ Крумп-Гольц были своими людьми в семье Китаева. Оба погибли от руки Сталина, и у Китаева прорываются теплые нотки по отношению к обоим. У советского населения к таким идеологическим борцам никакого теплого чувства не было и быть не могло. Было только сожаление, что их гибель не пришла раньше. И за такими-то идеологами, Китаев воображает, русский народ пошел бы, если бы Сталин не скомпрометировал их в глазах народа их еврейским происхождением.

С еще большей теплотой говорит Китаев о Лацисе. Лацис тоже погиб от руки Сталина. И он тоже был «идейным борцом». И поражает наивность Китаева, когда он недоумевает, почему русский народ не пожелал идти за подобными «идейными борцами», а зарубежные организации «даже сторонятся» их.

Имя Лациса на Украине было известно с той же стороны, что имя Ягоды или Дзержинского в РСФСР. Он был один из самых жестоких и страшных чекистов, которых только знала история СССР. И вот об этой деятельности Лациса автор говорит только следующее: «в прошлом председатель ЧК Украины» и все, а дальше непосредственно «студенты любили Лациса». Лацис был во время знакомства с ним Китаева директором Института Народного Хозяйства имени Плеханова, и дальше:

«Лацис является одной из самых зловещих фигур советской власти. В 1918 г. он был народным комиссаром продовольствия РСФСР, т. е. руководил ограблением крестьянства, обрекая его на голодную смерть только для того, чтобы прокормить задыхающуюся в тисках голода и интервенции советскую власть. Он был организатором и вдохновителем знаменитых продотрядов, воспетых в частности в не лишенной достоинств поэме Эдуарда Багрицкого «Дума об Опанасе». Поэма эта оказала и продолжает оказывать большое влияние на людей самых различных возрастов, убеждений и профессий по ту и по эту сторону Железного Занавеса». (Стр. 108)

(Автор не указывает какого рода влияние).

«. . . Позже Лацис был председателем ЧК Украины» (Стр. 109). Дальше идут рассказы о том, каким хорошим директором был Лацис, как хорошо и честно относился к студентам. Например, если студент за неуспеваемость лишался стипендии или исключался из института, то Лацис всегда действовал «открыто». Призывал студента к себе и уговаривал его согласиться на свое исключение. И автору не пришла в голову мысль, что это прием старого чекиста: уговорить жертву подписать себе самому приговор.

Сильно чувствуется сочувствие автора к Лацису по поводу ареста последнего. Но потом его выпустили ненадолго и он встречался с автором. Встреча передана в тонах весьма сочувственных. Как скоро коммунисты и им сочувствующие прощают своим коллегам их маленькие грешки, вроде пребывания на посту главы ЧК.

Был ли Лацис троцкистом автор «не знает», но что Институт, в котором он директорствовал, был «троцкистским гнездом» автор утверждает категорически. Все симпатии автора на стороне троцкистов. Сталинцев он также ненавидел, как и все остальные троцкисты. Например, характеристика секретаря Ленинского райкома партии гор. Москвы Кокина — убийственная. Он и неграмотен, и туп, и глуп, и трус. И все прочие качества, присущие большинству членов партии. Правда, среди троцкистов было больше интеллигенции, но не настолько уж, чтоб их можно было отделить от сталинцев.

Помимо воли автора он дал еще один прекрасный портрет типичного «беспартийного большевика» — самого себя. (Хотя в некоторых местах книги трудно отделаться от мысли, что автор был членом партии и именно троцкистом).

Он также, как и все бывшие коммунисты, вернее сталинцы, бежавшие на Запад, придает незаслуженно громадное значение внутрипартийным распрям и борьбе за власть среди разных группировок. И по его представлению, как и по представлению всех этих «антикоммунистов», история России — это история партии, не народа. И в его работе поражает это отсутствие чувства народа. Народа нет. Народ — средство для достижения тех или других большевистских целей. И он, как и все прочие подобные авторы, «беспристрастен».

Основная нота книги — это тоска автора по антисталинским, но коммунистическим кадрам. Это не мешает ей быть очень интересной и по своему ценной. Новизна ее не в «портретах», которые не поражают никакой неожиданностью: мы этих партийцев знаем, хотя и не под тем углом зрения, под каким их рассматривает Китаев. Главным же образом, книга ценна бытовыми картинками из жизни коммунистической элиты в СССР. Они полны характерных и правдивых деталей. Этих деталей выдумать нельзя.

Интерес работы Китаева заключается, главным образом, в бытовых картинах и портретной галерее. Быт санатория для привилегированных и общежития партийных работников, сцены

ареста партийцев, картинки их семейной жизни, — все это драгоценнейшие документы эпохи. Иногда характеристика лица и эпохи сливается в одно неразделимое целое. Например, портреты Калинина и его дочери, типичной представительницы циничного и разлагающегося молодого поколения из большевистской элиты, очень хорошо дополняются описанием калининской заботы о человеке.

«Фрося Г., девушка, работавшая на торфяниках, получила суставной ревматизм и потеряла способность двигаться. О девушке начали хлопоты, дошли «до самого Калинина», и всероссийский староста заинтересовался случаем: а вдруг удастся эффектно продемонстрировать заботу о человеке. Девушку начали лечить, но оказалось, что болезнь почти не поддается лечению. Тогда канцелярия Калинина потеряла всякий интерес к девушке: — Мы должны заботиться о живых и здоровых. С калеками социализм не построишь.

Еле заметной трогательной тенью промелькнул на страницах повествования Китаева несчастный сын Сталина Яков Джугашвили. Слабый, кроткий, не блещущий интеллектом, но нравственно стоявший неизмеримо выше ужасного отцовского окружения, он кротко жаловался работнику сталинского секретариата на отца: — «Он бьет меня сапогом по морде».

Штрих, отлично характеризующий Сталина. То чистое и беззащитное, что характеризовало Яшу, должно было крайне раздражать Сталина. И он хотел это чистое как можно сильнее оскорбить и унизить.

Работа Китаева содержит ряд характеристик партийных и беспартийных представителей советского Олимпа, одна другой хлеще, одна другой беспощаднее. Автор наивно надеется вызвать у читателя сочувствие к жертвам Сталина, низвергнутым с олимпийских высот.

Наудачу несколько примеров.

М. Н. Либерман зав. юрид. отделом «Правды». «Беспартийный троцкист». Автор книги «Роман живой жизни», книга вскоре после выхода была изъята из библиотек. Это — заметки судебного репортера из зала суда. Сообщается, между прочим, дело о дуэли двух слушателей военной академии им. Фрунзе из-за красавицы Боливадзе. «Быт слушателей академии — моральное разложение в превосходной степени». Книга могла появиться только при содействии Островера. Либерман готовил, но не

выпустил еще одну книгу (помешала власть) о процессах по сексуальным преступлениям. Героями были крупные партийцы с вымышленными именами.

По болезни Либерман ездил за границу; помощи не нашел, вернулся в Москву умирать. Автор остроумных советских анекдотов.

В клинике:

— Сестрица, подойдите ко мне. Хочу рассказать вам мой последний анекдот.

Через несколько часов умер.

Осип Бескин. Археолог. Интересовался вопросами о гибели культур. О троцкизме высказывался так:

«Вот в Троцком я вижу великое горение, эту заоблачную мечту. Он великий фантаст. Потому за ним идут люди, лучшие люди. За ним идут люди способные гореть на кострах, потомки Джордано Бруно и потомки Аввакума. Даже его заблуждения прекрасны. Я — не троцкист, но я не могу не отдавать им должное».

Осип Бескин исчез бесследно.

А. Н. Островер. Зав. фин-частью Госиздата. Считал ошибочной ориентацию на мировой экономический кризис. «Инфляция, кризис — чепуха. Мексиканский безработный живет лучше среднего советского служащего. Немецкие нищие одеваются лучше наших ответственных работников».

Мнение Островера о партийных течениях: «Правый уклон — мотылек-однодневка. Троцкизм не умрет окончательно. Это — интернациональное течение. Нужно спешить объединиться и правым и троцкистам против этой паскудной генеральной линии».

Островер ликвидирован вместе с группой Халатова.

П. А. Коваленко. Сын крестьянина. Карьера обычная: тюрьмы, этапы, ссылки. «Классический тип революционера, прямо из школьной хрестоматии». «Важно заметить, что это не какойнибудь сусальный ангелочек, а настоящий образец, с которого как раз и делались многочисленные сусальные картинки». Первая жена — простая женщина, от нее Коваленко имел двух детей. Вторая — С. Л. Чернявская — бундовка. От нее тоже двое детей.

Первый советский историк. Ему принадлежит первый трехтомный учебник русской истории. Китаев уверяет: «Это первая

попытка отойти от повествования об императорах и полководцах».

Как можно говорить такой невероятный вздор?

Коваленко — человек спартанского склада. Квартира из пяти комнат. Простые струганные некрашенные столы. Больничные кровати. Вместо стульев табуреты. Никаких шкапов; вместо них бельевые корзины. Абсолютная чистота при минимуме мебели.

Любил детей.

Высказывался перед арестом после убийства Кирова:

— То жалко, что дети еще не подросли. Закрутят им головы, от меня станут отказываться. Ты, (Китаев) если жив будешь, расскажи им.

— Уж я-то знаю тюремный глазок. Меня клеткой не запугаешь. Знаю и то, что со мной церемониться не станут. Ликвиднут сразу и вчистую. Был бы на их месте, сам бы то же делал».

Коваленку «ликвиднули».

Грандов, редактор «Бедноты». «Должен был заботиться, чтобы не оттолкнуть от советской власти массы крестьянства». (Вздор! Фикция союза пролетариата и крестьянства. Л. О.)

Тираж газеты — миллион экземпляров. (Это не доказательство ее популярности. Л. О.). Огромное количество писем читателей; на все отвечали (Письма активистов. Л. О.).

Никакого режима дня он не признавал. И он и его жена ели всегда наспех, часто стоя обглаживали селедку или кости, которые держали просто руками. Обьедки бросались на газеты, валявшиеся на столе и заменявшие тарелки, часто их забывали выбросить. Тогда они валялись на столе и по полу в течение нескольких дней. Повсюду были разбросаны окурки, а стол и пол были усыпаны пеплом».

«Связь с красивой Еленой Кононенко закончилась браком; когда муж оказался опальным троцкистом, — жена его «разоблачила». Потом она разоблачила первого секретаря ЦК ВЛКСМ — Косарева. Вместе с Сосновским Грандов был сослан в Сибирь. После официального раскаяния был возвращен из ссылки, восстановлен в партии и занялся оппозиционной работой. Снова был исключен из партии и, в предчувствии конца, запил мертвую. Был взят и исчез.

***

И еще много лиц выводит Китаев. Огромная картинная галерея. Материал — красноречивейший и не требует комментариев.

Книжку Китаева следует горячо приветствовать. Одно дело когда о революции говорят ее враги, другое дело, когда «сыны революции». Сыновнее повествование Китаева производит более сильное впечатление, чем любой памфлет.

У Китаева свыше 30 портретов большевиков всех рангов, всех уровней развития. Трудно сказать, кто лучше удался Китаеву: выходцы из партийных низов (В. Дворник, Иван Батрак) или интеллигенты — М. Кольцов, Островер, «беспартийный троцкист» Либерман. Совершенно потрясающий зверинец.

Желание опорочить сталинцев в книге Китаева очень сильно. Он, например, обвиняет старых большевиков в том, что они во время первой мировой войны старались отсиживаться по тылам. «Даже в ссылке». (Стр. 142). На стр. 146 он говорит о Ворошилове:

«Он переезжает в Петербург, где поступает на завод Сургаило. Там ему удастся благополучно пересидеть всю войну. В то время, как другие умирают на фронтах, будущий полководец не испытывает тяги к оружию».

Как бы ни старался Китаев представить Ворошилова неудачником в революционных организациях — Ворошилов большевик. И совершенно естественно, для всякого непредубежденного глаза, что как таковой он не имел никаких оснований, для того, чтобы защищать царское отечество. Эта маленькая черточка показывает до какой степени безграмотно было новое поколение даже в их собственных партийных теориях. Или же, что вернее, до какой степени беспринципно все это поколение. «Цель оправдывает средства» и «все средства хороши для борьбы с врагом». А что автор несомненный враг сталинцев — не подлежит никакому сомнению.

Автор ссылается, как на источник истории партии, на троцкиста Катихина. И сам же говорит, что после того, как Катихину удалось получить обратно свой партийный билет:

«К сожалению, карьера Катихина вскоре снова пошла вверх. Он продолжал рассказывать о великих мира сего, но рассказы его потеряли остроту и ранее отрицательные фигуры стали неожиданно вырисовываться в положительном свете». (Стр. 147).

Однако Китаев не пренебрегает этими рассказами, чтобы снизить план неугодного ему лица. Отсюда напрашивается вывод, что и все его остальные «положительные» и «отрицательные» характеристики построены на таком же основании. И это жаль, потому что если бы этой книге можно было доверять целиком, она была бы драгоценнейшим источником.

XIX

ОБИДА ЧЕКИСТА

Уже упоминалось, что советская литература в сущности вовсе не литература. И потому, пытаясь дать о ней представление, уместно было бы говорить не только о романах и рассказах, но и об очерках и мемуарах. Ниже мы познакомимся с воспоминаниями Орлова. Вышли они по-английски за границей, а сам Орлов бывший чекист. У него свой особый угол зрения и он говорит о такой стороне советской действительности, которая остается мало освещенной. Материалы Орлова любопытно сопоставить с лживыми приемами советских авторов. Особенно любопытно потому, что советские авторы очень редко касаются Че-Ка, а когда касаются, то становятся особенно сусальными. В книге Орлова далеко не все правда, но есть и правда. Поставить эту правду на очную ставку с враньем всяческих лауреатов и орденосцев — задача интересная.

Книга Орлова — книга большевика, т. е. убежденного тоталитариста.

Правда, большевик этот — антисталинец и для Сталина и его преступлений у автора находится достаточно негодующих и уничтожающих слов. Но для него Сталин — это человек, который растоптал светлые идеалы коммунизма. Самые же идеалы остались в глазах Орлова святыми. Он остается сторонником «Октября», ему только не нравится модификация «Октября», осуществленная Сталиным.

Орлов — чекист.

«До 12-ого июля 1938 года я был членом российской коммунистической партии и мне были доверены советским правительством многие ответственные посты... Я принимал участие в гражданской войне в России и служил в Красной армии на юго-западном фронте, где командовал партизанским отрядом в тылу у врага, неся службу контрразведки. Когда гражданская война кончилась, я был послан Центральным Комитетом Партии в Верхов-

ный суд в качестве товарища прокурора. Здесь я принимал также участие в составлении первого советского уголовного кодекса. В 1924 году я был назначен заместителем начальника Экономического Управления при ОГПУ (позже переименованного в НКВД), где я нес службу в Госконтроле по реконструкции советской индустрии и борьбе с вредительством. Позже я был командиром Закавказских пограничных войск, которые охраняли границы с Турцией и Персией. В 1926 году был назначен на должность Начальника Экономического Отдела иностранных дел при НКВД и нес службу в Госконтроле по иностранным делам Советского Союза».

«В 1936 году, когда разразилась гражданская война в Испании, я был послан туда Политбюро, как советник при испанском революционном правительстве. Я прибыл в Испанию в октябре 1936 года и служил здесь до 12 июля 1938 года, когда я порвал со сталинским правительством». (Стр. IX-X предисловия).

Таким образом, вся карьера Орлова проходила под знаком карательных органов, «в области борьбы с вредительством», шпионажа и провокаций. В этой своей деятельности Орлов не видит ничего антинародного, наоборот, он ее рассматривает как «службу народу». Октябрь, в его поздне-большевистской интерпретации, он приемлет с его индустриализацией, коллективизацией, террором.

И если бы не злой гений Сталина, который один омрачает светлую картину строящегося в России социализма, то Орлову не нужно было бы рвать с режимом и партией и он продолжал бы свою службу в многоименной Че-Ка без всякого внутреннего конфликта. Его психология ничем по существу не отличается от психологии современного беглого бериевца, который рвет с режимом, когда чувствует, что слишком реальной стала для него опасность расстаться со своим креслом в уютном кабинете и спуститься в подвал не для производства «операции», а для того, чтобы самому подвергнуться этой операции. Если бы Орлов оказался способным преодолеть узость своего чекистского горизонта, он мог бы написать интереснейшую книгу о русских делах. На это он оказался совершенно неспособным. Его книга, бесспорно, пригодная для того, чтобы удовлетворить нездоровое любопытство любителя дешевой сенсации, удивительно мелка и неинтересна, если мерить ее не масштабом обиженного и разочарованного чекиста.

В книге 355 страниц текста, не считая предисловия, в котором автор знакомит читателя со своей особой.

Из 355 страниц — преступлениям против крестьян отведено три страницы. Преступлениям против армии — 12 страниц.

Преступлениям против детей (закон о смертной казни для детей) три страницы.

Преступлениям против детей чекистов и большевиков тоже три страницы.

О судьбе и характеристике Максима Горького — 16 страниц. Сталинским слабостям и забавам 3 страницы.

Характеристике и роли Вышинского в процессах 13 страниц.

Всего, не относящегося прямо к «преступлениям» Сталина — 53 страницы.

Остальные, т. е. 302 страницы отведены непосредственно «преступлениям» Сталина. На этих 300 страницах рассказывается со множеством подробностей о всех известных процессах старых большевиков и убийстве Кирова. Ничего нового Орлов не сообщает. Симпатии автора целиком на стороне старых большевиков и дела, которому они служили.

«Со времени написания завещания Ленина до второго московского процесса, в котором Пятаков фигурировал, как обвиняемый, прошло 13 лет. За эти годы Пятаков проявил себя, как государственный деятель высшего ранга и сделал для советского государства так много, что среди старых большевиков не нашлось бы и дюжины человек, чья **служба народу** (подчеркнуто мною Л. О.) могла бы сравниться с его. Достаточно упомянуть о том, что Пятаков был человеком, который осуществил две первые пятилетки индустриализации страны. Пятаков был человеком, созданным для этой великой работы. Он был сведущим экономистом и в то же время непревзойденным организатором и администратором». (Стр. 176).

К сожалению, Орлов, свидетель компетентный и достоверный, не счел нужным рассказать как проводились индустриальные пятилетки, для характеристики которых он находит такое невинное выражение, как «служба народу». Во что обошлось народу грандиозно-погромное и дико-бессмысленное предприятие, как коллективизация? Чего стоила цвету комсомольской молодежи энтузиастическая акция по постройке Комсомольска на Амуре? Чего стоила народу железнодорожная «реформа» Кагановича, сколько специалистов и маленьких служащих железнодорожного транспорта было расстреляно, как «предельщики»? Сколько было из них сослано? Как люди и скот погибали миллионами во время первой пятилетки? Или, чтобы взять менее трагическую тему, как из-за пятилеток непревзойденные администраторы и организаторы, вроде Пятакова, не платили **месяцами** зарплату

рабочим и служащим и как те вынуждены были **отламывать пепком** десятки километров в таких городах, как Москва, чтобы попасть во время на службу, потому что не было денег на трамвай. А теперь нужно было молчать. Заикнуться о «неудобстве» было бы в «самом свободном государстве мира» преступлением не сталинским, а перед Сталиным и Пятаковым.

С точки зрения не чекиста, а рядового русского человека, Пятаков и Сталин делали общее дело, и дело это было черным преступлением перед русским народом и Россией. И потому, совершенно естественно, что когда Пятаков и прочие непревзойденные слуги народа были не за свои действительные, а за мнимые преступления расстреляны, то ни из чьей груди не вырвалось вздоха сожаления. О палачах не плачут. И если над трупом Пятакова были действительно пролиты чьи либо слезы, то слезы эти были чекистские.

Сталинский режим оказался не слишком уютным для чекистов. За это, и только за это осуждает его Орлов, а не за злодеяния, учиненные над народом совместно Сталиным и его расстрелянными и нерастрелянными чекистами.

Орлов заявляет:

«Я не принадлежу ни к какой политической партии или группе. В этой книге я не преследую политической цели... Единственная моя цель показать публике скрытые факты в сталинских преступлениях и таким образом заполнить пробелы, без чего затрудняется понимание трагических событий в России, которые принимают характер нераспознаваемой тайны». (Предисловие, стр. 1).

Орлов напрасно беспокоится. Для людей, знающих советский строй, никакой тайны в трагических событиях, о которых говорит Орлов — нет. Есть может быть в убийной деятельности НКВД секреты технического характера, что не так-то уж интересно. Что же касается до самих событий, то смысл их лежит на ладони. Все произошло так, как и должно было произойти в тоталитарном государстве. Николаев убил Кирова: не все ли равно, сделал он это по личному мотиву или по сталинскому заданию. И не все ли равно, был ли он расстрелян **потому** что совершил преступление, или **чтобы** отделаться от нежелательного свидетеля. Важно даже не то, что убийство Кирова было использовано Сталиным, как предлог, чтобы расправиться с оппозиционерами. Судьба оппозиции никого не трогает в СССР. Важно то, что практика геноцида типична для тоталитарного государства, и ее объектом являются не одни троцкисты, а, например, миллионы

«кулаков», для которых у Орлова не находится ни одного сочувственного слова, и истребление которых он, повидимому, не считает «преступлением». Орлов за тоталитарный режим, но только находит, что адрес сталинского геноцида неправильный. Конечно, сталинская бойня, о которой повествует Орлов, явление омерзительное, хотя и неотделимое от тоталитарного режима, за который стоит Орлов. Но что же должен чувствовать нормальный человек, когда он вспомнит о преступлениях Сталина не против шайки его опричников, а против всего народа, расстреливаемого, ссылаемого, терзаемого пятаковскими пятилетками?

Никому, кроме любителей криминальных романов, не интересно знать, было ли убийство Кирова сталинской провокацией или личным делом Николаева. Это внутрипартийная склока, никак не интересующая русский народ. Важно то, что в России нет ни закона, ни права. Лишение русского народа всех человеческих прав и было целью и Сталина, и Пятакова, и Орлова, но Орлова эта трагедия не интересует, его интересует анекдот с Пятаковым, да и этот интерес вызван инстинктом самосохранения. Орлов напрасно рядится в тогу печальника народных нужд: он печальник нужд чекистов, он ущемленный и неисправимый тоталитарист.

Орлов доволен своей биографией. По крайней мере в его книге нет ни намека на то, что он хотел бы в ней что-то пересмотреть, переоценить. Ответственные посты он занимал в террористическом ОГПУ-НКВД. И все эти посты не могли не быть связаны с чудовищными преступлениями против права и человечности. Чего стоит только звание «советника» при республиканской армии в Испании.

«... я написал Сталину письмо, копию которого послал Ежову.

В нем я говорю, что я и **всякий честный** человек думает о его режиме». (Предисловие, стр. XIV).

Самое письмо в книге Орлова не приведено. Но можно с уверенностью сказать, что «всякий честный человек» сказал бы не то о сталинском режиме, что говорит в нем беглый «недорезанный» чекист Орлов. Орлов отождествляет себя со «всяким честным человеком», т. е. с массой русского народа. На это он не имеет никакого права.

Орлов не изжил и ему не приходит в голову изживать свою психологию чекиста. Беда, настоящая беда в том, что на Западе так носятся с этой психологией. Ведь вот издали же эту книгу!

Не как криминальный роман, а как ценный источник для ознакомления с тем, что происходит в России.

«Я записывал директивы, которые Сталин персонально давал начальникам НКВД на конференциях в Кремле; его инструкции инквизиторам о методах, могущих сломить сопротивление ленинских друзей и вымогания у них ложных признаний. Я записал несколько личных свиданий Сталина с его жертвами и слова, на самом деле сказанные замученными людьми в застенках Лубянки. Я получал эти строго охраняемые секреты от самих следователей НКВД, некоторые из которых в прошлом были моими подчиненными. Среди них был мой прежний заместитель Миронов, начальник Экономического Управления НКВД, который был главным сталинским помощником по приготовлению московских процессов. Также и от Бориса Бермана, заместителя начальника иностранного отдела НКВД».

«Чтобы совершить свои чудовищные преступления, Сталин нуждался в верных сообщниках среди офицеров НКВД. С увеличением количества его преступлений возрастало и количество его сообщников. Заботясь о своем имени в истории и о сокрытии своих преступлений от всего мира, Сталин решил в 1937 году ликвидировать всех своих доверенных помощников, чтобы те, кто его переживет, не стали бы свидетелями против него. Весной этого года Сталин ликвидировал без суда почти всех начальников НКВД и всех следователей, кто под его руководством вымогал фальшивые признания от основателей партии и лидеров революции...» (Предисловие, стр. X).

Для Орлова «чудовищные преступления Сталина» начались только с того момента, как Сталин перешел к ликвидации начальников НКВД и старой партийной верхушки. До того времени Орлов считал совершенно нормальным, что и вся «верхушка», и он помогали Сталину в укреплении его режима. Для них это была только обычная служебная рутина, служба, как и всякая другая, которая их нисколько не удручала. Когда Орлов работал в Экономическом Отделе при НКВД и вел борьбу с «вредительством», то он по долгу службы посылал на расстрел совершенно невинных людей и это не шевелило в нем благородных чувств и не возмущало несправедливостью. А он не мог не знать, что 99,9% его жертв были невинны.

Кроме непонимания того, чем на самом деле является он, Орлов, и ему подобные для русского народа, Орлов еще поражает своей безграмотностью во всем, что не касается его чекистской специальности. Чего стоят только его рассуждения о казаках, хотя бы. А может быть здесь не только безграмотность, но и желание ввести в заблуждение Запад. На Западе не очень-то разби-

раются в истории России. Историю коммунистической партии знают гораздо лучше.

«Не имея поддержки среди эксплуатируемых рабочих и революционных элементов страны, Сталин начал организовывать новую социальную базу среди реакционной части населения». (Здесь Орлов не понимает, что этой самой «реакционной базой» был он и ему подобные).

«Важнейший шаг, который Сталин предпринял в этом направлении, было возрождение казачьего войска, которое было ликвидировано после октябрьской революции».

«Во время царского режима, казаки были основной поддержкой трона и инструментом для подавления революционного движения в России. Казачьи части были организованы, как автономные военные части со специальными привилегиями и правами самоуправления. Их покровителем был сам царь и их главным начальником был наследник трона. Многие поколения казаков были с детских лет тренированы в искусстве войны и выросли в твердом монархическом духе и смертной ненависти к революционному движению. Благодаря их свирепости, дикости и реакционной манере жить, они были так непохожи на остальной русский народ, что являлись как-бы другой, не русской расой. Карательные экспедиции потопили революционные восстания в крови и жестоко преследовали забастовки рабочих и крестьян».

«Во время октябрьской революции казаки были, конечно, в лагере контрреволюционеров. Белые армии генералов Каледина и Краснова состояли из казаков. На Дону, так называемая Добровольческая Армия, руководимая генералами Алексеевым и Корниловым, состояла из казаков. Донские и кубанские казаки составляли главные силы генерала Деникина. Оренбургские и уральские казаки боролись против советской республики в армии генерала Дутова. В течение трех лет гражданской войны казаки ожесточенно боролись против революции и жестоко расправлялись с пленными красной армией и со всеми, кого они подозревали в симпатии к советскому режиму».

«Факт, что Сталин восстановил автономные казачьи войска со всеми их привилегиями, включая царскую форму, в то время, когда он ликвидировал общества старых большевиков и политических заключенных, показывает с особой ясностью, что реакционные перемены начались в стране под сталинской диктатурой».

«Во время празднования годовщины ГПУ в декабре 1935 года, которое имело место в Большом театре в Москве, все гости были потрясены, когда увидели недалеко от Сталина, в третьей ложе от него, группу старых казаков, одетых в сияющие мундиры бывших царских войск, с золотыми и серебряными галунами. В их честь московский балет демонстрировал на сцене казачьи танцы».

Сталин и его друг Орджоникидзе весело аплодировали. Взгляды зрителей были направлены не столько на то, что происходило

на сцене, как на восстановленных атаманов. Старый каторжанин Т., бывший начальник ОГПУ сказал товарищам, сидящим около него: «Когда я смотрю на них, даже теперь кровь во мне кипит», и он указал на глубокий шрам, который он получил от удара пашкой. Сталин нуждался в казаках для той же цели, для которой нуждался в них царь; когда дело доходило до подавления революционного восстания, лучших и более доверенных экспертов, чем казаки, найти невозможно». (Стр. 37-38).

Сведения, сообщаемые Орловым совершенно фантастичны! Нужно совсем не знать России и ее истории, нужно быть очень некультурным человеком, нужно интересоваться только тем, что лежит в пределах краткого курса истории ВКП(б), чтобы написать приведенный выше безответственный вздор о казаках. Впрочем, глубокое невежество относительно всего, что касается России, характерно для рядовых большевиков. Казаки действительно использовались как полицейская сила, при подавлении всякого рода беспорядков в царской России. Но эта роль не принадлежала исключительно казакам: к этому призывались и драгуны, и пехота и вообще почти все роды оружия. Подавление забастовочного движения в Ярославле в начале царствования Николая Второго, сопровождавшееся кровавыми эксцессами, было произведено, как известно, «молодцами-фанагорийцами», не имевшими никакого отношения к казакам. Есть много свидетельств о том, что обременение казаков полицейскими обязанностями вызывало у них недовольствие и раздражение: они считали себя воинами и видели нечто для себя унижительное в полицейской функции усмирителей. Государство вовсе не привлекало казаков к полицейской службе на началах свободного договора, как это может показаться неосведомленному человеку на основании неряшливого текста Орлова. Казаки, повинные в усмирениях, находились на действительной военной службе и подчинялись суровой дисциплине, освободиться от которой они могли не в большей степени, чем «молодцы-фанагорийцы».

Казачьи автономные (!?) части со специальными привилегиями и правами самоуправления существуют только в фантазии Орлова: это были обычные военные части, подчинявшиеся общему для всей армии полевому, строевому и дисциплинарному уставу. Казаки несли ту же военную службу, что и другие части населения, только более продолжительную и материально более тяжелую, так как казаки должны были за свой счет приобретать обмундирование и лошадей. Что касается до казачьих областей, то они отличались от земских губерний Российской Империи

именно тем, что были лишены самоуправления: земства в них не было.

Атаманом казачьих войск был действительно Наследник Цесаревич. Никаких привилегий это не обозначало и соответствовало общевоинским традициям. И не казачьи части имели шефами высочайших особ обоего пола и даже иностранных монархов. Так что и в этом отношении казаки ничем не выделялись из остальной армии.

Совершенно диким вздором является утверждение Орлова, что «казаки по своей свирепости, дикости и реакционной манере жизни (!?) были так непохожи на русский народ, что они являются как-бы другой, не русской, расой». Всякий, кто видел казаков и русских крестьян знает, что первые не отличаются от вторых ничем, кроме большей культурности и зажиточности. Казаки были более образованы: нигде в Российской Империи народное образование не было поставлено лучше, чем в некоторых казачьих областях, особенно в Донской и Кубанской и процент лиц, получивших высшее и среднее образование, был несравненно выше в казачестве, чем в крестьянстве.

Казаки, говорит Орлов, были против революции. Не против революции, а против большевиков, против которых было и подавляющее большинство русского народа. Генералы Деникин, Алексеев, Корнилов не были монархистами и сражались не за самодержавие, а за Учредительное собрание.

«Сталин восстановил автономные казачьи войска со всеми их старыми привилегиями».

Это такая чепуха, что надо думать, что строки эти не являются продуктом невежества, а представляют собой прямую ложь. Не только никакой автономии (ее не было и в царское время, следовательно и восстанавливать было нечего), но и выделения казачьей территории в особую административную единицу не произошло, и колхозы остались по прежнему. Сталинское восстановление казачества чистая фикция. В организованных им конных частях большинство всадников не было казаками. Иначе и быть не может: большая часть казачества была физически уничтожена еще во время коллективизации. Группа старых казаков в ложе Большого театра была не в царской форме (отсутствовали погоны) а в бытовой казачьей одежде. Никаких казачьих танцев нет: это русские и украинские танцы. И «старые казаки» были подобраны из партийной челяди: это люди того же типа, что и столь враждебный им «старый каторжанин Т.». Орлов, с его

чекистской преданностью идеалам большевизма, с его феноменальной историко-бытовой безграмотностью, рассказывает доверчивому и невежественному западному читателю эту лживую историю о возрождении казачества в уверенности, что никто из этих читателей не сможет ее опровергнуть. Так и дезориентируется Запад в русских делах.

Орлов настойчиво отгораживается от сталинской инквизиции», противопоставляет «добрых большевиков» злым «сталинцам». Но где был автор, в каком лагере он находился во время коллективизации, раскулачивания и истребления дикой и свирепой казачьей расы? С кем он был во время железнодорожной «реформы» Кагановича, которая стоила жизни множеству специалистов, обвиненных, как «предельщики», и привела транспорт почти к полному разрушению? Стоит поставить эти вопросы, чтобы убедиться в том, что Орлов имеет очень мало права снимать с себя ответственность за то, что творилось в России до его командировки в Испанию.

«Следователь Кедров был признан всеми ненормальным и садистом. Он устраивал истерики при допросах обвиняемых и был уже настолько ненормальным, что однажды обвинил одного из допрашиваемых в том, что тот пытался проглотить хрустальную чернильницу величиной в два мужских кулака. Когда Молчанову предложили освободить Кедрова от работы (Молчанов один из главных энкаведистов), то тот ответил: «Пока Кедрову удастся получать признания от обвиняемых, он его с работы следователя не снимает». (Стр. 80).

«Следователь Д. не был экспертом в вопросах психологического шантажа, но был опытен в **настоящей следовательской работе**» (подчеркнуто мною Л. О.).

Весьма показательна сцена, где таланты «настоящего» следователя проявились со всей полнотой и красотой. На упреки Молчанова, что следователи Отдела, в котором работал «настоящий» следователь Д. не умеют работать и не получают нужных признаний от заключенных, Д. ответил, «что в спецсекторе он руководит успешно допросами не менее важными, чем те, которыми занимается Секретный Политический Отдел, который Молчанов так превозносит. И что секрет успешной работы Политического Отдела известен всем присутствующим на данной конференции». Молчанов был затронут странным намеком и спросил, о каком секрете Д. говорит. Д. ответил:

«Объяснение очень простое. Нет ничего удивительного, что под судимые признаются вашим следователям во всем. Пользуясь тем преимуществом, что всеобщее руководство допросами сконцентрировано в Секретном Политическом Отделе, ваши служа-

щие берут себе на допрос заключенных, у **которых есть дети**. А для нас предназначаются заключенные, у которых детей нет. Помимо того, ваши служащие пробуют каждого заключенного и если видят, что он сговорчив и может скоро сдаться, они берут его для себя, но если проявляет упорство, его отдают нам». (стр. 83-84).

Понятие о праве, как у «настоящего» следователя, так и у автора ясны без комментариев. Первый огорчен, что не его отделу достаются обвиняемые «с детьми», а второй огорчен междуведомственной несправедливостью, проявляемой к Д. Ни одному из них не приходит даже в голову, что самое их отношение к следовательскому делу — уже преступление, перед народом и перед правом.

«Берман не был бессердечным следователем. Годы, которые он провел в НКВД, не удушили в нем чувства справедливости и сочувствия. Но будучи прикованным к сталинской колеснице, он был вынужден выполнять приказы, данные ему свыше. Если бы он отказался принять участие в допросе Фридмана (Берман приказал допрашивать Фридмана несколько суток подряд при сменяющихся следователях, конвеером. Л. О.) или произнес хотя бы слово против процесса, он был бы арестован и расстрелян, как «троцкисть». (Стр. 92).

Нельзя показать яснее, что служба коммунизму, человек не может не быть палачем, если этого требуют интересы партии. Нечего все сваливать на Сталина. Сталин был такой же раб коммунизма (только может быть, более последовательный), как и все его подчиненные. Разница между ним и берманами и орловыми та, что эти имели власть над нижестоящими, а он имел власть над ними. Но служение всякому тоталитарному строю — всегда рабство. И служат этому строю люди с рабской психологией. Люди с психологией свободных личностей или прозябают в виде «внутренней эмиграции» и по Соловкам, или заполняют могилы на Колыме. Последнее, положим, делают и служащие строю не за страх, а за совесть, только с той разницей, что первые, погибая, чувствуют себя внутренне свободными, а вторые живут и умирают рабами.

Миронов имел власть и престиж, но это не делало его счастливым. Это объяснялось тем фактом, что Миронов по натуре был **великодушный и совестливый человек** (Подчеркнуто мною Л. О.). Что же делали при таком строе не великодушные и не совестливые люди!? Но Орлову и в голову не приходит задуматься над этим. (Л. О.) и чувствовать раскаяние в том, что принимал участие в обвинении старых большевиков. (Стр. 11).

· Это тот самый Миронов, о котором автор на стр. 110 сообщает, что он под персональным руководством Сталина производил расследования по знаменитому процессу «Промпартии» и об английских инженерах Метро-Виккерс.

Процесс «Промпартии» проходил на наших глазах, и мы можем по совести засвидетельствовать, что он ничем не отличался в смысле «юридических» приемов от процесса старых большевиков, которые вызывали у того же Миронова такие угрызения совести. Диалектика!

Примечательно, что «Промпартию» Орлов никак не причисляет к сталинским «преступлениям».

«В тот день, когда советская печать сообщила о том, что смертный приговор над старыми большевиками приведен в исполнение, один из следователей Секретного Политического Отдела покончил с собой, оставив письмо, которое было скрыто от остальных служащих НКВД».

«Почти два месяца спустя начальник Горьковского отделения НКВД Погребинский, который во время первого приготовления к первому процессу арестовал учителей Марксистско-Ленинского института в городе Горьком и вынудил у них признания, что они собирались убить Сталина во время первомайского парада на Красной площади, тоже покончил с собой».

Фантастичность этого признания ясна совершенно для всякого человека в СССР. В том числе и для Погребинского. Но тогда он не кончил с собой. Это были признания «мелкой сошки», существование которой предназначено для того, чтобы погребинские делали на ней свою карьеру. А вот гибель «старых большевиков» — дело другое. (Л. О.).

«Погребинский не был следователем по призванию. Несмотря на тот факт, что он должен был выполнять жестокие приказания партии, он был по натуре мягкий и добросердечный человек. Этот Погребинский выдвинул идею создания специальных коммун для бывших уголовников с целью помочь им начать новую жизнь. Идея создания трудовых школ для беспризорных детей тоже принадлежит ему. Его достижения в этой области были запечатлены в известной всему миру кинокартине «Путевка в жизнь». (Стр. 210).

Идея, конечно, не плохая. Но что вышло из трудовых колоний для уголовников и из трудовых школ, хорошо известно, если не всему тому миру, который восхищался «Путевкой в жизнь», то русскому населению.

«Самоубийство Погребинского создало огромную сенсацию в НКВД. Он оставил письмо, адресованное Сталину, которое прошло через руки нескольких чинов НКВД, прежде чем достигло Кремля».

«... я процитирую здесь только одну фразу, которая отчетливо мне запомнилась. «Одной рукой», жалуется Погребинский, «я превращаю обыкновенных преступников в честных людей, а другой я принужден во имя партийной дисциплины наклеивать ярлыки преступников на благороднейших революционеров нашей страны». (Стр. 211).

Судьба «благороднейших революционеров» не вызвала в массе русского народа никакого сочувствия. Ему, этому народу, замученному коллективизацией и пятилетками, было совершенно безразлично, какие элементы партии, — благородные или неблагородные его угнетают и истребляют.

«С начала тридцатых годов самоубийства среди служащих НКВД стали учащаться, особенно среди служащих Секретного Политического Отдела, кто проводил репрессии среди оппозиции. И среди всех этих случаев основным мотивом были угрызения совести и даже сознание греха». (Стр. 211).

Интересно, что по поводу процесса «Промпартии» и по поводу коллективизации «угрызений совести и сознания греха» у чекистов не было. По крайней мере, Орлов о них нигде не упоминает, да и мы никогда не слышали, чтобы крупный чекист покончил с собой, сознавая свой грех по отношению к народу. Но зато к чести рядовых партийцев и даже провинциальных партийных руководителей ранга секретарей обкомов, самоубийств на этой почве было не мало. Но это не интересует праведника из чекистов. Говоря кратко о коллективизации он даже и не упоминает об этих самоубийствах последних совестливых людей коммунистической партии.

У начальника Секретного Политического Отдела НКВД Украины Козельского, умер четырехлетний сын. Козельский покончил самоубийством и оставил письмо, в котором говорит, что «Бог его лишил ребенка, потому что он арестовывал и ссылал неповинных людей». Дальше Орлов прибавляет:

«Принимая во внимание, что Секретный Политический Отдел имел дело почти исключительно с членами правой оппозиции и последователями Троцкого, не трудно догадаться, кто были эти невинные люди».

Может быть Козельский имел и кого-либо другого в виду. Но Орлову не приходит в голову, что какой-нибудь чекист может думать о народе так же, как и о «благороднейших революционерах».

Приготовляя московские процессы, ответственные служащие НКВД тщательно анализировали директивы, которые получали от Сталина, делая это не только с узко-профессиональной точки

зрения следователей, но и с целью изучения сталинских мыслей и его секретных намерений. Они могли бы сделать потрясающее открытие, что Сталин имеет на уме уничтожить их всех, как нежелательных свидетелей и его сообщников по судебной ловушке против старой ленинской гвардии. Там были строки сценария, где они могли прочесть черным по белому сталинские намерения против них.

Когда Миронов доложил Сталину показания Рейнгольда против Зиновьева и Каменева, Сталин приказал Миронову внести в показания Рейнгольда следующее добавление:

«Зиновьев и Каменев не исключают возможности, что в распоряжении ОГПУ имеются нити заговора, приготовленного против государства. Поэтому они считают своим первейшим долгом уничтожить (после захвата власти) малейший след совершенного ими преступления.

Для этого предполагалось пригласить Бакаева, начальника ОГПУ. Ему было поручено физическое уничтожение лиц, которые непосредственно произвели террористический акт против Сталина и Кирова, также и тех служащих ОГПУ, **которые владеют нитями к совершенным преступлениям**. (Подчеркнуто Орловым).

«Так как начальники и следователи ОГПУ прекрасно знали, что Зиновьев и Каменев никого не убивали и не собирались убивать, они могли бы сделать из сталинского добавления к показаниям Рейнгольда вывод необычайной важности для самих себя лично: что, согласно сталинской логике политические лидеры, которые в своей борьбе за власть организывают убийства своих соперников, должны после этого позаботиться об уничтожении всех следов совершенных преступлений, не колеблясь ликвидировать даже и тех доверенных лиц, которые по их поручению произвели убийства. Для чинов НКВД могло бы стать ясным, что Сталин в своих добавлениях к показаниям Рейнгольда формулировал свой взгляд на то, как политик, практикующий убийство своих соперников, должен прятать свое преступление». (Стр. 221)

Но, увы! горюет Орлов, высшие чины НКВД не догадались о грозящей им опасности и не использовали той великой силы, которую они еще имели, для своего собственного спасения.

Дальше следует патетический рассказ о том, как Ежов предательски расправился с теми, кто «увы!» не использовал своей власти для самосохранения. Начались самоубийства среди работников НКВД. Некоторые стрелялись, а некоторые бросались из окон лубянского застенка.

«Здание НКВД расположено в сердце Москвы и инциденты, когда служащие его прыгали из окон верхних этажей, происходили на глазах у многочисленных прохожих. Новость о само-

убийствах офицеров НКВД очень быстро распространилась по всей Москве и население впало в панику. Никто не понимал, что же происходит». (Стр. 216).

Как выбрасывались из окон следователи НКВД, об этом Орлову знать лучше, чем кому бы то ни было другому. Но реакцию населения на самоубийства чекистов Орлов изображает совершенно неправильно. Никакой паники не было. Было злорадство «гад гада пожирает» — таково было радостное, — да радостное, ощущение московского обывателя. Эти настроения, конечно, этически не слишком возвышены и практически не слишком разумны и целесообразны. Но они были именно такими.

Дальше Орлов в своей книге проводит пикантную параллель между охранкой и НКВД... и в пользу охраны. Он благородно негодует на НКВД, что оно не в пример охране, которая «могла сослать самого преступника, но не имела права ни сослать, ни подвергнуть какому-либо наказанию членов его семьи, НКВД преследует и ссылает членов семьи революционеров». (Стр. 44)

Ну, а семьи тех не революционеров, которых преследовал и ссылал сам Орлов? С теми как? Или им «так и надо»? «Враги народа»?

Считаем это место в книге наиболее пикантным: старый чекист отдает предпочтение царской охранке перед учреждением, в котором он провел «свои лучшие годы».

По всей книге Орлова разливается этокое благородное негодование на скверных дядей НКВД. Но все это негодование возникает только, когда законы скверных дядей касаются старых чекистов из старой ленинской гвардии. Когда же эти законы пожирают простое население — Орлов этого просто не замечает. Его сетования по поводу того, что дети старых большевиков стали в то же положение, в каком были сотни тысяч безпризорников, вызывает у читателя не сочувствие, а негодование и отвращение «к слугам народа».

Вообще благородные чувства, которые Орлов приписывает чекистам, оказываются всегда очень относительными и условными. Если жестокость и безобразия сталинского режима не касаются непосредственно чекистов, они остаются типичными «слугами народа» вроде Пятакова; если же им начинают грозить сталинские ужасы — в их сердцах начинают бить родники чувствительности, нежности и благородства.

Орлов сетует о «конце революции»:

«Насаждая блестящую видимость, Ягода приказал охране НКВД сменяться на глазах у публики с музыкой и помпой, как в

царские времена. Ягода стал сильно интересоваться старыми уставами царской гвардии и подражая им, издал ряд глупейших приказов, касающихся военной тренировки и отношений начальников и подчиненных. Люди, которые только вчера общались свободно, как товарищи, должны были вскакивать друг перед другом, как механические солдатики. Щелканье каблуками, отчетливые салюты и односложные холопские ответы начальникам стали неизменными атрибутами хорошего чекиста и коммуниста».

«Все это было только началом целой серии нововведений в Красной армии, целью которых было возвестить рабочим массам печальную истину: революция со всеми ее заманчивыми обещаниями пришла к концу, и что сталинский режим придавил советскую землю той же губительной тяжестью, какой царская династия Романовых давила ее триста лет». (Стр. 259).

Эволюцию советского строя Орлов в общем изображает довольно правильно. Отсутствует в его изображении только понимание абсолютной закономерности этой эволюции. Ленин — зерно, Сталин — плод. Ленин — потенциальный Сталин, Сталин — до конца осуществивший себя Ленин. Но понять эту неопровержимую истину чекист, вооруженный самой передовой и научной в мире теорией марксизма-ленинизма, разумеется, не в состоянии.

По-нашему — революция кончилась в тот момент, когда большевики захватили власть. Начиная с того момента в России начался тоталитарный режим, который и продолжается до настоящего времени. И только устроителям этого строя может показаться, что революция кончилась не с колхозами, потерей населением страны всех человеческих прав, а с введением погон, щелкания каблуками и холопских ответов начальству. Совершенно ясно, что лицемерное сожаление Орлова о колхозниках вызвано требованиями времени, места и момента, а совсем не тем, что он считал это дело подлым, зверским, а, главное, незаконным. Выжимание соков из колхозников, рабочих и даже детей на непосильных работах не упоминается, как «сталинское преступление». Преступления начались только с московских процессов над старыми большевиками. И над чекистами. Только после истребления «слуг народа» для Орлова и присных его, революция кончилась, т. е. когда кончилась их карьера.

Групповая ограниченность Орлова, ограниченность котерии, касты вырождается в полнейшую тупость. В истории мало можно найти примеров такой ограниченности. На одной из блестящих страниц «Былого и дум», Герцен рассказывает о встрече с О. А. Жеребцовой, великолепной представительницей потонувшего

мира. Она жила в XVIII в., как Фомушка, и Фомушка неизмеримо превосходя тургеневских героев культурой, мощью интеллекта, широтой сердца. Она отождествляла придворные круги с русским обществом, что, — тонко замечает Герцен, — было правильно для времени Екатерины Второй. Что было после, она не видела; но вот, в поле ее зрения появился Герцен. Она сразу почуяла новый мир и жадно на него набросилась, и сколько она сумела в свои 80 лет увидеть и понять! Она умела преодолевать свою ограниченность. А Орлов не умеет, не хочет, не способен. Жеребцова — старый пышно зеленеющий дуб; Орлов — труп, который забыли похоронить.

Книга Орлова дает совершенно превратное представление о коммунистической революции и дезориентирует западное общественное мнение. Орлов отождествляет чекистскую оппозицию, вернее, чекистские группы с народом.

Я не голословна в утверждении, что Орлов не изжил и не находит нужным изживать свою психологию чекиста. И это было бы не интересно ни с какой точки зрения, если бы этой психологии не отводили так много места на Западе. Ведь вот издали эту книгу. И издали не как криминальный роман, не как «мистери Стори», а как книгу, знакомящую Запад с тем, что происходит в России. Более дезориентирующего документа нельзя себе и представить. И когда уже кончится эта западная безграмотность во всем, что касается России? Когда, наконец, Запад поймет, что русский народ и даже подавляющее большинство коммунистов, — не чекисты, а просто народ. Почему то восточно-германский народ не отождествляют на Западе с немецкими коммунистами. А вот русский народ — да! И все «хорошие слова» некоторых политических деятелей о том, что «нашим союзником является русский народ» тонут в море таких вот изданий.

Какая верность чекистскому мышлению видна из строк: «Я уверен, что амнистия, объявленная для некоторого числа заключенных означает, что режим очищает тюрьмы, чтобы дать место для новых жертв» (Стр. 354, послесловие).

Мы здесь ставим проблемы: например, амнистия это только подачка зарубежному общественному мнению, или вынужденная и, как всегда, фиктивная уступка населению? А Орлов решает все это очень просто, по чекистски: нужно место для новых жертв партийной чистки. Но... Маленков знает по опыту своих предшественников Ленина и Сталина, что «как в желудке место

хорошему куску всегда найдется», так (перефразируя русскую поговорку): «для жертв тоталитарного режима место в тюрьмах всегда найдется». Если до сих пор советские власти царские одиночки заполняли 50-60 человеческими телами, то и маленковцы сумеют это сделать не хуже, а может быть, используя опыт предшественников, даже и лучше. Опять наше мнение простых русских сюжетов расходится с мнением сталинского функционера и «слуги народа» из стаи славных чекистов.

В заключение нельзя не пожалеть о том, что такие книги издаются. На них тратятся деньги, читательское внимание, а главное, они дезориентируют западное общественное мнение. Они продолжают выполнять старое сталинское задание. Большой обиды и оскорбления русскому народу нанести нельзя. Тем более, что этот народ беззащитен. У него нет ни малейшей возможности отвести от себя эту гнусную клевету. Он связан по рукам и ногам и у него во рту кляп. На родине за него говорят коммунисты. Как сказал один из западных дипломатов в личной беседе со мной: когда читаешь о миллионах жертв, то это не производит впечатления. Вот когда читаешь такие, например, вещи, как ваш личный дневник, тогда это звучит. Но как слабо звучит! Что напечатано по поводу переживаний простых подсоветских граждан? В советской литературе герои только коммунисты, и даже не герои, а вообще все действующие лица. Если имеются порядочные, с точки зрения партийного заказа, беспартийные, то к концу произведения они непременно становятся партийцами. Если же они непорядочные — то их выводят только затем, чтобы подчеркнуть красоту партийцев. И на Западе тоже самое. Предметом сенсации являются или чекисты с «благим подсознанием», или такая чепуха, как книга «Я видел Сталина». Или произведения вроде миссис Керк, где любовь советского народа к своим детям «ничем не отличает его от животных». Если американцы любят своих детей, то это благородно, а вот если советский народ — тогда это не отличает его от животных. Таковы представления западного большинства о русском народе. С какой охотой печатается все, что относится к клевете на русский народ и с какой неохотой — правда о нем. Я, например, очень далека от уверенности, что эта моя рецензия будет напечатана (Примечание издателя: Рецензия не была напечатана). И не потому, конечно, что она не является литературным шедевром — печатаются вещи гораздо

хуже, а именно потому, что я рискнула выступить на защиту русского народа от клеветников на него. А клевета на русский народ в наши дни доходит до того, что этот народ стараются выставить ответственным за сталинские преступления (т. е. подлинные, а не мнимые). Усиленно проводится идея, что **сам народ требовал коллективизации**, что он всегда жаждал коммунизма. И Орлов все время отождествляет НКВД с народом.

XX

КРАТКИЕ РЕЦЕНЗИИ И РЕЦЕНЗИИ НА ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ

Емменс. «Гости Кремля»

Максимиллиан Компани, 1949 г., Нью-Йорк

Это одна из лучших книг, написанных о Советском Союзе. Хороша она полной объективностью и умением видеть и делать выводы из виденного. Автор — один из пяти человек команды американского бомбардировщика. Они в числе прочих 16 бомбардировщиков бомбили в первый раз Токио. После окончания операции у них не осталось горючего, чтобы долететь до дому, и они решили лететь к своим союзникам, во Владивосток, надеясь, что как только они скажут в чем дело, им сейчас же дадут горючего и они спокойно полетят домой.

Дальше автор рассказывает, как постепенно угасали их надежды на получение горючего «сегодня», как их задерживали, не объясняя причин задержек, пока, наконец, не объявили им, что они интернированы и для «безопасности должны содержаться под охраной».

Подробно описывается жизнь советского населения во время войны. Ведь вот человек за тридцать с лишним месяцев был свободным только два дня, во время переброски из Молотова в Среднюю Азию, и видел советских людей или из окна вагона или с крыльца убежища под Пензой, и все же он сумел разглядеть все, что делалось в то время в народе. А некоторые «знатоки» Советского Союза, прожив там по нескольку лет, не удосуживаются разглядеть ничего.

Ничего нового книга нам не сообщает. Нищета населения, грязь, забитость. Отсутствие медицинской помощи полностью, «потому что население все отдает по собственному желанию любимой Красной армии», — так объясняет им переводчик, некий лейтенант Шмарин. Не требует объяснения, к какого рода войскам принадлежал Шмарин.

Отсутствие магазинов для населения он объясняет также жертвенностью последнего, а вот то, что существуют магазины не только для армии, но и для НКВД и коммунистов, он объяснить не может. Поэтому на такие вопросы, как правило, не отвечает.

Летчики проехали весь Советский Союз: из Владивостока они были направлены в санаторий для раненых под Пензу. При чем в санатории не оказалось никого, кроме них и прислуги, которая их обслуживала. После нескольких недель пребывания под Пензой, ввиду приближения фронта, их перевели под Молотов. Там, в глухом районном центре, они прожили уже без охраны, а только с переводчиком и завхозом, коммунисткой Жестевой, около 7 месяцев. Наконец, утомившись бездельем, и страдая от морозов, они написали письмо Сталину, в котором просили отпустить их домой. Если же это невозможно — перевести их куда-нибудь на юг и дать возможность работать. Ответ последовал немедленно в лице двух офицеров, которые приехали из Молотова с сообщением, что на родину американцев отправить невозможно, а вот на юг они могут переехать немедленно и работу получают. Радости их не было предела. Майор привез их в Молотов, устроил там в гостинице, передел в русское военное обмундирование, водил по театрам и кино. И даже позволил им одним ходить по городу.

Через несколько дней их повезли на юг. Во время перемещений они никогда не знали куда их везут. Не знали они и теперь, но видели, что едут действительно на юг. Наконец, их привезли в Ашхабад.

В поезде они познакомились с неким «Колей», который был тоже из Ашхабада.

По приезду в Ашхабад майор привез их в новое жилище — это была глиняная мазанка, в которой только и могли поместиться их кровати. Ни матрасов, ни одеял, ни подушек. После того, как с ними обращались до сих пор, последнее их жилище не сулило ничего хорошего. Даже майор законфузился и спешно уехал.

Работу они получили в качестве чернорабочих по разборке старых самолетов на маленьком ремонтном заводике. Мастером у них был армянин коммунист, который все заставлял их «применять стахановские методы труда», издевался над тем, что в Америке не умеют работать по-ударному и отравлял им существование так же, как и всем прочим рабочим. Так что они

узнали на практике все «достижения советских рабочих». Армянина же возненавидели ото всего сердца.

Еще в Пензе у них был план, при первой же возможности, бежать куда-либо за границу. Теперь этот план начал принимать более реальные формы, благодаря близости к персидской границе.

Побег был осуществлен при помощи Коли, который совершенно бескорыстно подвергал себя смертельной опасности, в случае обнаружения его участия. Коля нашел контрабандиста, связал его с американцами, и они благополучно прибыли в Мешхед в английское консульство.

Заканчивается книга следующими строками:

«Вот Россия, которую мы видели. Это Россия, которая существует сегодня. Боже мой! Совершенно невероятно, что подобная жизнь для многих миллионов людей может существовать и до сих пор не служит поводом для всеобщего отвращения во всем мире!

Эти строки в Соединенных Штатах вызовут только недоверие, а жизнь такая покажется невыносимой. И вот коммунизм, как проказа на коже мира, распространяется на север, на юг, на восток и на запад. **Боритесь с ним!**» (подчеркнуто автором).

Все это очень и очень хорошо, но книга-то вышла только в 1949 году, а автор бежал из Советского Союза в 43. И после его побега и побега его четырех спутников (и, конечно, после их рапорта) была Ялтинская конференция! И выдачи власовцев, и понуждения УНРРА к репатриации!?

Пат. Франк «Государственное дело». Роман. Нью-Йорк, 1950.

Роман Пата Франка для нас, русских, представляет огромный интерес в том отношении, что он доказывает большие сдвиги в американском общественном мнении. Американский гражданин начинает понимать, что мир стоит перед катастрофой и, что спастись от этой катастрофы можно **только при помощи русского народа.**

Роман Франка был переиздан пять раз тремя различными издательствами, это с несомненностью доказывает, что роман читался и был в большом спросе, несмотря на то, что с точки

зрения современного читателя, он — пресен. В нем нет никаких поднимающих волосы дыбом ни раскрытых, ни не раскрытых преступлений. Даже и приключений нет, если не считать приключением маленькой бомбы-пугача, которая была подложена под автомобиль героя романа. Интерес его состоит только в том, что автор внес в души американских граждан надежду избавиться от грядущего ужаса, и избавиться как без унижительных для достоинства нации уступок, так и без не менее унижительной жестокости атомной войны на «истребление русского народа».

Для нас, все эти истины стары, но для сознания среднего американца они являются отрадной и обнадеживающей новинкой.

Пат Франк довольно красноречиво и убедительно показывает бюрократизм, а подчас и преступность работников Государственного Департамента США. Так это или не так — мы не знаем, возможны ли такие адмиралы, как показанный в романе на посту главы дипломатической миссии в Будапеште. По мнению этого честного и прямолинейного вояки, все мировые конфликты можно очень просто разрешить двумя-тремя хорошими морскими сражениями. И поэтому он усерднее занимается игрой в кораблики на полу своего кабинета, чем делами миссии.

Мы не знаем, есть ли такие преступные карьеристы, как Келлер, который в целях укрепления личной карьеры продолжает проводить секретную акцию «Атлантис», хотя ему и доложили, что об этой акции уже известно МГБ, почему продолжение ее несет неизбежную смерть венгерским участникам акции, и роняет престиж Америки.

С нашей точки зрения весь роман написан только для нескольких страниц, которые заняты разговорами дипломата Джеффа Беккера с майором Леонидом Ласенко. Эти страницы мы приводим здесь. Только они и представляют интерес. Все остальное в романе, как обычно: «жили долго и умерли в один день». Обычный «хеппи энд».

Весьма напряженное время. Весь мир ожидал, удастся ли советскому правительству спровоцировать американцев на открытое столкновение уже не в корейских масштабах. Разговоры о войне велись только в двух направлениях: можно ли продлить полумир новыми уступками? И — не истребить ли «миллионов сорок русских» и тем покончить с напряжением и водворить мир и благоволение на всей земле? Третьего выхода не видели.

И вот в это время в кафе Будапешта встречаются наши герои — молодой, наивный и неопытный американский дипломат Джефферсон Беккер и советский майор госбезопасности Леонид Ласенко (вероятно, он был Лысенко). Они — старые друзья. Подружились они во время войны в Бари, где оба были офицерами связи. Ласенко прекрасно говорил по-английски и не менее прекрасно играл в покер, чем и покорило сердце Беккера. Манера игры в карты у Ласенка была такова, что Беккер заключил из нее, что Ласенко человек благородный, честный, почему на него положиться всегда можно (типично американский психологический подход). В этом он не ошибался, как покажет дальнейшее развитие действия романа. Об интеллигентности и уме майора Беккер составил себе представление из тех длинных разговоров, которые они вели, находясь сутками на дежурстве при штабе армии.

В кафе, после рассказов друг о друге, разговор, конечно, переходит на современное положение и на возможность войны. На вопрос Беккера, думает-ли Ласенко, что война неизбежна, тот отвечает:

«Да! Мы с вами, как два корабля на опасном курсе, управляемые слепцами, в страхе застывшими на рулях. Война не только неизбежна, но я могу вам даже сказать, как она начнется, как будет протекать и как закончится.

«Вы атакуете нас» — продолжал Леонид. — «Ваше воспоминание о Пирл-Харборе будет всегда свежим и вы не рискнете второй такой неожиданностью. Вы нападете на нас в тот момент, когда ваш президент поверит, что у нас есть атомное оружие (Роман, очевидно писался до объявления о том, что СССР имеет атомную бомбу) и мы готовы к нападению на вас. Ваш президент примет решение один, без обычного обсуждения вопроса в парламенте, потому что, как он скажет, это будет вызвано военной необходимостью.

У него не будет другого выбора. Нажим будет слишком велик. Ваша главная разведка будет знать, что у нас имеется достаточное количество атомных бомб. Она также будет информирована о наших успехах в разработке бактериологического оружия, в котором мы, вероятно, обгоним вас. Ваши разведки демаскируют наши аэродромы. Ваше Эф-Би-Ай раскроет наши заговоры внутри вашей страны. Наши акции в Германии, Манчжурии, Корее и Греции станут непереносимыми для вашей армии. Наши действия в Средней Азии напугают ваше морское командование, ваш флот начнет голодать без среднеазиатской нефти и адмиралы тоже начнут требовать войны. И в тот момент, когда президент будет опасаться второго Пирл-Харбора, он отдаст приказ о нападении. Он должен будет это сделать.

В первый же день ваши воздушные силы разрушат наши важнейшие центры. Вы превратите в радиоактивную пыль Ворошиловград, Магнитогорск, Горький, Ленинград, Сталинград, Одессу, Днепропетровск и, конечно, Москву и все новые ураниевые города за Уралом. Сколько миллионов людей будет убито, я не могу представить, но количество убитых не будет иметь влияния на ход войны».

Джефф перебил: — «Нет, потому что у вас будут ваши войска в городах Западной Европы и вы сбросите в море западные вооруженные силы».

— «Это только начало, — сказал Леонид. — Позже вы высадитесь на континент и ваша армия победит советские войска точно так же, как она проделала с немцами и по той же самой причине. У вас будет перевес в вооружении, воздушных и людских силах. Большинство советских войск будет уничтожено, уцелевшие вернутся в Россию».

— «И тогда война будет кончена!»

— «О, нет, — ответил Леонид. — Это будет только вторая стадия. Третья стадия начнется, когда вы оккупируете большую часть России и всю Европу. Я думаю, что на это потребуется 10 или 12 миллионов человек. Любой генерал скажет вам, что победа может считаться завершенной только после того, как вы оккупируете и умиротворите вражескую территорию. Это будет исключительно трудно, а может быть даже и невозможно. Начнется непрерывная партизанская война».

— «И тогда мы победим в войне», — сказал Джефф.

— «Нет, вы не победите. Вы только просто повторите русскую трагедию. Вы будете только из страха за свою жизнь сначала убивать, а потом покончите самоубийством».

— «Не понимаю».

— «Вы обязательно попадете под власть военной диктатуры. С таким огромным количеством идеологических предателей и советских агентов в вашей стране вы будете не в состоянии вести войну без военной диктатуры. Ваши тюрьмы будут переполнены и ваши свободы исчезнут. Вы будете расходовать ваши богатства и расходам не будет конца, потому что всегда будут миллионы ваших солдат за границей, укрепляющих победу и поддерживающих порядок. Вся Европа и часть Азии будут в таком хаосе, что лучше бы все это предоставить пустыне. Но вы не сможете этого сделать, потому что везде будут жить люди и все они будут вас ненавидеть. И как следствие всего этого вы начнете слабеть и разрушаться и ваше самоубийство станет окончательным».

— «Может быть все, что вы говорите, Леонид, и правильно, но есть одна вещь хуже, чем выиграть войну — это проиграть ее», — сказал Джефф.

— «Это правда, но в конце концов небольшая разница. Скоро наступит время, когда никто не захочет выигрывать войн».

Если бы эти строки написал русский автор, то ничего удивительного и интересного тут не было бы. Мало ли каких правд и

истин не писали русские. Но эти слова приобретают острую динамичность, поскольку их говорит современный нам американец. Да не просто говорит, а печатает, и эти строки читают сотни тысяч других американцев. Какое благодатное просветление! Дальнейшее приносит еще больше радости нашему, на каждом шагу оскорбляемому одинокому пониманию происходящего. Мы теперь не одни: у нас начинают появляться союзники. Те самые, которых мы так долго ждали и искали.

— «Значит, у вас нет никакой надежды? — спросил Джефф.

— «Надежда есть. Если бы ее у меня не было, я прямо вот сейчас, отсюда пошел бы к Дунаю и утопился в нем. В Европе говорят, что диктатор сделал большую ошибку, показав Европе Красную Армию и Красной Армии Европу. Это правильно. Солдаты увидели разницу в жизненном уровне населения в Европе и у себя дома. Они поняли, что диктатор им все время лгал. Они вступили в контакт с американской армией и увидели все те невероятные для нас привилегии, какими эта армия пользуется. (Это все с точки зрения американца. С нашей же точки зрения показ Европы и Европе имеет гораздо более глубокое значение, чем только понимание различий в жизненном стандарте. Это только часть правды, часть той ошибки, которую сделал диктатор. Но слава Богу, что начинают понимать и частицы правды. (Не далеко то время, когда поймут и всю правду. Л. О.). Моими счастливейшими днями были дни, которые я провел в Бари. И я не один такой. Такие, как я, понимающие всю нищету и ложь, в какой они живут, такие есть и среди самой верхушки нашего государственного аппарата. И мы говорим между собой об этом и бежим на Запад. Не сразу, конечно. Это было бы опасно. Мы — вторая Русская Революция! — майор схватил Джеффа за руку, — слышите ли, Джефф, Вторая Русская Революция».

— «Я слышу, — ответил Джефф. Бесконечные возможности предстали перед его внутренним взором. — Я не думал, что это возможно. Но я вижу, что я был глупцом. Мы ведь не представляли, что была оппозиция против Гитлера. А она была и чуть не покончила с ним».

— «Мы непременно покончим с ним — сказал Леонид. Мы убьем и остальных безумных отравителей всего мира, и в России мы будем иметь новое правительство и новую страну, и настанет всеобщий мир!»

— «Я надеюсь на это», — вздохнул Джефф.

— «А я молюсь об этом и верю в это. Мы можем сделать это и одни, но с помощью это будет скорее. Может быть без вашей помощи это будет недостаточно скоро. Нам очень трудно сблизиться с вами. Мы уже несколько раз пробовали это, но из этого ничего не вышло. Я возлагаю на вас надежды, Джефф...»

«Вы можете нам помочь. Нам нужно много. Нам нужны газеты. Мы должны печатать наши листовки. Где и как это сделать? Сейчас мы устраиваем радиостанцию. Дело подвигается успешно, но нам нужно еще очень много».

Джефф сказал Леониду, что он только третий секретарь без влияния и без власти и, что он может только сообщить об этом разговоре своему начальству. Леонид просил его передать об этом разговоре в Департаменте только такому человеку, которого он, Джефф, сам хорошо знает и которому он доверяет вполне. Потому что в случае, если этот разговор станет известным, погибнут многие люди из подполья.

«Ваш государственный Департамент не надежен» — заканчивает Леонид свою речь.

Эта длинная цитата была необходима, чтобы понять, какая разница в мироощущении американского гражданина произошла за эти несколько лет. Уже не истребление сорока или ста миллионов русских людей, для того же спокойствия всего мира, а помощь этим русским людям в борьбе против «него», который угрожает миру. Уже понимание, что русские люди могут «и одни справиться», только не так скоро. А необходимость справиться **скоро** остро чувствуется.

После этой встречи были и другие у Джеффа с Леонидом. И наконец Леонид сообщает Джеффу, что радиостанция «Свободная Россия» работает и что он, Леонид, бежит в Австрию, на границе которой и работает эта радиостанция.

Во время последней встречи Леонид сообщает Джеффу, что МГБ знает об акции «Атлантис», которая состояла в том, что американская миссия по секрету вербовала венгров в резистанс против советского правительства.

Беккер докладывает о своем разговоре с Ласенко адмиралу и Келлеру. Оба ему не верят. Не хотят верить по различным причинам, очень мало похожим на любовь к родине и на заботу о благе всего мира. Не только не поверили, но еще и поставили ему в вину «общение» с представителями враждебной миссии и откомандировали в Вашингтон с соответствующим изложением всего дела. В Госдепартаменте были тоже бюрократы, тоже карьеристы и там ему не поверили. Т. е. отнеслись подозрительно к его утверждениям, что Ласенко не провокатор, и что ему можно верить безоговорочно.

Друзья Беккера устроили ему прием у главного начальства, которое автор называет «Секретарем». Секретарь поверил всему,

что рассказал Беккер, и приказал произвести запросы во все пропагандные центры мира и в английскую зону Австрии. Отовсюду были получены извещения, что ни о какой станции «Свободная Россия» неизвестно, и что никто, соответствующий описанию майора Ласенко, границы не переходил. Беккеру предложили подать в отставку — его дипломатическая карьера была окончена.

Но на другой же день после подачи им в отставку все газеты были заполнены сообщением о том, что на границе Австрии действует подпольная радиостанция «огромной мощности» и она называется «Свободная Россия». И вскоре же было получено известие от английской разведки, что при переходе границы был застрелен советскими пограничниками майор советских войск Ласенко. Беккер был немедленно восстановлен во всех своих поправных правах, женился на любимой женщине и истина восторжествовала.

Пока еще американские авторы представляют советский резистанс в виде майоров госбезопасности и верхушки советского госаппарата. Но все же начало положено. Американское общественное мнение повернуло на правильную дорогу.

Остается только пожелать американским писателям большего ознакомления с истинным положением вещей, со «Второй Революцией», и поблагодарить Пата Франка за то, что он один из первых рискнул затронуть эту непопулярную до сих пор тему.

Н. Задоров «Амур-батюшка» «Советский писатель», 1946 г.

Первая встретившаяся нам послевоенная советская книга без социального заказа. Рассказывает о переселении с Камы русских крестьян в начале этого столетия. Любопытно, что автор не скрывает того, что царское правительство, переселяя крестьян на новые, приобретенные у китайцев земли (речь идет об освоении Амура) заботилось о них. Им предоставлялись средства передвижения по реке, вроде плотов, например, которые для них готовили солдаты. Солдаты же косили и заготавливали сено для их скота. Сопровождал их до места поселения чиновник, в пути они получали крупу, муку, соль.

Книга посвящена, главным образом, рассказу о том, какие хорошие русские люди, как хорошо они относились к гольдам и прочим туземцам, как защищали гольдов от китайских торговцев и чиновников, которые еще продолжали ездить на русскую

территорию и собирали с безграмотных и ничего не понимающих в международной политике гольдов, налоги по старому, как они собирали их для китайского правительства.

Жизнь переселенцев подана в тонах идиллических. Все очень хорошо на новых землях. Хорошо корчевать лес и осваивать джунгли, хорошо жить в землянках и даже цынгой болеть в конце концов, не так то уж плохо, потому что больные получают даром от соседей муку и прочие припасы.

Главный герой повести Иван Бердышев старый поселенец. Он помогает новым пришельцам освоиться на новой земле. Женат на красавице гольдке Анне, которая крещена. Упоминается и о священнике. Упоминается без злопыхательства и издевательства.

Невозможно понять, к чему написана эта книжка. Даром никакие книжки в советской литературе не допускаются. Можно предположить, что так как книжка написана во время войны, а издана сразу же после войны, то она хочет показать вновь отстраивающимся и восстанавливающим города и села гражданам, что землянки — хорошо, что и при царе жили в землянках и жили не плохо, что помощь соседа всегда обеспечена. Если это так, то автор справился с задачей плохо. У него очень сильно выпирает свобода и приволье жизни на Амуре. Сравнить природные богатства Амурского края и разоренные поля и города послевоенной России — невозможно. Выпирает у него также и то, что в смысле правительственного гнета, амурские ново-поселенцы жили, как в раю. Исправник приезжал к ним раз в год, а то и реже, налогов и поборов никаких и т. д.

Аркадий Гайдар «Школа» повесть, 1937 г.

Серия «Золотая библиотека».

Тема партийного заказа: революция была неизбежной, потому, что весь народ ее хотел. Даже школьники, потому что школа царских времен была не полноценна и ничего детям дать не могла.

Литературная тема: жизнь школьника до революции и во время ее.

Если отбросить все лживые вымыслы о школе прошлых времен, то повесть правдива и, вероятно, автобиографична. Написана не без литературного дарования.

Говорится о мальчике, почти юноше, который попадает в отряд к красным и борется с ними вместе против белых. Не без таланта даны некоторые драматические коллизии. Например, гибель красногвардейца Чубука от небрежности и недисциплинированности героя. Не плохо показана борьба новых красных офицеров с бандитскими наклонностями их бойцов.

Партийный заказ в книге не так ярок, как в последующих произведениях. Объясняется это чисто календарно: в 1947 г. еще не были выработаны все «задания» по литературе. Конечно, в наши дни эта книжка была бы написана иначе. Нет ничего невозможного, если она изъята к теперешнему времени из библиотек. Расправа с автором невозможна, «по причине смерти».

Борис Горбатов «Мое поколение» 1947 г.

Несмотря на все ущемления «партийным заказом», из обоих произведений Горбатова («Мое поколение» и «Донбасс») становится ясно, что автор разочарован тем, что ему дает в настоящее время его дорогой и любимый вождь и не менее любимая партия.

И в том и в другом произведении он пишет действительно о **своем поколении**. Но он видит это поколение глазами комсомольца, а потом партийца. И прежде всего марксиста ленинского толка. Чувствуется, что сталинский толк дается ему только при помощи органов госбезопасности.

За «свое поколение» он болеет по настоящему. Но, коррективы, которые вносят в его боление вышеупомянутые «органы», зажимают ему рот, и он запутался и в самом себе и в своем писательском бытии. Если бы он мог освободиться от недреманного ока, он мог бы стать хорошим писателем. Образы комсомольцев типа, «за что боролись» во время НЭПА, даны с большей убедительностью.

Мечты стахановцев «Донбасса» целиком взяты из «Моего поколения».

Это один из самых ярких примеров того, как съедает партия и любимый вождь талантливого, но слабого человека. Человека,

у которого нет силы воли устоять перед соблазнами личного физического благополучия. А «Божья искра» в нем очень остро чувствуется. Только он совершенно затыркан чудовищной действительностью.

Жанна Гаузнер. «Вот мы и дома».

1948 г. «Советский писатель».

Разработка мифа о прекрасной жизни, которая ждет демобилизованных на родине. Все получают интересную и хорошо оплачиваемую работу, все трудятся с энтузиазмом. Даже инвалидам очень хорошо. Плохо только тем инвалидам, которые сами не хотят работать, а пошли по наклонной плоскости уголовщины и спекуляции. Литературно книжка сделана слабо и неинтересно.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Лениздат, 1948 г.

Самым интересным и значительным произведением Альманаха являются «Записки военного врача» Коровина. О них будем говорить после. А вот о рассказе Кратова «Конец зимы» стоит поговорить и подумать.

Странный для советской литературы, он переносит нас в те далекие времена, когда не было ни партийного заказа, ни классовой выдержанности, когда даже не было и партии. Рассказ без целевой установки, без коммунистической и прочей морали и без единого намека на Сталина и дорогую и любимую партию. Просто рассказ о переживаниях студента и девушки. Даже и без любви и без завязки.

На берегу моря домик, заколоченный на зиму. Бродя по берегу молодой человек наткнулся на него, и попытался представить себе его хозяев.

Домик пуст, в нем только в дырочку герой подсмотрел купальный костюм, купальные туфли и белый берет с помпоном. Немедленно, как самый распоследний беспартийный, он нарисовал себе образ девушки с золотыми косами. Не героини, не ударницы, не комсорга, а просто «с золотыми косами».

Дальше молодому человеку удалось встретиться с девушкой. Никакого романа и никаких трудовых и прочих подвигов. Просто встретились и разошлись. Единственный штрих времени: девушка оказалась воспитательницей детского дома, и приезжала на берег моря, чтобы найти помещение для летнего лагеря. Вот и все.

Но какой свежестью среди затхлой плесени «соцреализма» веет от этого маленького рассказика!

Сразу чувствуется, что рассказ написан и издан вскоре после войны. Правда, уже в 48 году. Недаром он издан в Ленинградском Альманахе, Ленинград был и остается все же городом наибольшего возможного протеста в Советском Союзе. Московские писатели к 48 году уже перешли на честный соцреализм. А некоторые из них, вроде В. Пановой, никогда и не начинали писать, отдавшись свежему ветру военной полусвободы. Недаром же такие крамольники, как Зощенко и Ахматова, появились в Ленинграде. Больше нигде они и не могли появиться. Конечно, и Кратов теперь, если он еще существует как писатель, тоже перешел на сталинский реализм. Но все же передышка была! Пресс был отпущен и сразу же все мало-мальски живое зашевелилось и начало себя проявлять. Мы не говорим о таких конъюнктурщиках, как Симонов, — этот всегда будет идти «в ногу с временем». Но вот молодые силы показательны! А сколько еще их там таких под спудом!

«Записки военного врача» Коровина написаны пестро. Вернее, они были написаны в том же тоне свободы и свежести, но потом их пришлось «исправить».

В них с исключительной правдивостью и искренностью рассказывается трагедия Ленинграда во время осады. Просто трудно поверить, когда читаешь некоторые страницы, что это издано в советском Ленинграде, а не в Петербурге времен дореволюционных.

И таким диссонансом звучат места, подобные тому, в котором автор передает эпизод с «опустившейся», а потом «подтянувшейся» сестрой милосердия из госпиталя. Видите ли, во время страшного голода, холода, отсутствия воды, света, мыла и тепла к нему, как к начальнику госпиталя, подшла интеллигентная девушка-сестра и попросила его отчислить ее от госпиталя, так как она недостойна звания сестры, потому что у нее завелись вши! Ну ее потом наставили на путь истинный, и она «ожила». Но только не указывается — помогли ли ей вывести вшей.

Евгений Воробьев. «Нет ничего дороже». 1948 г.

«Московский рабочий».

Книга рассказов о войне и послевоенном времени. Самое начало последнего. Рассказы хороши. Где только возможно, не подвергая себя опасности, автор показывает действительность. Очень лиричен и прост рассказ о любви, возникшей «с первого взгляда» между учительницей и демобилизованным старшим лейтенантом Левашовым.

За всей заданной автору агитпропом лакировкой, видна ка-торжная жизнь колхозников в первые годы войны. Но дело не в этом, а в том, что Воробьев сумел обойти партзаказ и дать прекрасные и живые образы. Например, Павел Ильич по образности, живости и юмору не уступает лучшим образцам русской литературы. Нисколько не навязчивыми чертами дан прекрасный портрет девушки. Настоящей живой девушки, которых так много во всякой стране, а в особенности в России.

Рассказ «Новоселье» один из самых лучших. Саперы сидят на развалинах деревни во время короткого отдыха в пути. Весна. Летают и беспокойно щебечут скворцы. Они не находят своих прежних жилищ. И вот усталые, измученные люди берут топоры и «за счет положенного отдыха», как формулирует старшина, строят в «боевом порядке» скворешницы из различного обгоревшего хлама и тут же их прибивают.

И удовлетворение тем, что им наконец, удалось построить что то для мира, для новой жизни, саперы отправляются в дальнейший путь. В рассказе всего три странички. Но автор сумел, не навязывая ничего читателю, показать в них ту острую, ту страстную тягу советского человека к труду созидательному и плодотворному, которой наполнено все его существо.

К. Ларионова. «Штурман Румянцева». Повесть, 1949 г.

«Советский писатель».

Тема социального заказа: патриотизм комсомолок и советских девушек в момент объявления войны.

Тема литературная: показ жизни женского воздушного полка, организованного Мариной Расковой по поручению партии.

Первая тема разработана художественно и талантливо и в нужном партии направлении. Здесь один из немногих случаев, когда фальсификация истории и настроений первого периода войны автору удалась. Так как книга написана для молодежи и для будущих поколений, то она может вызвать нужный эффект.

Сцена в здании районного комитета комсомола в Москве, когда все коридоры были буквально забиты женской молодежью, стремящейся попасть первой на фронт, производит впечатление. Здесь только одна «ошибка»: девушки были не добровольцы, а мобилизованные. И они не спешили «первыми» попасть на фронт, а покорно и со страхом ждали своей участи.

Вторая тема вводит нас в будни этой энтузиастической молодежи. И нужно сказать, что несмотря на все старания автора показать эти будни строгим праздником патриотизма и долга — они производят удручающее впечатление. Трехмесячная подготовка и потом вылеты на легких ночных бомбардировщиках на фронт, могут поднять волосы на голове и опытного военного пилота. Много военных эпизодов, и все они показывают невыносимо тяжелую жизнь этого полка.

Много стараний показать Марину Раскову любимым вождем, но это плохо удается. Повидимому это была одна из самых яростных коммунисток, ставящая ни в грош ни человеческие жизни, ни страдания других людей. Ее организационные и боевые качества вне сомнений, человеческих же в общем понимании этого слова, а не в коммунистическом, у нее совершенно не наблюдаются.

И. Марич. «Северное сияние».

Роман из эпохи декабристов.

Советский писатель, 1949 г.

Тема партийного заказа: смычка прошлого с настоящим. Приспособление русской истории к нуждам советского режима.

Тема литературная: Возникновение «Тайного общества», декабрьское восстание и судьба декабристов.

С первой темой автор не справился. Даже наоборот: у всякого мало-мальски вдумчивого читателя сами собой напрашиваются сравнения режимов эпохи Николая I с настоящим временем. Параллели всегда не в пользу второго.

Когда говорится о тех издевательствах и страданиях, которые переносили декабристы, немедленно возникают ассоциации с концлагерями, советскими тюрьмами и методами воздействия на арестованных советскими следователями. А также и с советским правосудием.

Вся «нищета» русского населения может вызвать только зависть у «богатого» советского читателя. Например, когда рассказывается, как угощали декабристов, ехавших в ссылку, сибирские крестьяне «чем Бог послал».

Строки о том, как бесчеловечно было правительство Николая, отнимая у матерей, ехавших за мужьями, их детей, вызывает негодование не на Николая I, а на теперешних правителей, которые отнимают детей не у десятка матерей, а у тысяч. И тех детей оставляли при бабушках и дедушках, а теперешних сдают в беспризорники.

Роман вызывает снижение сочувствия к декабристам, и усиливает ненависть и протест против теперешнего режима.

Вторая тема разработана шаблонно и неинтересно. Все исторические факты правильны. Освещения фактам не дано. С историческими персонажами автор поступает очень вольно. Он говорит за них, влагая в их уста свои мысли и свое представление о языке той эпохи. Особенно это раздражает, когда автор заставляет Пушкина декламировать, как провинциального актера.

Нравы крепостнического права, по сравнению с тем, как, они подавались до войны, сильно смягчены и подсахаринены. (Все, что касается, например, дома Раевских и Давыдовых). Факты грубого насилия и издевательства над крепостными шаблонны, мертвы и неубедительны.

Усиленно прививается читателю мысль, что весь народ принимал живейшее участие в восстании. Особенно комична сцена с якутами, которые представлены, как сознательные противники монархизма.

В общем, автор не справился с обеими задачами: ему не удастся убедить читателя в том, что большевистская революция прямая преемница декабрьского восстания; ни показать правильно и осмысленно историческую эпоху и источники, из которых возникло декабрьское восстание.

Николай Строковский. «Тайгастрой». Роман, 1950 г.

Роман является пересказом на новый лад истории «Промпартии» и проведения первой пятилетки.

Все, начиная с характеристики лиц на стройке и кончая условиями работ — ложь. Самая же главная ложь в том, что автор старается выставить все ужасы стройки в тонах лирически-идиллических. Особенно возмутительно сообщение, что работали на стройке в тайге, при пятидесятиградусных морозах только добровольцы, **которые были наняты в колхозах в 1929 году.** Старые инженеры, почти все, за исключением двух, показаны вредителями, продавшимися иностранному капиталу. Иностранные специалисты, работавшие на стройках, как проектировщики и изыскатели — иностранными акулами, приехавшими «разрушать молодое государство», опасаясь его все возрастающей силы. Только один инженер-француз (и это не даром) пятидесятилетний мсье Шарль, отказывается от своего французского гражданства, и захваченный «волной энтузиазма», который проявляли строители-рабочие, переходит в советское подданство.

Обычный советский роман последнего времени. Только вот то, что начали поднимать такую старину, заставляет насторожиться. Кажется зачем бы? Почему?

В фальсификации советского прошлого не должно быть пробелов. Коллективизация уже обыграна в том смысле, что она совершенно добровольна, и уже в конце 1929 года «колхозники» добровольно вербовались на великие стройки первой пятилетки. Жили они там, как на курортах. Работали по 19 часов в сутки совершенно добровольно и с энтузиазмом. Великий экономический фактор в виде ГПУ никакого участия в этом деле не принимал и никакой рабской силы не поставлял.

Истинная история, конечно уже уничтожена даже и в сейфах самого ГПУ (кто его знает, что может, случиться? Немецкий пример еще жив у всех в памяти). И вот пишется совершенно новая история для новых молодых поколений, которые не имеют представления о том, что делалось в то время. Да и разные заграничные «специалисты советской жизни» будут черпать для себя «исторические справки» в подобных произведениях.

И еще не лишено, конечно, значения, что роман выпущен в 50 г., когда началась вторая коллективизация в виде укрупнения колхозов и новые великие стройки. Так оно и идет. Новые строительные размахи, новый набор бесплатной рабочей силы в де-

ревне. Цимлянское море построили, а вот об азиатском и северном морях, где строятся электростанции несомненно гораздо большей мощности, чем Куйбышевская — никаких ни громких, ни скромных отчетов не поступает. Стройки секретные. А работа требуется, вот и пишутся пропагандные романы.

Вячеслав Лебедев. «Новый город». Повесть, 1950 г.

«Советский писатель».

Тема партийного заказа: осторожная подготовка общественного мнения к тому, что принесет с собой укрупнение колхозов.

Тема литературная: постройка «агрогорода».

Это произведение занимает совершенно особое место в ряду других произведений советской литературы. С первого взгляда, оно как бы несколько запутано и непонятно. И его «герои» тоже не подходят ни под одну из имеющихся уже стандартных мерок для героев и героинь советской литературы. Но дело в том, что здесь автору приходится все время скользить по очень тонкому льду. Все внимание читателя должно быть приковано к «проблеме» постройки городка для совхозов, а в то же время он должен незаметно принимать первые дозы «энтузиазма» по поводу укрупнения колхозов, в том виде, в котором оно запроектировано правительством, т. е. к подготовке перехода всего сельского хозяйства на систему сельскохозяйственных фабрик для нужд государства. (Об этом см. рецензию о книге Назарцева «Колхозный трудовень»*)

Суть этого «романа» совсем не в том, будет ли построен совхозный агрогород, а в том, что соседние с этим совхозом колхозы должны отдавать ему и всю нужную ему, и конечно, самую удобную землю в «обмен на пустошки с кустиками». Эти пустошки обещает совхоз привести в удобную пахотную землю, но кто же верит обещаниям, данным колхозникам. Эти же колхозы должны отдать всех трудоспособных работников совхозу и в то же время ухитриться выполнить свои планы по хлебосдаче. Новый термин, предписанный для такого рода обязательств, уже имеется. Называется это «соседская взаимопомощь». Но на практике «взаимопомощь» выражается в том, что колхозы дают, а взамен ничего не получают.

---

*) Рецензия эта утеряна (прим. издателя).

Под видом укрупнения колхозов и усиления совхозов начинается государственная урбанизация деревни. В разбираемой повести прямо говорится: «осуществлялась давняя мечта больших светлых умов — стиралась еще одна грань между городом и деревней. Рождался новый сельский город...»

Но это не город, мирно существующий рядом с деревней. Это город, уничтожающий деревню и все население, которое не нужно ему для обслуживания.

Владимир Игишев «Шахтеры». Повесть, 1951 г.

«Советский писатель».

Литературно книжка бездарная. Но и требования к ней предъявляются другие... Это агитка, пропагандный материал для набора людей в шахты Донбасса после войны, куда они, повидимости, не очень-то хотели бы идти. По всем правилам пропагандного искусства и с полным отрывом от жизни.

Расписано «полное морально-политическое единство» советского народа с партией и правительством. Коммунисты все такие «бытовики», что читатель должен не один раз вчитываться в образы героев, чтобы понять, что перед ним коммунисты. «Твердокаменные, со стальными глазами и ходящими желваками» коммунисты предвоенных времен стали пережитком. Теперешний коммунист или рубаха парень, вроде инженера Саенко, или хитрый жуликоватый делец, вроде Ковтуна.

Не забыта и «связь прошлого с настоящим» в виде стариков-шахтеров, которые, презрев пенсию, рвутся на шахты. И им даже разрешается разговаривать о душе: «Душа, она, брат, всем телом управляет, она вроде кливажа в пласту, нащупал, понял, гони... и честь тому мастеру, который в душевный кливаж проникает»(!) И методы обработки старичков тоже новые. Никаких собраний, никаких речей, никаких патриотических партторгов. А начальник шахты (коммунист) приглашает к себе старичков, угощает их роскошным ужином, конечно, с выпивкой (за счет шахтоуправления!) — старички распропагандированы.

Жизнь восстанавливающегося Донбасса показана, примерно, как жизнь при НЭПе. Все прекрасно одеты, живут в домах «с горенками», ходят на вечеринки, поют под инженерскую гармонь (Саенко, начальник шахты), а когда они выполняют план выдачи угля на гора — понять нельзя. Но выдают.

Виталий Закруткин. «Пловучая станция». Роман, 1951 г.

Идеальные типы рыбаков в идеальном рыболовецком колхозе на Дону. Все вымысел от первого и до последнего слова.

Тут и полная оптимизма молодежь, строящая «по своему почину и своими силами» рыбзавод. Тут и старик профессор, ихтиолог, который не хочет умирать, потому что еще не нашел способа переправки белуги через плотину, к местам ее нерестилищ. Отсюда можно сделать вывод, что плотины, которые строят сейчас, закрывают ход к нерестилищам, и белуга не может метать икру на старых местах. А на другом месте она не мечет, и происходит перерождение икры в жир. Белуга исчезает, а с нею исчезает и валюта в виде икры. Профессор находит «способ». Но этот способ до того кустарен, что даже и не-специалист понимает, что из этого способа ничего не получается. Таков же способ и спасения мальков после половодья. Против всякого желания автора читателю становится ясно, что рыбное хозяйство на Дону, а может быть и на Волге — гибнет.

Литературно книжка слаба. Очень сильно чувствуется, что автор зажат в тиски партийного заказа и очень боится проявить хотя бы малейшую авторскую самостоятельность. Много «клюквы» в описании быта казаков-рыболовов.

Вдумчивый и хотя бы капельку знакомый с советской жизнью читатель может сделать много выводов о «счастливой и зажиточной жизни населения» из этой книжки.

П. Павленко. «Неопубликованный рассказ», 1951 г.

«Новый Мир», № 8.

Повидимому, Павленко, несмотря на все драконовские правила о творчестве в Советском Союзе, волновала и занимала тема о простом человеческом счастье. Не в общегосударственном масштабе, а в масштабе личной судьбы человека.

«Вывалился из счастья, как из самолета» — говорит герой его романа «Счастье», Воропаев.

На эту же тему написан и этот «Неопубликованный рассказ». Написан без экивоков. Просто, так, как должен был бы писать всякий русский и иной автор. Кое какие соцказанные высказывания выделяются на теле рассказа, как заплатки из дерюги на парчевом наряде.

Для того, чтобы выдумать такую женщину и написать за нее такие письма, нужно быть не только не сталинцем, но **непреренно** антисталинцем.

Вот еще одно подтверждение того, что **настоящий русский писатель**, в какую бы эпоху он ни жил и как бы он ни назывался: советским, царским или какимнибудь — он непременно будет писать о том, о чем мечтает и чего жадно ждет его читатель, т. е. русский народ.

По чудесной лирике, по нежности и ясности сюжета, этот рассказ выделяется из всего багажа, не только Павленко, но и всех остальных писателей. И понятно, почему этот рассказ не напечатался до самой смерти писателя. Повидимому, ему самому было очень трудно ставить дерюжные заплатки на его парчевое платье. А без этих заплат — невозможно!

В рассказе есть одно замечательное место:

«Историю эту рассказал мне отставной майор, человек очень больной, не единожды раненый, бухгалтер в одном из совхозов на юге. Войну довелось ему пережить в сложных и более того — в нечеловечески трудных условиях, которые порой, выпадают как раз на долю тех, кто меньше всего подготовлен к испытаниям, выходящим за грани возможного».

Не является ли это место робким, робким протестом, против того, что посылает судьба людям, «часто меньше всего подготовленным к испытаниям». А если принять во внимание, что в Советском Союзе роль судьбы всегда почти играет не она сама, а ее заместители из политбюро, то этот протест станет для нас еще более доходчивым.

Вл. Остров. «Заметки о дисциплине школьника». 1952 г.

«Вечерняя Москва» № 41.

Эта статья является полным признанием в том, что советская педагогика потерпела полное крушение. Школьники не посещают занятий, ходят по кино во время уроков. Педагоги не имеют ни малейшего авторитета у них, и стараются свалить всю вину за поведение детей на родителей, а те, в свою очередь, стараются обвинить педагогов. И, в самом деле, как может мать или отец, или оба родителя быть ответственными за поведение своих детей, если они должны отдавать «все силы на службу государству?!»

Советской педагогикой были применены все средства старой педагогической системы царского времени (полицейские средства) вроде школьных билетов. Этим прославился еще Кассо. Но и это оказалось недействительным.

Власть, которая знает только один способ воздействия на граждан — террор — здесь бессильна. Если бы она была последовательна в своих действиях, то:

- а) она должна была бы отправить всех школьников в ИТК (Исправительно трудовые колонии);
- б) всех родителей в исправительно-трудовые лагеря, и
- в) всех педагогов посадить в тюрьму, за саботаж.

Этого сделать не может даже советская власть. И поэтому она старается ответственность переложить на кого-то другого. В данном случае:

- а) на сослуживцев матери или отца ребенка,
- б) на профсоюзную организацию, к которой принадлежат родители.

Между прочим, среди школьников, о которых пишет Остров, имеются дети «ответственных коммунистов».

Можно сказать без большой ошибки: эта статья вернейший признак разложения и беспомощности советской власти!

Слава Богу! Наконец, наступило саморазложение зла, без всякого упора на «помощь извне!»

В. Ян. «Юность полководца».

1952 г. Историческая повесть из жизни
Александра Невского, Госиздат Детской
Литературы

Повесть продолжает традиции Авенариуса, Чарской и подобных писателей, представителей квасного патриотизма дореволюционной России. Истории в ней на копейку, а пропаганды ненависти ко всему иностранному на рубль. Написана слащавым и сусальным языком, свойственным всем произведениям подобного рода.

Написана повесть на канве прошлой войны: здесь и «переметчики» предатели, которые устанавливали из корыстных соображений связи с немцами и шведами и «предавали им Русскую Землю». Так, например, поступил Псковский посадник

Твердило. Здесь и шпионы, засылаемые «коварными и жадными рыцарями» для убийства князя Александра. Здесь и панские послы, которые принесли Александру корону и приглашали его возглавить крестовый поход против татар. Александр, конечно, гордо отказывается от короны и выпроваживает послов.

Педагогическое значение повести в том, что она прививает детям не столько любовь к родине, сколько ненависть ко всему иноплеменному.

Советская власть верна себе — никаких конструктивных чувств в человеческой душе ей не нужно. Нужно только чувства разрушающие душу. С цельной человеческой душой ей делать нечего, да она ее и боится, потому что не разложенный дух служить этой власти не может!

С. Михалков. «Илья Головин».

Пьеса в трех действиях, четырех картинах.

Вариант МХАТА имени Горького.

Государственное издательство «Искусство».

Композитор Илья Петрович Головин, дожил до 50 лет в полной уверенности, что он идет по правильному музыкальному пути. Его последняя четвертая симфония была признана, как отечественным, так и заграничным музыкальным миром.

И вдруг, как гром с ясного неба, статья в «Правде» о «формалистических выкрутасах» Головина в музыке. Профессор сначала не верит тому, что он не прав, но потом, слушая все чаще себе похвалы в иностранной, особенно в американской прессе, а особенно, прослушав свою четвертую симфонию, переданную по радио через «Голос Америки», он прозревает и уже начинает писать свою музыку так, как велено.

У композитора есть сын Федор — художник. Федор, как и отец был индивидуалистом, писал только маки в различных освещениях, но одновременно с отцом и он перековывается, так сказать, за компанию, потому что автором не показано, что на него повлияло.

Головин окружен необычайно чуткими и внимательными людьми, которые все помогают ему в его перековке. Даже его соперник, молодой композитор Мельников, который до сей поры был с ним холоден и далек, теперь становится его, если не другом, то все же приятелем.

Помогает этому делу и генерал Рослый из шахтеров, который теперь великолепно разбирается в классической музыке. Он командует танковой частью, которая во время войны стояла на даче Головина. По странной случайности он приехал на маневры в этот район именно в тот день, когда была напечатана статья в «Правде». Его танкисты также влияют на Головина в том смысле, что во время войны они распевали его, «Головинскую» песню. Музыку они нашли в его старых тетрадях, а слова сложили сами. А теперешнюю его музыку они никак не понимают. И т. д.

Перековке помогает и Луша, шестидесятилетняя прислуга Головиных.

К. Симонов. «Чужая тень».

Драма в четырех действиях, шести картинах.

Сергей Александрович Трубников — директор бактериологического института, вместе со своей сестрой Ольгой Александровной, Семеном Никитичем Саватеевым в течении 25 лет работали над открытием нового метода в лечении остро инфекционных заболеваний. И, наконец открыли этот метод. По этому методу, для успешного излечения, например, тифа или чумы надо сначала искусственно создавать вакцину усиленного вируса этих бактерий, а после этого можно уже приступить и к лечению. В порядке обмена опытом он послал свою технологию изготовления искусственным путем всяких вредоносных бактерий своим американским коллегам — Меррею и Гарли. Те обещали выпустить его книгу на английском языке, но просили и продолжения.

Трубников был весьма властным и эгоистическим субъектом и считал, «что открытие мое, и я могу с ним делать все, что мне нравится».

Пьеса начинается тем, что молодой помощник Трубникова, также микробиолог и секретарь партийной ячейки института — Рыжков убеждает, наконец Трубникова сделать прививку чумы ему, Рыжкову, а не Трубникову, как тот хотел сначала. Трубников, наконец, соглашается.

Рыжкову делают прививку, а к Трубникову в институт приезжает его бывший однокурсник по университету Окунев, и привозит ему письмо от американцев, в котором те просят его при-

слать последнюю рукопись о методе разведения бацилл. Трубников отдает Окуневу рукопись.

Сестра Трубникова протестует против передачи рукописи Окуневу, с ней вполне согласна и дочь Трубникова, врач, только что демобилизовавшаяся. Протестует и еще один сотрудник института, мизантроп Иванов. Все они имеют инстинктивное недоверие к Окуневу. Трубников долго не сдается, но наконец, решает позвонить в Москву Окуневу с просьбой вернуть рукопись. Телефон оказывается выключенным. Тогда он дает несколько телеграмм, но ответа не получает. Тогда вмешивается в дело зять Трубникова, муж его сестры, который только что прилетел к ней на свидание из Азии. Он немедленно летит в Москву, заходит к Окуневу и требует от него рукопись обратно. Окунев весьма охотно возвращает рукопись, говоря, что он и сам решил ее никуда не передавать. Такая готовность вызывает подозрения у Макеева, и тот сообщает куда надо. Ночью у Окунева производят обыск и находят копию рукописи, которую для него сделала его жена. Окунев стреляется.

А дальше следует: Макеев обо всем доложил министру здравоохранения, а тот правительству. И вот правительство и, тот таинственный дух, который даже и не называется, но который стоит за правительством, поручает передать Трубникову, чтобы он оставался на своем посту директора института и продолжал бы свое дело. «Но не был бы впредь так доверчив». Он работает на благо всему человечеству, а его американские коллеги, интересовались только первой частью его труда, т. е. производством смертоносных вирусов.

Хаджи-Мурат Мугуев. «Астраханские дни». Повесть.

В повести Мугуева «Астраханские дни» рассказывается о борьбе белых и красных под Астраханью. Все сделано по шаблону: белые трусы, шкурники и глупы. Красные храбры, умны и дисциплинированы. Интересна эта повесть тем, что она является одним из первых произведений советской литературы, в котором упоминается о Троцком. А также тем, что в повести нет ни одного слова о Сталине.

Троцкий показан предателем революции. Он набирал в штаб бывших царских офицеров. Он приказал отступить от Астрахани тогда, когда красные войска имели там большой успех. Все дело

спас Киров. О Кирове говорится в обычных тошнотворных тонах советской пропаганды. Правда, еще не так, как о Сталине.

В повести «Степной ветер» того же автора говорится о тех же событиях, что и в первой, но только уже после отхода от Астрахани и ухода красных с Кавказа. Буденный уже сорганизовал свою кавалерию. Интересно, что ни одним словом не упоминается о Жлобе, главном герое наступления. Впоследствии исчез бесследно.

Партизаны и бандиты показаны целомудренными ангелами. И даже знаменитая Маруся-комиссарша могла бы с успехом выйти из Смольного института. Очень много говорится о тяге казаков к красным. Помимо желания автора хорошо показана опасность нейтральных настроений населения. «Лишь бы меня не трогали, а то мне все равно». Отсюда переход казаков из красных в белые и обратно.

Как ни странно, но гораздо меньше говорится о «зверствах» белых над населением, чем о благородстве красных. И Маруся, например, покоряла всех своей нежностью и глубокой идейностью. Красноармейцы ее отряда, например, не только при ней, но даже и в ее отсутствии, во имя ее, не говорят вольностей. И все в том же роде. Литературно бездарно.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Валентин Овечкин. «Трудная весна».

Странные вещи происходят в колхозах с точки зрения некоммуниста. В советских очерках рассказываются вещи, которым поверить трудно.

В «Новом Мире» (№ 2 за 56 г.) в очерке Валентина Овечкина «Трудная весна» рассказывается о коммунистах, посланных в колхозы в качестве председателей (тридцатитысячники).

Авторитет их зиждется повидимому не на знании сельского хозяйства, а на чем-то другом. Об этом другом совершенно ясно говорится в статье «Сталь и хлеб» В. Карпа в журнале «Нева» № 1 за 56 г.

«И сейчас еще есть на местах путиловцы, двадцатитысячники. А теперь новый отряд наших заводских людей отправился в деревню. И зовутся они — тридцатитысячниками».

А В. Овечкин в том же очерке «Трудная весна» пишет:

«Пожилые колхозники помнили 25.000 рабочих и политотдельцев, которые по началу тоже не знали сельского хозяйства, но были хорошими организаторами и с задачами, поставленными партией перед ними, справились успешно».

Как проводилась коллективизация 25-ю тысячами, известно хорошо. Особенно, конечно, пожилым колхозникам. И если 30.000 облечены такими же полномочиями, как и их предшественники, сомнения нет: «подъем сельского хозяйства пройдет успешно». Недаром же посылают прокуроров и начмилов.

Как ни старается Шолохов во второй части «Поднятой целины» идеализировать 25-тысячника Давыдова, память о миллионах крестьян, раскулаченных, расстрелянных, сосланных идейными партийцами Давыдовыми, в народе живет.

Приход к власти коллективного руководства после диктатуры Сталина не принес облегчения колхозникам.

КПСС отмежевывается теперь от Сталина, но не от его колхозной политики.

Посылка 30-ти тысяч — это использование сталинских методов.

Вводится ежемесячное авансирование колхозников (3 рубля в день иногда). Один из рычагов, который может поднять отстающие колхозы.

«Пилорама стоит, не работает, (рассуждает Мартынов), а Стройтрест в городе нуждается в досках — взять подряд на распилку, пустить агрегат круглосуточно... Старики слоняются по селу без дела, а все мастера, кто корзины плести, кто веники вязать — засадить всех за работу. Речка рыбная, и рыбаки есть, почему не завести невода, сети. Да мало ли откуда можно выбить живую копейку». (Стр. 32).

Ежемесячное авансирование, полагал Мартынов, можно вводить лишь в самых богатых колхозах, с устойчивыми доходами, без риска, что окажешься в конце года вралем перед колхозниками, не покроешь всем годовым фондом распределения выданных месячных авансов.

«А уж если колхозники твердо усвоят, что для получения такого-то аванса за такой-то месяц нужно обязательно выполнить приходную смету, тут все станут контролерами. Доярка Марья Агафонова не надоила за месяц положенного количества молока, — к ответу Марью перед народом, на собрание. «Срываешь наш план, отщипываешь от нашей мартовской трещки гривенники».

«Не только ревизионная комиссия, весь народ будет контролировать!» (Круговая порука. Л. О.). (Стр. 32).

«В Верхненикольский район послали председателям колхозов и предрика, и прокурора, и начальника милиции, и управляющего госбанком и судью. Только управляющий госбанком у них горький пьяница и исключался из партии за многоженство; начальник милиции страстный охотник, тридцать пять зайцев убил за зиму и пятьсот центнеров семенной пшеницы погноил, прокурор, юноша двадцати трех лет из горожан, в сельском хозяйстве, как в индийском балете разбирается, а судья на двух протезах, полуслепой, через дорогу не перейдет без поводыря и к тому же болен туберкулезом. А в Подгоренском районе поехали под шумок председателями те, которым уже в райцентре не улыбалось получить какую нибудь должность». (стр. 33).

«А у них в Никольском может свои председательские таланты скрывает уполномоченный министерства заготовок или начальник политотдела железной дороги. (Это называется выдвигание кадров снизу). Район крупный, при железнодорожном узле; там

поискать — найдешь кадров даже больше, чем нужно, не обязательно посылать в колхозы судью, которому три дня до смерти осталось», (стр. 33).

Интересен подбор: все вышеперечисленные являются блюстителями права и государственной законности.

Кадры:

Долгушин, инженер-металлист, директор МТС. Зам. нач. Главка в министерстве черной металлургии.

Присланным тридцатитысячникам полагается долгосрочный кредит на строительство домов. МТС отвечает за все колхозное производство, за урожай, за надой молока, за настриг шерсти.

Присланные на низовую работу в колхозы пытаются руководить всеми делами сами, а парткомы стараются утвердить свою власть. Идет поножовщина.

После разговора с Долгушиным, Медведь, первый секретарь райкома бормотал: Министерские привычки . . . Хочет превратить свою МТС в удельное княжество. Райкому указывать . . . Парторганизации, наши инструктора, это, видите ли, все для него, ему в помощь! Будешь на вытяжку вставать вот перед этим столом в кабинете. (Взаимная ненависть, внутривластная склока, борьба за собственный авторитет. Л. О.).

Долгушин перерыл все справочники, нашел разные породы коров, симентальскую, холмогорскую, ярославскую, а яловой не нашел. Когда ему говорят, что это нетельная корова, то он догадывается: это которые уже не ходят с телятами, у которых уже отняли телят.

Колхозники простой народ, очень деликатны и чутки к новому, приехавшему к ним на работу человеку, будь он растрепанный горожанин, если только видят, что он хочет жить и работать в деревне, всерьез интересуется их исконной земледельческой профессией. Пожилые колхозники и т. д. (стр. 50-51).

Интересная деталь: директор МТС ездит с шофером.

Инженер-металлург, старый коммунист Долгушин отнесся к своему переезду на работу в деревню, как к боевому приказу партии. За тридцать лет пребывания в партии он привык только так принимать ее поручения. Как приказ, который надо выполнить беспрекословно, даже не заикаясь о трудностях, не щадя себя, думая лишь о деле, отодвинув все остальное, личное на задний план (стр. 51).

Что скрывается за этой долгушинской психологией? Какие новые бичи и скорпионы для крестьян?

Безответственность ответственных работников, присылаемых из центра.

Из за отсутствия бидонов молоко выдаивалось на пол или недодаивали коров. (Но себе взять это молоко доярки не смеют) (стр. 66)

Искусственная яловость коров.

«Одинаковый трудодень для тех, кто доит и 10 коров и 4 коровы.

Доярки отвечают за павших телят финансово. Телятников нет. Берут телят к себе в избы.

Самоубийство из-за двух павших коров.

Дутые сводки — заросшие покосы.

(Рукопись обрывается)

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

ОБЛИК СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕ 1950 ГОДА

С 1950 года облик советской литературы несколько изменился. Исчезают постепенно со страниц романов прежние людские макеты, меньше советской сусальщины. О Сталине почти не упоминается, о партии говорят с меньшей назойливостью, так иногда, мельком.

Мотивы чистой целомудренной любви звучат все настойчивее. Но герои продолжают избирать друг друга по производственному принципу. В основе избрания лежит некий производственный отбор. Никогда не может быть любимым тот, кто не «в первых рядах» в колхозе, школе, университете, на заводе.

Ослабел мотив ненависти к классовому врагу и тем, кто идет у него на поводу и страдает пережитками капитализма в сознании. Молодежь больше не передает в руки карательных органов своих заблудших товарищей. Она даже не извергает заблудших овец из своей среды, а должна перевоспитывать их товарищеским воздействием и примером. Проповедуется всепрощение и кротость по отношению к неполноценным членам общества. Сначала дружеское воздействие, которое проводится с блистательным успехом. И только в крайнем случае санкции.

Возникает впечатление, что человеконенавистнические мотивы больше не имеют хождения в СССР, и население от них абсолютно свободно. Никакой враг народа ни в ком не вызывает отвращения и благородного негодования; проявления большевистского каннибализма не только не размазываются, но о них перестают упоминать.

Просто диву можно дать. Например, в повести Добровольского «Студенты» выведен совершенно разложившийся комсомолец. И его не арестовывают, не шельмуют за бытовое разложение на общем собрании, не выгоняют с позором из института, а «внушают», «обращают внимание», упрекают друг друга и комсомольскую ячейку за то, что «не обратили внимания, не поддержали,

не помогли стать на настоящий путь комсомольца». Словом, забота о человеке в полном ходу. Повидимому, никакие меры строгости не помогают, и решено взять более либеральный курс по отношению к молодежи. Одновременно провозглашается фиктивное благополучие в комсомоле. Не без пятен, конечно, но пятна эти быстро выводятся гуманнейшим и благопристойнейшим способом.

Или вот профессор, который совершенно явно обнаруживает себя в качестве бездарного космополита. Он, правда, увольняется из университета, но и только. Находятся даже смельчаки из студентов, которые «жалуют» его за его заблуждения.

Также рекомендуется относиться к отрицательным типам старшего поколения.

В очерке Сергея Антонова «Поддубенские частушки» (№№ 38, 39, 40 и 41 «Огонька» за 1950 г.) имеется некая недовольная и неосознательная старуха-колхозница. Лодырь, норовящая «стянуть» побольше с колхоза и не желающая выгонять трудодни. И ее не только не репрессируют, но и бригадир и председатель колхоза и все прочие колхозники только слегка журят ее и ласково стыдят.

Вообще нужно отметить, что отрицательные типы даются теперь в весьма ограниченном количестве и весьма деликатно. Так, легкие облачка на праздничном житейском небосклоне советского гражданина. Тени для усиления светлых красок светлого жития.

Но зато все усиливается мотив раздражения против «поджигателей войны».

Общественное мнение подготавливается к тому, что в будущей войне уже спасения не будет ниоткуда. И в плен сдаваться будет некому. Ибо «американцы — не немцы». Все персонажи литературных произведений работают и должны работать с огромным напряжением не ради любимого вождя, а потому что надо подготавливаться к защите от «поджигателей войны», которые полны самой неистовой злобы и ненавидят не партию, не правительство, а именно народ. Вот этих вот Васю и Машу, вот этого колхозного деда и детдомовскую тетку Пашу.

***

Послевоенный период советской литературы интересен, как ее завершение. Все предыдущее было только подготовкой к нему, т. е. к полному превращению ее в чисто советскую, в литературу социалистического заказа, литературу функциональную.

Занята эта литература не столько освещением положения в СССР во время войны, сколько подготовкой «общественного мнения», установками норм поведения и чувств населения на случай будущей войны.

Из послевоенной литературы совершенно ясно, что правительство Советского Союза вовсе не интересуется восстановлением нормальной жизни в стране.

(На этом рукопись обрывается)

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Михаил Зощенко

Зощенко — писатель псевдо-советский. И нужно удивляться не тому, что он потерпел крушение, а тому, что это крушение пришло так поздно. Никто из советских писателей не умел и не смел показать с такой жестокой ясностью затырканность советского рядового человека и его моральную и духовную деградацию, как Зощенко. Он же показал и не прекращающуюся борьбу этого самого затырканного и деградирующего советского «гражданина» за свою самостоятельность и духовную независимость.

Все советские, партийные и марксистско-ленинско-сталинские требования, предъявляемые к духовному и душевному миру нормального среднего человека, в произведениях Зощенко носили всегда весьма гротескный и издевательский характер, что слабо маскировалось якобы недостаточной «сознательностью гражданина».

Ни один из советских писателей и психологов не сумел и не решился показать с такой предельной четкостью работу «сознательности» (см. «Очерки большевизмоведения») в психике советского человека, как сделал это Зощенко.

Слабым подражанием ему являются романы Ильфа и Петрова «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев».

Зощенко — единственный писатель в Советском Союзе, которого не сумели во время раскрыть и разгадать чтецы в сердцах из Политбюро.

Его герои всегда являются героями того нереального и фантастического мира, в котором живет теперь вся Россия. Только они чрезвычайно тонко умеют показать свое сопротивление этой фантастике. Простой средний человек тоскует по реальности, по твердости почвы под ногами, по прочным устоям и преемственности прошлого. Он не хочет отрываться от корней. И вот, насилуемый внешней и враждебной силой, он отбивается как умеет. И в этой битве ему помогает «надстройка сознательности». Никто

не умеет так уйти в эту надстройку, как герои Зощенко. Без нее они погибнут и они знают это всем своим существом.

Когданибудь советский быт будут изучать по Зощенко.

Зощенко был обвинен в клевете на советского человека. Было объяснено, что советские люди — это люди героической сталинской эпохи и социалистического сознания, а герои Зощенко — шкурники и пошляки. Особенное возмущение Жданова вызвали «Приключения обезьяны». В этом произведении Зощенко, будто бы «изображает советских людей бездельниками и уродами, глупыми и примитивными». Это неверно. Зощенко изображает их такими, какими они стараются казаться перед властью; это их манера защищаться от притязаний власти.

(На этом месте рукопись обрывается)

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Писательский облик Л. Т. Осиповой	5
I. Двойственный характер советской литературы. Типы и герои советской литературы	11
II. Совсем особый читательский мир. Хэппи-энд. Мещанский уют. Поиски правды. Правдив и реален образ	21
III. Злые характеры и добрые дела. Перенесение вины. Предательская роль советской литературы	29
IV. Отсутствие беспартийных героев, Драма отцов и детей. Благое подсознание. Ахиллесова пята советской литературы	37
V. Деструктивные и конструктивные идеи. Наша ошибка	45
VI. Источник познания советской жизни. Соцреализм. Шолохов «Тихий Дон»	52
VII. Ф. Гладков «Энергия». Афиногенов «Страх». М. Кольцов	59
VIII. Вторая мировая война в советской литературе. Фронтная лирика. Бабаевский «Кавалер Золотой Звезды». П. Павленко «Счастье». В. Панова «Кружилиха», «Завод», «Ясный берег»	69
IX. А. Когтяева «Иван Иванович», «Товарищ Анна». Е. Мальцев «От всего сердца». В. Фоменко «Человек в степи»	80
X. Семена, рассада и плоды коллектива. В. Катаев «Сын полка». Б. Изюмский «Алые погоны». О. Гончар «Знаменосцы». С. Михалков «Я хочу домой». В. Вишневский «Незабываемый 1919-й»	92

XI. Б. Полевой «Золото»	106
XII. Г. Николаева «Жатва». Ю. Яновский «На ярмарке». В. Котельников «Дон, Кубань, Терек». И. Козлов «В городе русской славы»	117
XIII. Б. Горбатов «Донбас», «Новый мир», 1951 г. №№ 1, 2, 3	128
XIV. В. Сафонов «Колокол Говерлы», 1950 г. М. Раскова «Записки штурмана», 1951 г.	136
XV. «Нас возвышающий обман». Н. Дубов «Огни на реке». Д. Холендро «Горы в цвету»	145
XVI. В. Герасимова «Байдарские ворота». М. Шаронова «Милочка». А. Андреев «Широкое течение». Рассказы, 1955 г.	153
XVII. Из трех тетрадей. С. Чекмарев «Новый Мир», январь 1956 г. В. Дудинцев «Не хлебом единым»	163
XVIII. Назревшая опасность	174
XIX. Обида чекиста	185
XX. Краткие рецензии и рецензии на иностранные книги. Емменс «Гости Кремля». Максимилиан Компани , 1949 г., Нью Йорк	204
Приложение первое. Валентин Овечкин «Трудная весна»	230
Приложение второе. Облик советской литературы после 1950 года	234
Приложение третье. Михаил Зощенко	237